

IN THE
MASTER'S
Bed

*He would teach her
about sensuality!*

BLYTHE GIFFORD

В погоне за свободой и независимой жизнью юная Джейн де Вестон переодевается в мужское платье и бежит из дома, чтобы под видом юноши поступить в колледж и изучать латынь. Познакомившись по дороге с кембриджским наставником Дунканом, она не подозревает, что вместо тяги к знаниям он пробудит в ней совсем другие желания и заставит ее захотеть быть женщиной...

Блайт Гиффорд

В ПОСТЕЛИ С НАСТАВНИКОМ

Глава 1

Англия. Конец лета 1388 года.

В покоях, где лежала роженица, было удушающе жарко.

Духота навалилась с самого утра, проникая сквозь темные занавеси, которыми были задрапированы окна замка, и смешиваясь с жаром очага, где всю ночь кипела вода.

Джейн подошла к окну и, с тоской подставив лицо лучам солнца, глотнула свежего воздуха. Может быть, позже получится улизнуть и прокатиться верхом.

— Джейн!

Она торопливо задернула занавесь.

— Да? — Сколько раз матери пришлось звать ее, прежде чем она услышала?

— Схватка прошла. Принеси Солей попить.

Джейн зачерпнула из таза, стоявшего в углу, холодной воды. Жаль, что она не умеет угадывать желания сестры так же чутко, как ее мать. Другие женщины словно обладали врожденным инстинктом, который подсказывал им, что делать, а она...

— Джейн!

Попугай сестры, взъерошив зеленые перья, затоптался на жердочке.

— Джейн! — проскрипел он снова, будто бы с укоризной.

Она повернулась к постели, где лежала сестра с животом огромным, будто гора. Схватки, накатывая волнами, терзали ее всю ночь напролет. С каждым разом промежутки между ними становились все короче, и Солей не успевала оправиться. Ее длинные черные волосы слиплись от пота, темно-лиловые глаза покраснели.

В дверях появился Джастин, ее супруг.

— Как она? Я могу чем-то помочь?

Превозмогая слабость, Солей повела рукой.

— Кыш. Не смотри на меня сейчас.

Ее мать подтолкнула его за порог.

— Ступай. Поиграй с братом в шахматы.

Он не двинулся с места.

— Оно всегда так бывает? — расслышала Джейн его встревоженный шепот.

— Первые роды всегда тяжелые, — не понижая голоса, ответила мать. — Помню, когда я рожала Солей, стояла самая короткая ночь в году, но мне она показалась вечностью.

Эта история ничуть его не утешила.

— Но она мучается столько часов.

— И промучается еще столько же, поверь. Такова женская доля. Если хочешь сделать что-то полезное, сходи разбуди повитуху. — Тронув его за рукав, она еле слышно прибавила: — И помолись Богородице.

Он вышел. Джейн невольно дернулась следом, но остановила себя. Он мужчина, а значит волен поступать по своему усмотрению. В отличие от нее. Она тоже хотела иметь право выбора — сходить ли за повитухой, поиграть в шахматы или, может, пролистать судебные бумаги Джастина, чем он иногда разрешал ей заниматься.

Она хотела быть где угодно, только не здесь.

— Джейн! Где вода?

Вздоргнув, она подошла к кровати и протянула плоску с водой. Сестра, от усталости не открывая глаз, на ощупь потянулась за ней, их руки столкнулись, и вся вода пролилась на постель. Солей тихо вскрикнула от неожиданности.

— Нет, ты погляди на нее! — рассердилась мать и обеспокоенно склонилась над старшей дочерью.

И Джейн поняла, что опять выставила себя совершенно никчемной.

— Погляди! — заверещал попугай. — Погляди!

— Утихни, — шикнула на него Джейн.

Она взялась вытирать простыни и нечаянно задела раздутый живот роженицы. Мать отобрала у нее полотенце и сама аккуратно промокнула воду.

— Лежи, Солей. Отдыхай. Все будет хорошо.

— Оно всегда так бывает? — шепотом спросила Джейн, забирая у матери мокрое полотенце.

— Нет. Ребенок торопится появиться на свет раньше времени, — шепнула она в ответ.

Не зная, чем еще заняться, чтобы опять не напортачить, Джейн направилась к двери, мечтая хоть ненадолго вырваться из тюрьмы родильных покоев.

— Я принесу свежие полотенца.

— Не уходи, — послышался голос Солей. — Спой для меня.

Метнув на младшую дочь предостерегающий взгляд, мать вышла в коридор за служанкой.

А Джейн, присев на краешек постели, запела. Увы, первые же ноты *Sumer is icumen in* застряли у нее в горле, и она понуро опустила голову.

— Видишь, даже петь у меня не получается.

— Ерунда. Мне приятно уже оттого, что моя маленькая сестричка рядом.

Пальцы Солей — тонкие, белые, изящные — переплелись с ее собственными, короткими и неуклюжими. Даже не верится, что эта красавица — ее родная сестра. Солей была такая женственная, такая грациозная, всегда приветливая.

Полная ее противоположность.

Джейн уныло посмотрела на свои широкие, обветренные ладони. Сегодня они не были перемазаны грязью и не пахли лошадиным потом лишь потому, что повитуха заставила ее вымыть руки, прежде чем допустить к роженице.

Она сочувственно сжала пальцы сестры.

— Тебе очень больно?

— Терпимо. — Солей слабо улыбнулась. — Но, боюсь, своего нареченного тебе придется встречать без меня.

Своего нареченного. Чужого человека, к которому ее привяжут на всю жизнь. Она и забыла, что он приезжает меньше чем через месяц. Точнее, пыталась забыть.

— Я не хочу замуж. — Она не такая, как ее сестра и мать. Быть женственной — чего, несомненно, потребует от нее муж — было для нее так же тягостно, как для других учить латынь.

— Я знаю. — Сестра ободряюще погладила ее по руке. — Но тебе уже семнадцать. Время давно пришло.

Джейн насупилась, и Солей шутливо ущипнула ее за выпяченную нижнюю губу.

— Вы только посмотрите на эти надутые губки. Хватит места, чтобы села птичка, и еще останется. — Она вздохнула. — Согласись хотя бы познакомиться с ним. Джастин

предупредил его, что ты...

Не такая, как все.

— И о том, что я хочу путешествовать по миру, о том, что знаю латынь — тоже?

— Он торговец, а значит у тебя будет больше свободы, чем у дворянских жен. Кроме того, не исключено, — ее губы дрогнули в лукавой улыбке, — что после свадьбы у тебя появятся новые интересы.

— Ты уже говорила. — Можно подумать, брак волшебным образом преобразит ее.

— Обещаю, если он тебе не приглянется, мы не будем настаивать. Просто мы с Джастином так счастливы вместе. Нам хочется, чтобы и ты нашла свое счастье.

Джейн прижала ее ладонь к своей щеке.

— Я знаю. — Несбыточное желание. Сестра не понимает, что ей ни в жизнь не стать такой, как она.

Солей пригладила ее светлые волосы, короткие и растрепанные.

— Но умоляю тебя, не стригись больше так коротко. Мужчинам нравятся длинные волосы, а твои... — Ее лицо напряженно застыло. — Из меня что-то течет. Я вся... Я вся мокрая там, внизу.

На миг Джейн будто окаменела, а потом рванулась к двери.

— Мама!

Мать, сонная повитуха и служанка с полотенцами подмышкой уже поднимались по лестнице. Услышав ее вопль, они со всех ног бросились в комнату.

Повитуха тронула лоб роженицы.

— Сколько схваток прошло, пока меня не было?

Джейн виновато опустила глаза. Ее посадили здесь специально для того, чтобы она считала схватки.

— Не знаю.

Повитуха отбросила покрывало. Простыни под Солей были насквозь мокрые, и то была не пролитая вода.

То была кровь.

— Мама! — вскрикнула Джейн ошарашенно. — Гляди!

— Гляди! — проскрежетал из своего угла попугай. — Гляди! — И забился крыльями о прутья клетки, словно хотел улететь да не мог.

— Я вижу, Джейн, — с нажимом произнесла мать.

Глаза Солей округлились.

— Мама, что со мной?

— Ш-ш, тише, все будет хорошо. — Мать поцеловала ее в лоб.

Джейн в панике отшатнулась. Как они могут сохранять такое спокойствие? Откуда они знают, что нужно делать? Солей вот-вот отдаст богу душу, а она, беспомощная и бесполезная, ничем не сможет помочь.

«Я так больше не могу», — застучало у нее в голове. — «Не могу, и все».

И в момент, когда сестра пронзительно закричала от боли, Джейн не выдержала и бросилась вон. Крики преследовали ее по пятам, пока она бежала по лестнице в свою комнату, пока сбрасывала платье и, туго перевязав груди, переодевалась в шоссы, тунику и плащ.

Казалось, крики не прекратятся никогда.

Она выбежала за ворота замка и понеслась прочь, а крики все летели за нею следом,

подгоняя ее вперед, наслаиваясь друг на друга, такие же страшные и отчаянные, как та неумолимость, с которой ребенок рвался наружу из чрева ее сестры.

Когда она, в конце концов, остановилась, то поняла, что вокруг тишина, а крик звучит только в ее голове.

Никто не заметил, что она ушла. Оказавшись посреди дороги с перевязанной грудью под мужским платьем, она поняла, что зря столько времени откладывала побег. Все необходимое — узелок с провизией, посох, кошель со скромным запасом монет — было у нее при себе. Не было только плана, что делать дальше.

Она вздохнула полными легкими, подавляя чувство вины. Сестра и не заметит ее отсутствия. Другие женщины — мать, невестка, повитуха — позаботятся о Солей лучше, чем когда-либо получится у нее самой, ибо мир женщин, полный чуждых ее натуре забот, всегда вызывал у нее отторжение. Чего ей хотелось, так это жить вольной жизнью мужчины. Идти, куда вздумается. Делать, что душа пожелает. Не упираться в рамки ограничений, навязанных ее полу.

Но ради этого придется навсегда оставить семью. В носу у нее защипало. Она зажмурилась, а потом решительно расправила плечи и принялась обдумывать свое будущее в новом обличье.

Воином, конечно, ей не бывать. Для этого она слишком хилая. А вот клерком... Об этой профессии она была достаточно наслышана от Джастина. Выучившись на клерка, можно спокойно зажить среди мужчин, найти место при королевском дворе, а то и стать посланцем короля в Париже или Риме.

Джейн забросила узелок за спину.

Отныне она свободна. И зависит только от себя.

Если ее расчеты верны, через три дня она будет в Кембридже.

* * *

Проснувшись на рассвете третьего дня, Джейн позавтракала пригоршней ягод и продолжила путь на восток, высматривая в дымке на горизонте очертания города.

Вокруг всюду щебетали птицы. Пятнистая корова, лениво щипавшая траву на обочине, укоризненно посмотрела ей вслед. «Негодная девчонка! Бросила сестру в трудную минуту», — будто говорил ее взгляд. Джейн отвернулась. Все равно от такой неумехи, как она, нет никакого прока.

В желудке у нее заурчало. Ягодами досыта не наешься, а хлеб и сыр уже кончились. Не привыкшая сама заботиться о своем пропитании, она не рассчитала запасы.

Прошло два дня, а казалось, будто все десять.

Проспав две ночи в зарослях кустарника на обочине дороги, она выглядела и пахла далеко не как леди. Посох она потеряла в первый же день, когда, переходя ручей, оступилась и упала в воду. Пока солнце не просушило одежду, пришлось полдня путешествовать в мокром. И, в довершение всего, ее ужалил слепень.

Почесывая место укуса, она задумалась, далеко ли еще до Кембриджа, как вдруг позади раздался топот лошадиных копыт. Она обернулась. Бежать не было сил. Если это вор, поживиться ему будет нечем. Впрочем, если он догадается, что она женщина... Тогда есть опасность лишиться не только тощего кошелька.

Напустив на лицо по-мужски суровое выражение, она рассматривала широкоплечего всадника, скакавшего верхом на мощном вороном коне.

Лет ему было около двадцати пяти или чуть больше. Лицом — угловатым, со сломанным носом и впалыми щеками, заросшими косматой черной бородой — он сильно походил на разбойника. За спиной у него болталась гиттерн, но это не успокоило Джейн, ибо странствующие музыканты в ее глазах были олицетворением всех возможных пороков.

Поравнявшись с нею, он придержал лошадь и пророкотал что-то неразборчивое.

Джейн неуверенно покосилась на него снизу вверх. Вроде бы он спросил, куда она направляется, но с таким чудным акцентом, что точнее она не разобрала. Его серые, цвета дождевых облаков, глаза смотрели, впрочем, доброжелательно.

— Что ты сказал?

Он вздохнул и повторил помедленнее:

— Говорю, куда путь держишь?

Она прочистила горло и ответила грубым голосом:

— В Кембридж.

— Я тоже, — улыбнулся он. — Ты студент, верно?

Не отваживаясь снова подать голос, она кивнула. Всадник оглядел ее с головы до пят, и в его глазах что-то блеснуло.

— Негоже студенту путешествовать в одиночку, — наконец сообщил он.

— Бродячему музыканту тоже.

Он рассмеялся неожиданно мелодичным смехом.

— Я играю только для себя.

Ее кольнула зависть. Сама она умела только петь. Но если жить в обличье мужчины, придется распрощаться с этим своим единственным женским умением.

— Как звать-то тебя, мальчик?

Мальчик. Ха! Она подавила усмешку.

— Меня зовут Дже... — Она осеклась. — Джон. А тебя?

— Я Дункан. — Он протянул руку. — Откель будешь?

Откель? Наверное, он имеет в виду откуда. Джейн сглотнула, лихорадочно соображая. Заготовленная заранее история о том, что она пришла в Кембридж из Эссекса, где ее семья и впрямь жила до весны, не годилась. Эссекс лежал в другой стороне.

— А тебе какое дело?

Он не потрудился ответить. И так было ясно, что то, откуда человек родом, имело в мире мужчин первостепенное значение.

— Ты же не валлиец, нет? А то валлийцы мне не друзья.

Она помотала головой.

— И не ирландец?

— А что, похоже?

— Больше похоже на то, что в тебе есть примесь норвежской крови.

И опять он не угадал. Светлые волосы она унаследовала от своего отца, покойного короля Эдуарда III, но об этом надо было помалкивать.

— Ты сам-то откуда? — спросила она, меняя тему.

— Из Иденской долины. — Черты его лица смягчились, но всего на один миг. — Из местечка, где Камберленд граничит с Вестморлендом.

Теперь понятно, почему у него такой странный говор. Пришел ее черед пристально на

него уставитья.

— Это правда, что вы едите мясо сырым? — вырвалось у нее.

Она еще не встречала людей с севера. По слухам тамошний народ был грубым и неотесанным, и ее новый знакомец всем своим обликом это подтверждал. Всем, кроме глаз. Глаза у него были добрые. До этой минуты.

— Смотри-ка, ты наслышан о нас, парень! — прорычал он и, свесившись с лошади, грозно оскалил зубы. — Конечно, правда. Рвем мясо зубами, как волки!

Она отшатнулась как от порыва ветра, не устояла на ногах и с размаху шлепнулась наземь. Сверху раздался хохот. Ее разыграли! Она ждала, что он поможет ей подняться, но потом вспомнила, что в обличье мальчика должна со всем управляться самостоятельно.

— Так болтают люди, — осторожно сказала она, встала на ноги и отряхнулась.

Он склонил голову набок.

— Ясно. Ты откуда-то с юга. Пока вы, южане, все лето гуляли по садам да развлекались чтением стишков, мы сдерживали шотландцев, чтобы они не прошли по Англии, как серп по пшенице.

Кстати. Мужчины обожают разглагольствовать о войне, значит и ей нужно этому научиться.

— Зато вы и близко не видали французов.

— Не прикидывайся дурачком. Будто не знаешь, что, когда французы в прошлый раз ступили на английскую землю, то дверь им открыли шотландцы. — Он помрачнел. — Пока ты стоишь тут и трепещешь как баба, они разоряют наши края и поджигают наши посева.

Как баба. Ее не так пугали шотландцы, как угроза разоблачения. Покрепче уперевшись ногами в землю, она выставила вперед кулаки.

— Слезай с лошади. Посмотрим, кто из нас баба.

Его лицо разгладилось. Он снова залился своим замечательным смехом и, нагнувшись, похлопал ее по плечу.

— Маленький Джон, вижу, жизни ты еще не нюхал, но сегодня, так и быть, я избавлю тебя от взбучки.

Она подавила вздох облегчения.

— Иди сюда. — Он протянул руку. — Забирайся на лошадь. До вечера будешь в Кембридже.

Она была уставшая, голодная, вся в поту и грязи... И тем не менее, пересилив себя, с независимым видом повела плечами. Принимать чужую помощь в ее представлении было не по-мужски.

— Так-то я сам могу о себе позаботиться.

В отличие от женщин. Женщины полностью зависели от мужчин и были обязаны этим высшим существам всем — вплоть до воздуха, которым дышали.

— Оно и видно, — хмыкнул Дункан, оглядев ее неопрятную фигурку. — Поехали. Только дурак отвергает руку помощи.

Он перекинул гиттерн со спины на грудь, и когда она поставила ногу в стремя, рывком притянул ее вверх и усадил позади себя. Лошадь, почувствовав второго седока, недовольно взбрыкнула и чуть не сбросила ее вниз.

— Держись крепче, Маленький Джон, — поправляя на шее инструмент, предупредил северянин. — Если свалишься, дальше потопаешь своим ходом.

Похлопав лошадь по крупу, Джейн обняла его за талию, стараясь сильно не

прижиматься. Пусть ее груди перевязаны, но вдруг его спина распознает их мягкость? Ее ноги, раскинувшись в седле до предела, обнимали его бедра, выставляя напоказ ее самый интимный секрет. Вдруг он почувствует, что кое-чего там не хватает?

Говори. Говори, чтобы отвлечь его. И заодно себя.

— Значит, у тебя была стычка с шотландцами?

— Стычка? Ну, пусть будет стычка. Нас атаковало три тысячи человек. К тому времени, как я уехал, они были на полпути к Эпплби.

— И ты уехал? — вырвалось у нее. Разве мужчине пристало уклоняться от боя?

— Меня отправили просить — нет, слезно молить — о помощи нашего бравого короля и его совет. — Он презрительно сплюнул на землю.

— Ты видел короля?

Ее мать была любовницей старого монарха и после его смерти удалилась в изгнание. Джейн на тот момент едва исполнилось пять, и о жизни во дворце она почти ничего не помнила, но Солей в прошлом году некоторое время провела при дворе и, вернувшись, пересказала ей все последние новости.

— Не просто видел. Я говорил с ним. Он знает, как меня звать, — гордо сообщил он.

Джейн остолбенела. Насколько она разбиралась в запутанных родственных терминах, новый король, хоть и был на несколько лет ее старше, приходился ей сводным племянником. И все же они никогда не встречались. Похоже, даже простолюдин с севера был выше статусом, чем она, жалкая женщина.

— И что тебе сказали в совете?

— В следующем году. — Его слова отдавали горечью. — Сказали, что помогут, но в следующем году.

Захватчики не станут ждать, пока совет выберет удобное для войны время. Она задумалась, далеко ли от них этот Эпплби.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас у них нет денег, и скоро зима, а зима не лучший сезон для военной кампании. Были еще какие-то отговорки, да я не запомнил.

Ни ее сестра — тоже незаконнорожденная дочь усопшего короля, — ни зять не уважали нынешнее правительство, но держали язык за зубами. Было опасно ссориться с королем, пусть он и был не таким хитрым и коварным, как его предшественник.

— Тогда почему ты едешь в Кембридж? — Разве мужчина не должен мчаться во весь опор на защиту родного дома?

— Там протирает штаны парламент, почему же еще, — ответил он таким тоном, словно даже ребенок мог бы самостоятельно прийти к этому логичному и простому выводу.

— Знаешь ли, я не умею читать мысли. — Иметь дело с парламентом, судя по опыту ее семьи, было во сто крат хуже, чем с королем, но она благоразумно придержала эту мысль при себе. — Ты что, заседаешь в Палате общин?

Кто он, этот северянин? Менестрель или законник?

— Нет, но мне надо переговорить с теми, кто заседает.

— А что король? Он тоже в Кембридже?

— Прибудет через две недели, — ответил Дункан.

— Я слышал, он статен и пригож лицом.

— Наверное, ты слышал это от девок. Но соглашусь, со стороны он и впрямь выглядит по-королевски в своих раззолоченных нарядах.

Она была уверена, что узнает короля с первого взгляда. В том, что они увидятся, раз уж он приезжает в Кембридж, Джейн даже не сомневалась.

Дальше они ехали молча. Разговор больше не отвлекал ее. Широкая спина Дункана загоразивала ее от горячего летнего ветра, и все равно всем телом она ощущала жар. Он шел откуда-то изнутри.

Никогда еще она не находилась так близко от мужчины, и вдобавок от такого — родом из северных приграничных земель. Десятки вопросов рвались у нее с языка. Северяне, если верить слухам, были звероподобными варварами, но этот... Этот был не такой.

— Расскажи мне о своем родном крае, — в конце концов попросила она. Когда еще выпадет случай удовлетворить свое любопытство.

Некоторое время он молчал, потом произнес:

— Там горы, много гор. Спорю, ты-то в горах никогда не бывал.

Она покачала головой, хоть со спины он и не мог этого видеть.

— Нет.

— Видел бы ты наши холмы, скалы, ручьи... Душа так и поет, когда смотришь.

Холмы и ручьи? Не похоже на холодную и мрачную обитель Люцифера, каким она рисовала север в своем воображении.

— Тебе там нравится?

— Земля говорит со мной.

— Ну прямо поэзия, — не удержалась она и закусила губу, испугавшись, что задела его. Но он, кивнув, безо всякого стыда подтвердил:

— Земля и есть поэзия.

Непривычно было слышать столь возвышенные речи от простолюдина. И все же, только дикари могли добровольно поселиться на неприветливом севере, да еще и превозносить его.

— Но увы, мне давно нет там места. — Он передернул плечами, будто прогоняя неприятные мысли. — Ну, а ты откуда будешь, парень? Выкладывай, не ломайся.

Она пожевала губу, сочиняя ответ.

— Ну? — Он оглянулся через плечо.

Сначала правда, потом немного лжи — и правдоподобная версия готова.

— Родился я в Эссексе, но жил под Бедфордом. У дяди. — Эти края наверняка незнакомы ее попугачику, поэтому он не поймает ее на лжи. — С тех пор, как мои родители умерли.

Не желая распространяться о своей семье, она без колебаний сделала из себя сироту и приготовилась выслушать соболезнования. Никаких особенных угрызений совести она не испытывала. В конце концов, ее отец и впрямь умер. Но Дункан вместо сочувственных ахов и охов только коротко буркнул, что ему жаль. Между ними опять повисло молчание. Похоже, мужчины не склонны к праздной болтовне.

— А в Кембридж я иду, чтобы изучать право. А после буду служить королю, — наконец прервала она паузу, заодно рассчитывая произвести впечатление на этого дикаря, который, верно, и читать не умеет.

— Ишь ты. — Дикарь, как ни странно, оказался несколько не впечатлен. Неожиданно знающим тоном он осведомился: — И где же ты учился?

Она запоздало пожалела о своем бахвальстве.

— Дома. Меня учил священник. — В школы допускались только мальчики.

— И сколько тебе лет? Наверное, не больше пятнадцати, раз голос еще ломается.

Она внутренне порадовалась своему низкому для девушки голосу. Чтобы сойти за мальчика, нужно скосить себе пару лет.

— Будет пятнадцать на Сретение.

— И ты впервые отправился в университет.

— Да, — ответила она, не догадавшись, что это был не вопрос.

— Латынь хорошо знаешь? — продолжал он засыпать ее вопросами.

— Неплохо.

— *Ubi jus incertum, ibi nullum*, — без тени акцента сказал он.

Кажется, что-то нелицеприятное о законе.

— *Varus et mutabile semper femina*, — ответила Джейн, запинаясь. Хочешь поддержать разговор с женщиной — скажи гадость в адрес женщины.

— *Varium*, а не *varus*. Женщина — непостоянное и изменчивое существо, а не колченогое.

От стыда ее обдало жаром. А он не так прост, как кажется.

— Читаю я лучше, чем говорю.

— Хотелось бы верить. Значит, решил податься в законники, да? — спросил он, словно ее намерение забавляло его и одновременно вызывало неприязнь.

Вздыхнув, она неохотно призналась:

— По большей части я хотел просто сбежать из дома.

Снова смех. Понемногу его смех начинал ей нравиться.

— Тогда ты попадешь в хорошую компанию. Иногда мне кажется, что мальчишки только затем и рвутся в университет.

Легкая картавость его голоса ласкала слух, и у нее приятно заныло между ног, в том месте, которое прижималось к его бедрам. Более, чем приятно.

Сестра как-то раз пробовала просветить ее по части интимных отношений между мужчиной и женщиной. Трепетно и поэтично она повествовала о слиянии тел и сердец, но страсть в ее описании походила на болезнь или, еще того хуже, на безумие, от которого напрочь отшибает мозги. Джейн никогда ничего подобного не испытывала и испытать не стремилась. Может, когда-нибудь, в далеком будущем... И то, у нее все будет по-другому. Она ведь не такая, как обычные женщины.

Но сейчас... Сейчас ей было очень приятно.

— Знакомых правоведов у меня немного, но если ты твердо настроился, советую пойти в ученики к Джону Линдвуду.

Джейн отделалась невнятным бормотанием. Советы камберлендского крестьянина, нахватавшегося латинских цитат, были ей не нужны.

По рассказам Джастина, получившего образование при Судебных иннах в Лондоне, она знала, чего ждать от университета. Ее встретят высокие каменные здания, просторные дворы и ухоженные сады, где она будет прогуливаться в перерывах между чтением интересных книг и дискуссиями об их толковании с приятелями-школярами.

Однако, когда они, миновав ворота, въехали в Кембридж, ее мечты пошатнулись.

На узких, вонючих улочках теснились деревянные постройки, между которыми, словно гнилые зубы во рту бродяги, встречались почерневшие остовы сгоревших домов.

— Где ты остановишься? — спросил Дункан, повышая голос, чтобы перекричать визжание свиней, целое стадо которых столпилось на перекрестке. — Я отвезу тебя.

В воздухе стоял смрад. Густо пахло лошадиным навозом и рыбой. Где же тихие,

уединенные сады, о которых говорил Джастин? Она выбрала Кембридж, а не Лондон или Оксфорд, только потому что этот город лежал в стороне от больших дорог, а значит здесь ее будут искать в последнюю очередь. Неужели это была ошибка? Она так мечтала сама вершить свою судьбу и ни от кого не зависеть, но теперь ей стало страшно остаться без мужской защиты. И кого — этого незнакомца с севера.

Невольно она покрепче вцепилась в своего спасителя.

— Эй, ты сейчас придушишь меня, парень.

Джейн тут же расслабила руки. Мужчины так себя не ведут.

— Все. Остановись здесь.

Она соскользнула с лошади — прочь от надежного щита его спины и от тех противоречивых чувств, которые он пробудил в ней, — и под его внимательным взглядом встала посреди улицы, держась за свой узелок с пожитками.

— Ты еще не придумал, где остановиться, да?

— Нет, но скоро придумаю. — Солнце еще высоко. Времени на то, чтобы найти приют, предостаточно. — Спасибо, что подвез.

Косо взглянув на нее, он нахмурился.

— Друзья-то есть в городе? Или, может, тебя ожидает наставник?

Напустив на себя бравурный вид, она отмахнулась.

— Поезжай. Дальше я как-нибудь сам. — Интересно, способны ли мужчины, такие бесстрашные с виду, испытывать страх?

Было пора уходить, но она никак не могла оторваться от взгляда его пронизательных глаз.

— У тебя нет ни жилья, ни друзей, ни наставника. — Дункан откинулся в седле и прищурился. — Парень, да ты, похоже, совсем не строил планов.

Он попал в точку, и Джейн пристыженно повесила голову, не представляя, как найдет в этом огромном, пугающем городе ночлег и пропитание. Нет. Вскинув подбородок, она смело посмотрела ему в глаза. Она не какая-то трусливая девчонка. В ее жилах течет королевская кровь.

— Я сам могу о себе позаботиться.

— Завтра начинается ярмарка. Постоялые дворы переполнены. Да и члены парламента до сих пор прибывают. Хочешь, переночуй у меня? Хотя бы сегодня.

Гордость внутри нее боролась со страхом. Для приезжего провинциала он чересчур хорошо ориентировался в городе, но что она о нем знала? Ничего. К тому же, не затем она сбежала из дома, чтобы сдать на милость этого деревенщины, пусть даже от его смеха по телу бегут приятные мурашки.

— Спасибо, но мне не нужна твоя помощь.

Наклонившись, он тронул ее за плечо.

— Тебе нужен друг, Маленький Джон. Нет ничего зазорного в том, чтобы принять руку помощи, когда тебе ее предлагают.

Джейн выпрямилась. Он пугал ее. И вовсе не потому, что питался сырым мясом.

— Я позабочусь о себе сам, — твердо сказала она. Если повторять эти слова достаточно часто, они станут правдой.

— Неужто? — В его речь вернулись простоватые нотки. — Ну, дело хозяйское. Бывай. — Развернув лошадь, он поехал прочь.

Было ясно как день, что северянин обиделся. Джейн закусила губу.

— Но все равно, спасибо за предложение! — прокричала она ему вслед.

— Другого не будет! — через плечо откликнулся он.

На нетвердых ногах, затекших после целого дня в седле, она побрела в противоположном направлении, соображая, куда бы податься, и стараясь не оглядываться.

— Эй! Джон!

Она обернулась. Сколько раз ему пришлось звать ее, прежде чем она услышала?

— Да?

— Держись подальше от квартала мясников! И если окажешься у пивной близ общежития «Солар», заходи, опрокинем с тобой пару кружек.

Она бодро помахала ему на прощание и зашагала вперед. Города она совсем не знала, и уж тем более не знала, где живут эти зловещие мясники.

* * *

Остановив лошадь, Дункан смотрел мальчику вслед до тех пор, пока его светловолосая голова не растворилась в толпе. Когда они въехали в город, Маленький Джон испуганно вцепился в него и, тем не менее, отверг его помощь. Гордый, ранимый, полный честолюбивых планов юнец... Прошла вечность с тех пор, как он сам был таким.

Надо было силком увезти его с собой. В большом городе опасность таилась на каждом углу. Далекое ходить не надо. Достаточно забрести в дурное место, или попасть в дурную компанию, или наткнуться на прохожего в дурном настроении... Впрочем, попадет в беду — и поделом ему. Как и все южане, мальчишка смотрел на него свысока, как на недалекого приграничного дикаря. Вот и пусть ищет на свою голову приключений, раз побрезговал его помощью.

И все же нутром он чувствовал, что мальчишка отверг его помощь не только из гордости. В чем же другая причина? Что его отпугнуло?

Он направил лошадь в сторону общежития. В конце концов, у него есть заботы поважнее, чем волноваться о неблагодарном юнце. Со дня на день в город прибудет Пикеринг, с которым им предстоит выстроить план действий перед началом работы парламента. Плюс нужно проверить, готовы ли комнаты к приезду студентов и в достатке ли провианта на кухне.

Но, несмотря на все это, Дункан знал: ночью он будет лежать без сна и гадать, нашел ли мальчишка ночлег.

С неприлично урчащим от голода желудком Джейн наблюдала, как дверь пивной то и дело распахивается, впуская и выпуская посетителей. Со вчерашнего дня, когда в Кингсхолле ей перепала тарелка жидкой овсянки, она ничего не ела.

Жить самостоятельной жизнью оказалось тяжелее, чем она полагала. Питалась она от случая к случаю, а возможности вымыться за эти пять дней и вовсе не представилось. Пока было светло, она обивала пороги колледжей в поисках наставника, который взял бы ее в обучение, а по ночам долго лежала без сна, читая молитвы за здоровье сестры и ее младенца и выпрашивая у господ и матери прощения за то, что сбежала.

Но небеса — как и наставники — оставались глухи к ее мольбам.

Внешне она была нужного пола и возраста, вот только денег у нее было немного, а ее познания в латыни, которыми дома так восхищались, в Кембридже не производили нужного впечатления. На латыни требовалось не только читать, но и свободно разговаривать, и преподаватели не желали слушать никаких оправданий.

Наверное, зря она отказалась от помощи того северянина.

Мысли о нем — не мальчишеские, но женские — всплывали в ее голове далеко не единожды. Она то и дело вспоминала тепло его крепкой ладони на своем плече. Мелодичный смех, слетавший с его губ. Твердую мощь его спины. Его бедра, зажатые меж ее ног.

Опасные мысли...

И все же в тот день ноги сами собой принесли ее к пивной у студенческого общежития, а глаза принялись высматривать в толпе его черную, всклокоченную шевелюру. Когда северянин покажется, она окликнет его и сделает вид, что их встреча оказалась случайной.

Но шло время, а он все не появлялся. В конце концов торговка через дорогу начала подозрительно на нее посматривать, будто раздумывая, не позвать ли стражу, и Джейн расправила плечи. Быть может, Дункан сидит внутри. Надо заглянуть и проверить.

Ее ладонь нерешительно легла на створку двери. Кто знает, что окажется за порогом. В подобных заведениях она еще не бывала.

Когда дверь отворилась, пропуская лучи света в темное помещение, посетители обернулись, и она втянула голову в плечи. Только бы они не стали присматриваться. Но гул разговоров не стих, и она облегченно выдохнула.

Попривыкнув к темноте, она, наконец, разглядела Дункана за дальним столом. В тот же миг и он заметил ее. Лицо его — ведь не показалось же ей, правда? — озарила радость, и у нее перехватило дыхание. До чего приятно, когда при виде тебя человек не хмурится, а искренне рад.

Он помахал ей из-за стола, а когда ему показалось, что она идет слишком медленно, сам подошел к ней, приобнял за плечи и проводил к себе в угол, попутно бормоча что-то на своем северном наречии. Она не разобрала ни слова, но от добродушной интонации в его голосе на глаза навернулись слезы.

— Если ты спрашиваешь, как я поживаю, то все хорошо.

— Вот и славно. Садись.

Она присела на краешек скамьи, надеясь, что не слишком пропахла конюшнями, куда вечерами пробиралась на ночлег. С животными она всегда хорошо ладила. Всего-то и нужно,

что погладить лошадь по холке да напеть песенку, и вот она уже успокоилась и не прочь пустить тебя прикорнуть на пару часов на охапке сена у себя в стойле.

С лица Дункана не сходила улыбка. Она тоже несмело улыбнулась ему, и какое-то время они сидели и глазели друг на друга, онемевшие и до странного счастливые.

К ним подошла хозяйка.

— Что будешь пить?

— Знакомься. Это Маленький Джон. — Дункан размашисто шлепнул ее по спине, и она едва не сверзилась на пол. — Плесни ему своего пойла.

Интересно, что за пойло он заказал, подумала Джейн.

— Уж мы о тебе наслышаны, парень. — Хозяйка расплылась в щербатой улыбке. — Он нам все уши прожужжал о мальчишке, которого подобрал на дороге. Рада, что твоя голова все еще на месте. — И она, посмеиваясь, удалилась.

Джейн взглянула на него, растроганная и польщенная. Оказывается, он тоже ее вспоминал.

— А где же еще быть моей голове?

Он откинулся назад и отхлебнул из кружки.

— Видишь ли, Кембридж не самое дружелюбное место на свете.

— И не говори. Народец здесь злобный.

— Что, тяжело тебе приходится? Хуже, чем ты ожидал?

С наигранным равнодушием она пожала плечами.

— Да нет, все не так уж и плохо.

Принесли ее выпивку, и она жадно уткнулась носом в высокую пену.

Дункан усмехнулся.

— Это эль, парень. Для студентов он вместо хлеба.

Она благодарно кивнула, чувствуя, как пустой желудок заполняется хмельным, пахнущим зерном и дубовыми листьями, напитком.

Нечаянно задев его плечом, она снова вспомнила, как они скакали на лошади, а она прижималась к его спине, чувствуя мощь его торса, силу его мышц. Но тогда не приходилось смотреть ему в лицо, как было сейчас, когда они в полутьме сидели рядом. Испугавшись, что эти мысли слишком явственно отразились на ее лице, она отклонилась в тень. Другие мужчины не обращали на нее внимания, но глаза Дункана смотрели слишком цепко, слишком внимательно.

Чтобы не встречаться с ним взглядом, она уставилась на его ладони — крепкие, широкие, сильные.

— Ну что, ты нашел себе наставника? — Он ласково тронул ее за руку.

— Пока нет. — После беглого опроса выяснилось, что ее познания в грамматике и риторике оставляют желать лучшего, и теперь перед нею маячила незавидная участь полуграмотного новичка, приговоренного днями и ночами зубрить латынь. — Но я поговорил с несколькими. — Она понадеялась, что изобразила безразличие достаточно убедительно. — Еще не определился, кого из них выбрать.

— Не тяни с этим. Ты обязан прикрепиться к наставнику в течении пятнадцати дней после прибытия.

Она забарабанила пальцами по столешнице, подсчитывая в уме. Осталось десять дней.

— Так и сделаю.

Он скептически усмехнулся.

— Смотри, если не успеешь, тебе грозит исключение.

— Исключение? — Как же ее исключат, если ее имя даже не внесено в списки *matricula*?

— Или заключение, — подмигнул он весело и приподнял кружку. — Смотри, как решит король.

Король... Она хотела блеснуть перед королем своими достижениями в науках, а не выставить себя школяром, которого отовсюду выгнали. Не иначе, Дункан снова дразнит ее. У короля есть дела поважнее, нежели возиться с нерадивыми кембриджскими мальчишками.

— Ты все выдумываешь.

— Нет, это чистая правда, — ответил он, посерьезнев.

Нет уж, она не даст ему снова себя запугать.

— Откуда ты столько знаешь об университетских правилах?

— Сильно удивишься, если скажу, что я сам наставник?

Какая чепуха! Нет, он точно ее дразнит.

— Не может быть. — Брать студентов и называться наставником разрешалось только после семи лет обучения. По возрасту Дункан, конечно, мог быть таковым, но в ее представлении наставники должны были соблюдать трезвость и воздержание, ходить в длинных, до полу мантиях и не рассиживаться в пивных. — Ты на него ничуть не похож.

— Да ты что? Как я погляжу, о наставниках ты знаешь не больше, чем о северных землях.

Он дурачит ее. Преподавателям не дозволено носить бороду.

— Но у тебя нет тонзуры.

Улыбнувшись, он наклонил голову, и она увидела, что на макушке его волосы были немного короче.

— Была, да заросла за лето.

Она прищурилась, все еще недоверчиво.

— Если не врешь, то чему же ты учишь?

— Если не вру? По-твоему, я не только невежественный дикарь, но и лжец?

— Нет... — простонала она. Нужно успокоить его, покуда он не вывел ее на улицу и не отлупил за дерзость. — Так что за предметы ты преподаешь?

— Уж будь покоен, не право, — с уже привычным ей грубоватым акцентом огрызнулся он. — Я преподаю грамматику и риторику, а сам изучаю медицину — науку, которая приносит людям настоящую пользу.

От одного только слова ее замутило, и она зажмурилась, вспомнив душераздирающие крики сестры. Нет, иметь дело с больными она больше не желает.

— Ты нашел себе жилье?

Джейн приоткрыла глаз и с облегчением увидела, что раздражение в его взгляде сменилось участием.

От выпитого натошак эля ее мысли спутались.

Он хочет помочь. Почему же она отвергает его помощь? Если попроситься к нему в ученики, он наверняка не откажет, а значит у нее наконец-то появится и наставник, и крыша над головой. И со всеми проблемами будет покончено.

Но рядом с ним ее сердце ускоряло бег, заставляя грудь тяжело вздыматься. Когда она смотрела на его руки, когда встречалась с ним взглядом, во рту становилось сухо, а мальчишеская бравада мигом выветривалась из ее головы, уступая место девчачьей глупости.

Он был первым мужчиной, рядом с которым ей захотелось быть женщиной, и потому был для нее опаснее всех прочих.

Нет. Она обойдется без его помощи.

— Да, неподалеку от Хай-стрит. — Она качнула головой в сторону Трампингтонских ворот. — Одна вдова меня приютила, а я взамен помогаю ей по хозяйству. Так что, как видишь, твоя помощь вовсе мне не понадобилась.

— Ну что ж, молодец, что устроился.

Он отвернулся, и будто тучи закрыли солнце. Довольно. Чем дольше она здесь сидит, тем чаще ловит себя на том, что ищет его улыбку, ждет, затаив дыхание, его смех. Надо бежать от этого человека.

— Спасибо за эль. Я, пожалуй, пойду.

Она поднялась со скамьи и пошатнулась. Дункан придержал ее за плечо, и от его прикосновения жаркая волна прокатилась по ее телу, добравшись до самых кончиков перевязанных грудей.

— Быстро же ты напился. Совсем захмелел, да? — В его тоне прозвучала забота. — Давай провожу тебя до дома.

Она отшатнулась.

— Нет, не надо, я пойду, а ты сиди себе дальше. — Она бездумно опрокинула в себя остатки эля, икнула и утерла рот рукавом. Нужно уходить, покуда она спьяну не проболталась, что спит на конюшне. — Мне пора. Вдова меня заждалась. По вечерам столько дел.

— Ну, смотри. Если попадешь в беду, приходи в общежитие и спроси меня.

Джейн чуть было не расплылась по-девчачьи в улыбке.

— О, это вряд ли. — Она дала себе зарок больше не искать с ним встречи. — Я буду крайне занят. Уроки, помощь вдове, сам понимаешь, — выдавила она, уже зная, что его нетрудно задеть за живое. Эти слова оттолкнули его, и Дункан оставил ее в покое.

— Как хочешь. У меня самого нет лишнего времени на то, чтобы тревожиться о неразумном мальчишке, — ответил он и, отпустив ее, привалился к стене. В его голосе таилась обида, но как же хотелось услышать его смех. — И без того есть чем заняться.

Хорошо. Он разозлился. И настолько сильно, что даже не попрощался.

Джейн торопливо вышла наружу и спряталась в тени, надеясь напоследок увидеть его еще раз. Ждать пришлось недолго. Совсем скоро он вышел на улицу и, задержавшись, оглянулся по сторонам, будто высматривая ее. А потом дверь общежития, где его ждала теплая и сухая постель, захлопнулась за его спиной. Сдерживая слезы, она до боли закусала изнутри щеку.

«Тебе нужен друг», — сказал Дункан.

Из пятнадцати дней осталось десять. Но пять колледжей ей уже отказали, и если откажут оставшиеся четыре, придется искать приюта в студенческих общежитиях.

Но общежития под названием «Солар» в ее списке не будет.

* * *

— Что случилось? — спросил Дункан сходу, когда несколько дней спустя встретился с Пикерингом и по первому же взгляду на его лицо понял, что тот привез дурные вести.

Терпения ждать, пока он отдохнет с дороги, не было. — Выкладывай.

Сэр Джеймс Пикеринг присел на краю стола. В лучах утреннего солнца, заливавших комнату для собраний в общежитии «Солар», глубокие морщины резче обозначились на его лице.

— Вокруг только и разговоров, что о битве при Оттерберне, но крепче всего шотландцы прижали нас на западе. Карлайл еще держится, но вот Эпплби... — Он сокрушенно покачал головой. — Эпплби мы потеряли.

Тихий, незащищенный городок, у которого не было ни единого шанса выстоять.

— Будь они прокляты! Я на коленях умолял их... — Воспоминание о том, как он унижался перед членами Большого совета, приставленного к королю, обожгло сердце каленым железом.

— Тебе отказали?

— Пообещали помочь в следующем году. — У него почти получилось уговорить их. Но только почти. — Клянусь, король был готов оседлать коня и ехать. Он так и заявил совету.

— Увы, совет ему не подчиняется.

Он и сам знал это, да что толку.

— Я должен был придумать что-то еще, привести какие-то новые аргументы. Какие угодно, лишь бы уговорить их послать помощь немедленно!

— Ты склонил на свою сторону короля.

— Как будто от этого что-то изменится.

— Настали такие дни, что совету приходится осторожничать, — вздохнул Пикеринг. Во время февральской сессии парламента — она получила название «Безжалостной» — несколько фаворитов короля решением совета были приговорены к смерти. И теперь состоявшие в совете лорды-апеллянты с еще меньшей охотой шли навстречу желаниям короля, дабы не разделить участь его любимцев.

— Попробуй объяснить это тем, кто в одиночку противостоит шотландцам.

— Скоро зима. Шотландцы вернутся не раньше весны.

— Ты в этом уверен? А ну, если ошибаешься? — Ты все еще дышишь? — Если бы я только смог убедить их, если бы они собрали войско без промедления...

— Не кори себя. Шотландцы повернули назад и ушли через границу задолго до того, как ты добрался до короля. — Пикеринг замялся, не решаясь сообщить последнюю, самую скверную новость.

— Что еще? Говори.

— Твой отец...

Дункан ухватился за край грубо сколоченного деревянного стола, потом сел. Мир его пошатнулся.

— Что с ним?

— Его взяли в плен.

Новость оглушила его, как отцовская затрещина в детстве.

Он словно воочию узрел своего старика, изнуренного бесчисленными схватками, в том числе и против собственных сыновей. Отец был олицетворением всего, что Дункан оставил позади и от чего пытался сбежать — пытался да не мог.

— А матушка и Майкл? — только и смог вымолвить он.

— Слава богу, целы и невредимы. В отсутствие отца твой брат, как положено, взял бразды правления в свои руки. Башня уцелела, но поля и деревня... — Он тяжело

вздохнул. — Все сожжено дотла.

Невидящим взглядом Дункан уставился перед собой. Перед его мысленным взором встали разрушенные хижины, бездомные сервы, дымящиеся поля. Урожая в этом году не будет. Остается уповать лишь на то, что овцы дадут достаточно шерсти. Иначе им нечего будет продать. Нечего будет есть.

«Ты уехал», — упрекнул его Маленький Джон. Да. А надо было остаться. Как бы ни было тошно, но надо было остаться дома. Его крепкие руки большегодились бы там, чем бесполезное красноречие здесь, в Кембридже.

Вполуха он выслушал рассказ Пикеринга о сражении и достойном сопротивлении отца, уже зная, что услышит в конце.

— Его забрали, чтобы потребовать выкуп.

— Тогда их ждет большое разочарование. — Дункан невесело усмехнулся. — Мы бедны как церковные крысы. — Родители едва наскребли денег, чтобы отправить его учиться. Теперь, правда, он сам мог брать со студентов плату за уроки, однако на выкуп этих грошей не хватит. Он встал. — Я пойду.

Пикеринг положил руку ему на плечо, и в этом жесте было больше ласки, чем он когда-либо видел от родного отца.

— Ты дал обет преподавать, сынок. Как бы ни было здесь плохо, поверь, дома во сто крат хуже.

Волны Черной смерти опустошали провинции каждые несколько лет, словно сама земля устала носить на себе людей и пыталась от них очиститься. А между эпидемиями приходил враг и оставлял после себя разоренные деревни и выжженные поля.

— Да, им пришлось бы кормить лишний рот, но у меня есть две здоровые руки. — Он сжал кулаки, гордый своей силой. Держать плуг он умел лучше иных сервов. — Я мог бы помочь с посевами, с восстановлением...

— Ты вернее поможешь им здесь, если убедишь парламент послать на север деньги. Они не в настроении вводить новые налоги, и кто-то должен их переубедить.

Он сбросил ладонь Пикеринга и, не находя себе места от злости, принялся мерять шагами комнату.

— Мне до них вовек не достучаться. — Все они, даже Маленький Джон, мнили себя умнее и лучше только потому, что родились южнее да правильно выговаривали слова.

— Придется постараться, иначе не будет ни мира, ни денег на выкуп.

Он остановился как вкопанный и воззрился на своего собеседника. Бессильная ярость охватила его.

— Мой отец и его товарищи проливали кровь, обороняя границы, а южане тем временем почитывали стишки!

— За лето в плен попали больше трехсот рыцарей, даже Генри Горячая Шпора и его брат.

Кулак Дункана с размаха врезался в стену, но боль не принесла желанного облегчения. Братьев Перси и их рыцарей выкупят задолго до его отца.

— То есть, получается, богатые лорды, у которых есть деньги на выкуп, спасутся, а тем из нас, кто живет в грязи и нищете, но защищает границы не раз в году, а всю жизнь, на помощь можно и не рассчитывать?

— Парламент собирается через пять дней, — сказал Пикеринг. — Нам надо постараться склонить на свою сторону как можно больше его членов.

Дункан вздохнул. Пришла пора расстаться с обличем северного дикаря. Прежде всего начать следить за акцентом, а после сбрить бороду и надеть выстраданную мантию наставника, чтобы, наконец, приступить к своим учительским обязанностям — вместо того, чтобы вернуться домой.

— Два голоса, считай, у нас уже есть, — сказал он. — Те, что принадлежат университету. Я позабочусь о том, чтобы они были в нашу пользу.

Вечером, не находя себе места от беспокойства, Дункан вышел в город. Музыка в этот день не смогла его успокоить.

Будь он дома, то отправился бы побродить по окрестностям. Природа его родного края была сурова, но там, где надменным южанам мерещилась опасность, он видел бесконечную красоту.

Увы, но в Кембридже не было ни дорогих его сердцу прозрачных озер, ни высоких гор, ни лугов, столь изумрудно-зеленых, что глазам было больно смотреть. Не было ничего. Сразу за чертой города начинались непролазные, по колено, болота — будто море вышло из берегов и затопило землю. Избегая окраин, Дункан принялся кружить по узким центральным улочкам и, проходя мимо здания колледжа, невольно огляделся, высматривая Маленького Джона.

Внезапно воздух прорезала брань. Он замедлил шаг и приготовил кулаки. Надо было поосторожнее наказать мальчишке не связываться с горожанами, а лучше припугнуть его рассказом о том, как недавно в потасовке с ними убили студента. Своим дерзким поведением он непременно накличет на себя беду, вот только в драке с местными задирами не продержится и минуты, как бы смело ни махал кулаками.

Впереди он увидел какого-то здоровяка, который угрожающе навис над щуплым, невысоким пареньком и держал его за плечо. Было темно, но он сразу узнал эти бледно-золотистые кудри. То был Маленький Джон, и он уже очутился в беде.

В сердце кольнуло. Не долго думая, он кинулся вперед, взял мальчика за другое плечо и призвал на помощь свое самое правильное кембриджское произношение.

— Что здесь происходит?

Джон вздрогнул. Узнав своего заступника, он изумленно распахнул глаза, и Дункан впервые заметил какого они цвета. Голубые, словно небо.

Здоровяк крепче вцепился в свою жертву.

— Этот паршивец шастал вокруг конюшен. Хотел увести лошадь, не иначе.

— Неправда! — вскинулся Джон. — Я просто...

Дункан сжал его плечо, призывая попридержать язык. Черт, даже странно, до чего радостно снова увидеть мальчишку.

— Уверен, произошло недоразумение.

— А ты еще кто такой? — злобно огрызнулся конюх.

— Его наставник.

Джон удивленно вскинул голову, но, по счастью, на сей раз смолчал. Конюх, однако, не спешил отпускать его.

— Не больно ты похож на книжника.

Сильные руки и плечи Дункана и впрямь не вязались с обликом преподавателя, к тому же он еще не успел сбрить отросшую за лето бороду.

— Может и не похож, но, тем не менее, этот парень студент и живет у меня в общежитии. — Провинившихся студентов наказывали университетские, а не городские власти. — Я за него отвечаю.

Конюх ослабил хватку. Дункан сделал вид, что потерял к нему интерес, как если бы конфликт был разрешен, и развернул мальчика к себе лицом.

— Идем. В спальнях нужно подмести, да и белье само себя не выстирает.

Благодарность на лице Джона сменилась недовольством.

— Но...

— Ни слова! — оборвал его Дункан. Одно неверное движение, и конюх на них набросится. — Еще раз сбежишь без спроса, выгоню. — Он взял мальчишку за шиворот и потащил вверх по Хай-стрит.

— Чтоб вам пусто было, жалкие твари! — понеслось им вслед.

Сапоги конюха загрохотали по гравию, и в спину им полетели увесистые, острые камни. Один угодил Джону в плечо, второй попал в Дункана, и он подтолкнул мальчишку вперед.

— Бежим!

Конюх ухитрился попасть в них еще раза три или четыре, пока они, завернув за угол, не скрылись от преследования. Остановившись, Дункан перевел дух и окинул Маленького Джона тревожным взглядом. На гладком, окруженном ореолом светлых волос, лице не было, к счастью, ни царапины, и в остальном он, кажется, тоже не пострадал. Тряхнув непутевого юнца за плечи, Дункан рявкнул:

— Я ведь предупреждал тебя!

— Насчет мясников! — Мальчик заерзал в его сильных руках, тщетно пытаясь вывернуться. — О конюхах ты не говорил ни слова.

— Эта братия тоже нас недолюбливает.

— Нас? — Джон перестал извиваться и поднял голову. — В смысле, тебя и меня?

Что за возмутительная привычка смотреть прямо в глаза — дерзко, требовательно, неотрывно. Ладонь Дункана дрогнула на его плече.

— Не только. — Намек на то, что между ними существует какая-то особенная связь, ему не понравился. — Всех, кто имеет отношение к университету. Сказал бы лучше спасибо за то, что я спас твою жалкую шкуру.

Они не отпускали друг друга — мальчик не отводил глаз, Дункан не снимал ладонь с его плеча.

— Спасибо. Но я не просил спасать меня.

Эта напускная, маскирующая ранимость бравада вызвала где-то глубоко внутри него непрошенный отклик.

— Не ввязывайся в неприятности, коли не хочешь, чтобы тебя спасали, — резко ответил он. — Что ты делал на конюшне?

Мальчик насупился.

— Ничего. Я не делал ничего дурного.

Дункан сердито вздохнул.

— Вдова тебя выгнала?

Мальчишка наконец-то отвел свои проклятущие голубые глаза в сторону.

— Не было никакой вдовы, — произнес он медленно.

Гордый врунишка. О чем еще он солгал?

— Все это время тебе негде было ночевать, да?

— Было! Я спал на конюшне, пока меня оттуда не вышвырнули.

— Смотрю, ты никак не уразумеешь, насколько тебе повезло. — Дункан повысил голос и растерял все свое кембриджское произношение, как только представил, что едва не произошло с Маленьким Джоном. Он словно перенесся на годы в прошлое, когда не уследил за другим мальчиком, и случилась беда. — Так я растолкую. Тебя собирались

исколошматить в кровь и отдать шерифу, бестолочь ты эдакая. Валялся бы сейчас в темнице вместе с убийцами и насильниками.

Уже совсем стемнело, но он разглядел, как мальчик побелел от испуга. В душе опять что-то шевельнулось, и Дункан убрал ладонь с его дрожащего плеча.

— Когда ты в последний раз ел?

Маленький Джон разжал кулак и загнул три пальца.

— В понедельник. Мне дали миску каши в Майкл-хаузе.

Дункан вздохнул.

— Ладно. Я не брошу тебя на улице, а то, чего доброго, прибьют как бродячую собаку. Хотя, признаться, у меня самого чешутся руки вправить тебе мозги... Если не хватает ума принимать помощь, когда ее предлагают, бакалавром тебе не стать. — Да, он не спас Питера, да, может статься, он не спасет отца, но в его силах спасти от голодной смерти этого недоучку. — Я заберу тебя к себе в общежитие.

— Как своего ученика?

— Этого я не говорил. — Он искренне хотел помочь Джону, но быть его наставником... От этой идеи становилось отчего-то не по себе. — Да и с какой стати? Ты столько раз отвергал мою помощь.

Мальчишка, неисправимый в своей гордыне, обиженно надулся.

— Что дуешь губы? Мое предложение чем-то вас не устраивает, молодой человек? — спросил Дункан отрывисто. — Так иди, попросись на ночлег в Тринити-холле.

— Там мне уже отказали.

Нижняя губа Маленького Джона задрожала, и Дункан пожалел, что сорвался. Одержимый демонами прошлого, он позабыл, что мальчишка, по сути, еще ребенок. Один в целом мире. Дело грозило окончиться слезами.

— Прекращай. Мужчины не распускают сопли из-за одной неудачи.

— Но мне везде отказали! В Сент-Питере, Кингс-холле, Клер-холле, Майкл-хаузе... — Мальчик испустил безнадежный вздох. — Везде.

Дункану стало его жалко. Он вспомнил свои первые шаги в Кембридже, какого труда ему стоило добиться цели. Опустить руки ему не дало воспоминание о словах одного напыщенного епископа, заявившего, буквально, что «науки не по зубам этому жалкому, бестолковому созданию с севера». Дункан запомнил эти слова на всю жизнь и сделал все, чтобы их опровергнуть.

— По какой причине тебе отказали?

— Моя латынь недостаточно хороша.

— Я говорил тебе то же самое, парень, а ты не верил.

— Я не знаю, что делать дальше.

— Идти в общежитие, разумеется. — Колледжи могли похвастаться удобными помещениями и поддержкой богатых благотворителей, но, по мнению Дункана, только в общежитиях, многократно превосходящих их числом, царил настоящий студенческий дух.

— Туда меня тоже не примут.

— Сколько ты уже обошел? Пять? Десять? Двадцать?

Опустив глаза, Джон молчал. Одно хорошо. Мальчишка понимает, когда его ловят на лжи.

— Признавайся, Маленький Джон. В нашем ты не был, это я знаю точно.

— Пять. Может, шесть.

Дункан вздохнул.

— Ну, не вешай нос. Осталось еще предостаточно. Если и там не найдешь наставника, ступай в школу. Подучишься и попробуешь снова.

— Школы для маленьких мальчиков, — презрительно скривился тот.

— Мало тебя порол твой папаша, как я погляжу. — Мальчик вытаращил глаза, подтверждая его догадку. — Ты слишком легко сдаешься. Так тебе никогда не стать бакалавром.

— Я не сдавался, все десять дней, но везде мне отвечали одно и то же. Ну, пожалуйста, возьми меня в ученики. Возьмешь? — взмолился он, и таким же умоляющим сделался его взгляд.

Дункан колебался, испытывая искушение уступить, но по своим, по личным причинам. Ведь Питер был бы немногим старше, если бы...

Мысли вошли в привычную колею. Если бы он смотрел за ним внимательнее. Если бы он не отвернулся. Если бы он ни на шаг не отпускал его от себя.

Отец не простил ему этого греха. Но совесть терзала его сильнее.

Мальчишка ждал ответа, с надеждой глядя на него снизу вверх, и Дункан, дивясь самому себе, почувствовал в сердце перемену. Сегодня он спас Джона от побоев и, хоть и не имел представления, получится ли воспитать из него студента, был готов помочь ему еще раз. В конце концов, нельзя, чтобы он попал в университет совершенно не подготовленным к риторике.

Такую размазню там съедят на завтрак.

— Мне надо подумать.

— Но ты же сам предложил помощь! — Парнишка едва не расплакался. Да... Если он не пообтесается — не протянуть ему в университете и года. — Если ты не возьмешь меня, я пропал.

Все сочувствие, которое испытывал к нему Дункан, как ветром сдуло.

— Пропал? Но ведь ты все еще дышишь? — Сколько раз отец задавал ему этот самый вопрос?

Джон дернулся и кивнул, закусив дрожащую губу.

И он повторил то, что говорил отец всякий раз, когда он отвечал «да»:

— Запомни, куда в тебе теплится жизнь, всегда есть какой-нибудь выход.

Шмыгнув носом, мальчик стиснул зубы.

— Скажи, что мне делать. Я готов на все.

Его глаза, горящие вызовом и мольбой, не отпускали Дункана, и, утонув в небесно-голубом взгляде, он испытал странное ощущение. Как будто смотрел в отражение в зеркале — обманчиво реальное, но на самом деле перевернутое.

Он повел плечами, сбрасывая наваждение.

— Ладно. Так и быть. Я помогу тебе подтянуть латынь и подготовлю тебя к университету. — Он смутно подозревал, что еще не раз пожалеет о своем решении, но в самом-то деле, не бросать же этого беспомощного бедолагу на улице. — Но учти, мы содержим себя сами. У тебя есть деньги, чтобы платить за кров и еду?

— Всего несколько фартигов.

Дункан вздохнул. Так он и думал. И на кой ляд он навязал себе этого нищего сироту... С такими ничтожными знаниями Маленькому Джону прямая дорога не в колледж, а на школьную скамью вместе с новичками.

— Тебе придется отработать простой.

— Я все отработаю, честное слово! — Мальчик просиял и тут же опять свел брови на переносице. — А что будет, когда я подтяну латынь?

Вот ведь неугомонный. Будто бы ждет к себе особого отношения, более личного, нежели то, которое был готов предложить ему Дункан.

— Когда я с тобой закончу, тебя с радостью примут в любом колледже. Сможешь выбрать любого преподавателя, какого только захочешь.

— Ты настолько хорошо знаешь латынь?

Нахальный щенок. Его безрассудная — хотя и оскорбительная — прямота вызвала у Дункана невольное восхищение.

— Представь себе. Это особо отмечено в моем дипломе.

— Видимо, пришлось выучить, потому что никому не под силу разобрать твой английский.

Мальчик озорно улыбнулся, и Дункан легонько отвесил ему подзатыльник за дерзость.

— Следи за своей латынью, а не за моим английским, Маленький Джон. Если не будешь отлынивать, обещаю, скоро ты заговоришь на латыни так, что сможешь читать лекции этим южанам.

— Они тебе не очень-то нравятся, да?

Джон как-то странно взглянул на него из-под ресниц, по-девичьи густых и длинных. Что за дела. До сих пор он ни разу не обращал внимания на мужские ресницы.

— Иногда я их ненавижу. Да и они меня не слишком жалуют.

— И меня ненавидишь?

Мальчишка вызывал у него противоречивые чувства, но только не ненависть.

— Нет, парень. Тебя — нет.

Дункан взъерошил его волосы, запутавшись пятерней в светлых, с золотистым отливом кудрях.

— Тебе не мешало бы повзрослеть, но ты мне почти что нравишься, особенно когда не дуешься и не ноешь.

И когда Джон ослепительно улыбнулся в ответ, он ощутил непонятную дрожь внизу живота.

* * *

Пролетали часы. Свечи догорали одна за другой, но Джастин ни на шаг не отходил от постели жены, бережно держа спящую за руку. На уговоры Элис де Вестон, которая тщетно пыталась увести его из родильных покоев, он не отзывался.

Упрямец.

Она не сказала им об исчезновении Джейн. Пока Солей мучилась родами, Джастин был просто не в состоянии отвлечься на другие проблемы, а после того, как младенец, совсем крошечный и слабый, появился на свет, им пришлось сосредоточить все силы на том, чтобы помочь маленькому Уильяму и его матери выжить.

И потому, чтобы оградить молодую пару от дополнительных волнений, Элис молчала, а сама от беспокойства не находила себе места.

— Идем. — Она потянула Джастина за край туники. Все эти дни он почти ничего не ел,

а спал даже меньше, чем его возлюбленная жена. — Тебе необходимо поесть.

Они спустились в дымную, полутемную кухню. Элис не стала будить девочку-служанку, которая, не дождавшись вызова, задремала в углу, и собственноручно налила ему похлебки.

— Джастин, — решила она наконец, глядя как он, не чувствуя вкуса, заедает похлебку хлебом и сыром. — Джейн пропала.

По его отсутствующему взгляду она поняла, что ее слова не вполне дошли до его сознания.

— Что значит, пропала?

Все-таки, порой мужчины вели себя как полные болваны — какими бы прекрасными мужьями и зятьями они при этом не были.

— То и значит. Побросала свои юбки и сбежала из дома.

Выражение его лица наконец-то стало осмысленным.

— Когда?

— В день, когда родился малыш.

— И вы до сих пор молчали?

— А ты бы меня услышал?

Он покачал головой.

— Простите. Солей, ребенок... Я и не заметил, что ее нет.

Она похлопала его по руке.

— Если бы солнце упало на землю, ты бы и того не заметил. — Ее старшей дочери очень повезло с мужем.

— Вы уверены, что она сбежала? Ее искали?

— Перевернули вверх дном все поместье. Конечно, я знала, что она не хочет замуж, но надеялась...

Надеялась, что замужество превратит ее младшую дочь в нормальную девушку. Они покинули двор, когда Джейн было пять, и за годы изгнания ее милое, светловолосое и ясноглазое дитя превратилось в престранное существо: нескладное, с мальчишеской фигурой и маленькой грудью, почти ничем, за исключением нежного певческого голоса, не напоминавшее девушку.

И Элис отдала все свое внимание красавице Солей, которая понимала, что значит быть женщиной, и что женщине следует делать для того, чтобы выжить.

Бедняжке Джейн это знание было неведомо.

Чтобы хоть как-то компенсировать потерю того положения, которое было у них при дворе, Элис растила ее без строгости — не запрещала увлекаться лошадьми и книгами, закрывала глаза на то, что Джейн с каждым годом все больше походит на мальчика, чем на девочку, — пока, наконец, не поняла, что время упущено, и дочь уже не переделать.

Элис вздохнула. Неважная из нее вышла мать.

— Я бы не стал выдавать ее замуж насильно, — проговорил Джастин. — Мне казалось, она знает об этом. Просто я думал, что если свести их поближе, тогда она, возможно... — Он опустил голову. — Солей предупредила меня, а я не слушал.

— Жених прибудет уже через неделю. Что мы ему скажем?

— Правду. Он-то переживет. В первую очередь меня беспокоит Джейн. — Он искренне переживал за нее и все же, то и дело поглядывая на лестницу, всем своим существом рвался наверх, к жене.

— Сейчас тебе надо думать прежде всего о Солей. — Об этом можно было не

напомянуть. Этот мужчина и так ни на миг не забывал, кто стоит в его жизни на первом месте. — Я даже не представляю, где ее искать и куда она могла податься.

Еще весной Элис вместе с Джейн перебрались в пустующий флигель в поместье, которым владела семья Джастина, а до тех пор ее младшая дочь не знала и видела ничего, кроме дома, где они жили в изгнании, и которого ее мать, увы, лишилась из-за своего собственного упрямства.

— Как-то раз она сказала, что хотела бы стать мужчиной, чтобы выучиться на законника и служить королю, как я, — произнес Джастин. — Она могла отправиться в Судебные инны.

Они переглянулись. Лондон. В Лондоне наивную девушку из провинции ждала неминуемая гибель.

Собравшись с мыслями, Джастин решительно встал.

— Я немедленно отправлю туда гонца. За это время она должна была уже добраться до города.

Ох, Джейн. Губы ее задрожали. Элис де Вестон, которая выстояла, не склонив головы, перед судом парламента, была готова расплакаться.

Элис закусила губу. Она никогда не плакала. Даже слушая обвинительный приговор. Даже покидая двор с маленькими детьми на руках. Даже когда умер король — мужчина, которого она любила.

И который считал ее дочерей, зачатых от другого, своими.

* * *

Проснувшись, Джейн блаженно вытянулась на сухом и теплом матрасе.

В обычное время студенческие общежития были переполнены, юноши спали по несколько человек в комнате, но поскольку семестр еще не начался, она провела ночь в полном уединении, получив, наконец, возможность разбинтовать грудь и без страха облегчиться. Еще ей ужасно хотелось вымыться, но увы, это было слишком рискованно.

Помолившись за сестру и мать, она вышла на лестницу. Решено. Весь день она проведет за чтением, упражняясь в латыни. Наверняка в общежитии есть все нужные книги.

Однако у Дункана, который поджидал ее внизу с охапкой грязных туник и чулок в руках, были на ее счет свои планы.

— Вот, держи. Выстираешь.

Она демонстративно убрала руки за спину.

— Стирка не мужское занятие. — И не дело для дочери короля.

— Для нищего сироты ты уж больно разборчив. — Тряпье упало к ее ногам. — Не забыл, что должен отрабатывать свои занятия? Делай, что велено.

— Я хочу поговорить с хозяином общежития. — Она упрямо вздернула подбородок. Он-то уж точно не заставит ее заниматься черной работой. — Кто здесь главный?

Закусив улыбку, он приподнял одну бровь.

— Я.

Она опешила. Слава богу, ее промашка позабавила его, а не рассердила. Этот человек с самого начала вел себя вопреки ее ожиданиям. Сколько раз она уже успела оскорбить его? Лучше даже не думать.

— У вас нет прачки?

— У нас нет лишних денег, чтобы стирать белье на стороне. И нанять прачку мы тоже не можем, ибо если в стенах общежития обнаружится женщина, ее ждет тюрьма, неважно, кто она — пусть хоть благородная дама.

Тюрьма. Она вздрогнула и, присев на корточки, стала собирать вещи с пола. Она была целиком и полностью в его власти в этом подобии мужского монастыря. Если ее разоблачат, ей не к кому будет обратиться. Некуда пойти. Негде попросить защиты.

— И заодно выстирай свою одежду, — наказал он перед уходом и поморщился. — От тебя разит конюшней.

Без особого рвения подогревая воду, она то и дело вспоминала его слова и тихонько посмеивалась. Женщинам запрещено находиться в этом мужском царстве. Однако же она проникла сюда, и никто ничего не заметил.

Но ради чего? Чтобы выполнять женскую работу?

Кипя от возмущения, она передвинула глубокую деревянную лохань в солнечный угол двора и начала одну за другой бросать вещи в воду. Добравшись до рубахи из грубого полотна, которая еще хранила тепло и запах его тела, она зачем-то задержала ее в руках. А потом зарылась в нее лицом, глубоко вдыхая его запах, и будто бы вновь очутилась верхом на лошади, сидя позади него и обнимая ногами его крепкие бедра.

Влажная истома разлилась у нее внутри.

Поспешно разжав пальцы, она уронила рубаху в горячую воду. Что подумает Дункан, если увидит, как Джон стоит, сунув нос в мужское белье?

Ее руки по локоть погрузились в лохань. Густой пар, шедший от воды, навевал воспоминания о духоте родильных покоев. Здорова ли ее сестра? Разрешилась ли она от бремени? На сердце легла тяжесть. Никогда больше она не увидит свою семью, не получит весточки о том, что дома все хорошо.

Шепотом вознося молитвы за близких, она терла, крутила и отбивала штаны и рубахи, а потом хорошенько отжала их и разложила на траве сушиться.

Вода в лохани, еще теплая, соблазнительно искрилась на солнце. Кожа ее зазудела от нестерпимого желания вымыться. До того Джейн ополаскивала лицо речной водой, но однажды увидела, как мимо проплывает туша овцы, и с тех пор реки сторонилась.

Она огляделась. Слева высилась ограда, окружавшая общежитие. Справа пышно вилась разросшаяся за лето виноградная лоза. Другого такого случая может не представиться. Недолго думая, она скинула шоссы, забралась в лохань и прикрыла глаза, с наслаждением ощущая, как вода проникает во все уголки ее тела, смывая грязь и запах конюшен.

Полы туники всплыли на поверхность воды, скрывая ее голые ноги. Со вздохом блаженства Джейн погрузилась поглубже. Всего на минуту. Она расслабится всего на одну минуту.

«Но ведь ты все еще дышишь?»

С какой резкостью Дункан задал ей этот вопрос. И каким резким стал при этом его взгляд, каким гневом засверкали глаза.

Она все правильно рассчитала. Предложив свою помощь, он не смог отказаться взять так называемого Джона в ученики. Но если бы знать, что ее низведут до положения служанки... О, тогда она ни за что на свете не рискнула бы поселиться с ним в одном доме, в опасной близости от его пронизательных серых глаз.

Она рассказала ему, как упорно старалась. Поведала, как несправедливо с ней

обошлись. А у него нашелся всего один ответ. «Ты все еще дышишь?»»

Он оказался таким же черствым, как и все остальные наставники, с которыми она встречалась. Ну ничего, он еще пожалеет, что был с нею груб, когда она станет клерком при дворе короле. Надо будет непременно представиться Ричарду, когда он прибудет в Кембридж. Может, он даже...

— Маленький Джон! Ты зачем забрался в лохань?

Ее глаза распахнулись.

На противоположном конце двора, положив руки на бедра, стоял Дункан. Он успел побриться, обнажив суровую линию челюсти.

Он неожиданности она чуть не выскочила из лохани, но вовремя спохватилась и присела как можно ниже. Если встать, то мокрая туника облепит ее тело точно вторая кожа, сделав очевидным тот факт, что самой важной мужской детали у нее нет.

— Не подходи. — Она протестующе замахала руками. — Видишь, я уже закончил со стиркой.

— Видеть-то вижу, но вопрос был не в том. Я спросил, зачем ты забрался в лохань.

— Ты такой умный и не догадываешься? — Ее сердце забилося быстрее. Отчего? От испуга или...

Теперь, когда он был чисто выбрит, она смогла без помех разглядеть его рот. Верхняя губа четко вылеплена, нижняя — неожиданно полная. Что она почувствует, если они коснутся ее губ? Опасная фантазия. Особенно если сидеть без штанов в лохани со стылой водой.

— Купаюсь я, неужто не видно? — спросила она, передразнивая его акцент.

— По-твоему, я какой-то злодей, который будет заставлять тебя мыться в оставшейся после стирки воде?

Чем он недоволен? Это было повсеместно распространенным делом.

— Не возьму в толк, каким образом то, как я моюсь, делает из тебя злодея.

Он моргнул и криво усмехнулся.

— Да уж. В логике тебе не откажешь, Маленький Джон. Знаешь, наш проктор не одобряет бани, но для тебя даже он сделал бы исключение. Идем, свожу тебя в баню. Попаримся вместе. Смоешь вонь после конюшен.

Джейн представила, как они сидят, совершенно нагие, соприкасаясь коленями, в тесноте купальни... И у нее перехватило дыхание.

— Иди без меня. — Она опять замахала руками, мысленно заклиная его не приближаться. — Я уже все. Второй раз мыться без надобности.

— Брось, Джон. Не глупи. — Он сделал еще один шаг навстречу. — Только в бане можно отмыться по-настоящему, а то несет от тебя, как из сточной канавы.

— Нет! Не подходи!

Пронзительная паника в собственном голосе испугала ее, но он, слава богу, остановился.

— Да почему же?

Он еще спрашивает.

— У меня... У меня увечье.

После этих слов его опять понесло вперед.

— Я изучаю медицину. Давай посмотрю, что там у тебя...

— Нет! — завопила она уже не сдерживаясь. — Это старое увечье. Я не хочу... То есть...

Дункан примирительно поднял руки и попятился назад. Скулы у него чуть покраснели. Весело приподняв брови, он поддел ее:

— Боевая рана?

По ее щекам и груди разлилась жаркая волна.

— Несчастный случай, — ответила она коротко. Иногда мужская скупость на слова оказывалась как нельзя кстати.

Лицо его дернулось. Он больше не улыбался.

— Ну, тогда не буду мешать. — И он ушел в дом.

Она облегченно сползла на дно лохани, вопреки всему довольная тем, что наконец-то помылась. Кто знает, сколько времени ждать до следующего раза.

Когда они пересекутся с Дунканом снова, надо позаботиться о том, чтобы между ног у нее что-то лежало. Что-нибудь такое, что позволит ей казаться настоящим мужчиной.

* * *

Странный все-таки парень, этот Маленький Джон, рассеянно думал Дункан, расставляя по полкам драгоценные фолианты в библиотечной комнате общежития. Когда он застал мальчика купающимся в лохани, его охватило такое странное чувство, словно он...

Он запретил себе додумывать эту мысль до конца.

На вид парень казался вполне здоровым, однако же, если верить его словам, у него имелось какое-то увечье. И весьма серьезное, судя по тому, как он разнервничался.

Уж не такое ли, которое сделало его неполноценным мужчиной?

Дункан едва не выронил том «Катоновых двустий» и поежился. Слава богу, что он не стал допытываться о его постыдном секрете. Это было бы чересчур унизительно. Травма редкая, но если именно она беспокоит мальчика... Что ж, становится ясно, почему у него такой тонкий голос.

Пока Дункан размышлял об этом, его собственное мужское достоинство не ко времени встрепенулось и пробудилось к жизни. Война, долгие переезды, встреча с королем — обстоятельства сложились так, что на несколько недель ему пришлось забыть о телесных потребностях. Но утратить способность удовлетворять их навсегда... Одна только мысль об этом причиняла страдание.

Он привык жить полной жизнью. Интеллектуальным радостям он предавался наравне с телесными, наслаждаясь чтением и диспутами с коллегами не меньше, чем прогулками по горам, физическим трудом, а также — чего греха таить — совокуплением с женщиной.

В конце концов, что делает мужчину мужчиной? Сила, разум и страсть. Без любого из этих качеств жизнь лишена смысла. Лучше умереть, чем жить калекой — напоминал он себе всякий раз, когда на него накатывало чувство вины из-за гибели брата. Если с Джоном и впрямь случилось то, о чем он подумал, в колледже ему понадобится заступник.

Каким бы ни было увечье мальчика, со временем о нем станет известно всем, ибо в доме, где бок о бок живут тридцать человек, не бывает секретов. Хочешь, не хочешь, но Джону придется расстаться со своей девичьей стеснительностью.

* * *

С перезвоном первых утренних колоколов в общежитие начали прибывать студенты.

Джейн исподтишка наблюдала, как они — шумные, громкоголосые — хлопают друг друга по спинам, обнимаются, раздают друг другу щипки и затрещины, исполняя некий приветственный ритуал. Мало-помалу они заполонили все общежитие, причем не только физическим присутствием, но и самым мужским духом, который проник, казалось, во все уголки дома, и нигде от него было не спрятаться.

Она старалась держать Дункана в поле зрения, готовая в случае необходимости оказаться у него под рукой и выполнить любое его поручение — выдать ли студентам чистое постельное белье или сообщить, с кем они в этом семестре будут соседствовать. Она даже заготовила фразу о том, что действует по поручению управляющего, что в ее голове звучало столь же весомо, как если бы она воображала себя представителем самого короля.

То и дело она боролась с искушением поправить полотняный валик, который засунула себе в штаны на случай, если кто-нибудь взглянет на нее ниже пояса. К вечеру местечко между ног от непривычки зудело. Она уже примеривалась, как бы незаметно почесаться, как вдруг входная дверь в очередной раз распахнулась. На пороге стояли двое юношей.

Едва Дункан увидел их, с него мигом слетела вся важность. Первого юношу — того, что был повыше и покрупнее — он крепко стиснул в объятиях, а второго, коренастого коротышку, шутливо двинул кулаком в грудь, удивительным образом опять превратившись в того буйного варвара, которого она встретила на дороге. Эти юноши, очевидно, были не обычными постояльцами. Она воззрилась на них, уговаривая себя, что в ее интересе нет ревности.

Все трое, возбужденные встречей, заговорили, перебивая друг друга, на своем северном наречии. Она думала, что привыкла к говору Дункана, но из этой болтовни разобрала всего пару фраз на латыни.

— Идем в пивную, — сказал, наконец, Дункан. — Отпразднуем начало семестра, пока педели не начали патрулировать улицы.

— Захвати гиттерн, — попросил его коротышка.

— Я принесу, — сказала Джейн.

Не дожидаясь разрешения, она умчалась в комнату Дункана, а когда вернулась, бережно прижимая к груди драгоценный инструмент, коротышка, рыжий и вихрастый, указал на нее:

— А это еще кто?

Дункан мельком оглянулся.

— Это Маленький Джон.

Она вздернула подбородок, и коротышка пожал ее протянутую руку. Как и Дункан, он не заметил, что под мужским платьем скрывается женщина.

— Генри из Уоркопа.

Второй — высокий, сутулый юноша с узким лицом и тонкими волосами — тоже поздоровался с нею:

— Джефффри из Карлайла. — И обратился к Дункану: — Ты что, открыл начальную школу?

Тот вздохнул.

— Долгая история. Хватит на пару кружек. — Не глядя, он протянул руку, и она, стараясь не коснуться его пальцев, передала ему инструмент. — Пошли. Мне не терпится послушать новости.

Вся троица направилась к выходу. Джейн кашлянула, и Дункан отозвался, не оборачиваясь:

— Ладно уж. Идем с нами.

Она бежала за ними, не отставая и не раскрывая рта, до самой пивной, где вся компания расселась за угловым столом.

Внимательно, словно на уроке, Джейн рассматривала друзей Дункана, которые, развалившись по лавкам и толкаясь локтями, отвоевывали себе пространство за столом. Она скосила глаза вниз. Все трое, включая Дункана, широко расставили ноги, как будто сидели в седле. Она тоже развела колени. Полотняный валик тут же соскользнул вниз и, неприлично выпирая, угнездился в ложбинке между ее ног. Она поспешно сжала колени и подняла глаза. Никто ничего не заметил.

Подперев голову кулаком, она села немного посвободнее, так что ее вторая рука оказалась совсем рядом с ладонью Дункана. Она несколько напряглась, но оставила ее на месте. Пусть в углу жмутся какие-нибудь трусливые девчонки.

Незаметно она сменила позу, положив ногу на ногу.

— Представляешь, этот недоумок обручился, — кивнул Генри на друга и между делом отвесил молоденькой служанке, которая принесла им выпивку, шлепок пониже спины.

Девушка метнула на него недобрый взгляд, который он, впрочем, не заметил, потом столкнулась глазами с Джейн, и та немедленно уставилась в свою кружку, притворившись, будто следит за танцем овсяных хлопьев, плававших в мутноватой золотистой жидкости.

— Даже не верится, — ответил Дункан. — Джефффри, я думал, ты пробудешь в университете, покуда не станешь ректором.

— Никак не уразумею, что такая девица, как Мэри, нашла в нем, — продолжал Генри. Джейн моргнула и на всякий случай приготовилась нырнуть под стол, если завяжется драка.

Но Джефффри и не думал обижаться.

— Ты просто завидуешь, — засмеялся он. — На тебя-то девки не смотрят, пока ты им не заплатишь.

Ошарашенная, она увидела, как Генри в ответ только усмехнулся. Наедине друг с другом мужчины общались на каком-то неведомом языке, постичь который было труднее, чем разобрать их северный диалект. За оскорблением могло последовать что угодно — и удар, и улыбка. Все зависело от того, кто его произнес и с какой интонацией.

— И вообще, придержи язык, а то у парнишки сложится обо мне неверное представление.

— Из-за того, что ты, дурья башка, попался женщине на крючок?

Дункан покачал головой.

— Тебе повезло, Джефффри. Невеста из хорошей семьи и, как видно, почитает тебя. За это стоит выпить. — Он поднял кружку, приглашая друзей разделить тост.

Он впервые высказался о своем отношении к браку. Показалось ли ей, или в его голосе на самом деле промелькнула нотка зависти? Да нет, показалось, конечно. Ведь он добровольно поселился в этом мужском царстве и принес клятву преподавать.

— Она дождетя тебя? — спросил Генри.

— Обещала ждать до весны, пока я не получу степень, — вздохнул Джефффри. — А там вернусь домой, женюсь и устраюсь клерком в Карлайле.

— Если Карлайл к тому времени еще будет существовать, — мрачно проронил Дункан.

Юноши переглянулись.

— Извини. Нам жаль, что с твоим отцом приключилась беда, — произнес Джефффри.

Что за беда? Он ни разу не упоминал о своем отце.

— Что с твоим отцом? — вырвалось у нее.

Все трое оглянулись на нее, и она пожалела, что встряла.

— Шотландцы взяли его в заложники, — в конце концов снизошел до объяснения Дункан. — И просят за него выкуп. — Он дернул плечами, будто предупреждая, что с дальнейшими расспросами лучше не приставать, и вернулся к прерванному разговору. — А как дела у вас дома?

— Наши стены выстояли, — ответил Джеффри.

— А нас пощадили, — сказал Генри. — Прошли севернее.

— Пикеринг полагает, что у меня получится убедить парламент проголосовать за налог на оборону границы. — Он спрятал вздох за глотком эля. — И добыть у них денег на выкуп.

Глаза ее округлились. Выходит, судьба его отца — да что там, судьба всего его родного края — зависит ныне от него одного. Понятно, почему он ходит таким хмурым. Ей остро захотелось помочь ему, чтобы он снова смеялся.

— Конечно, получится, — убежденно сказал Джеффри. — Язык у тебя подвешен будь здоров.

— Мне не придется ничего приукрашивать. Достаточно будет сказать правду.

На это все промолчали. Даже Джейн знала, что одной правды зачастую оказывалось недостаточно.

— А ты, похоже, не с севера, да, Маленький Джон? — спросил ее Джеффри.

— Я из Бедфорда. — Во второй раз ложь далась легче.

— Младший сын?

— Маленький Джон у нас сирота, — ответил вместо нее Дункан.

— У меня есть сестра. — Старшие сыновья не учились в Кембридже. Они наследовали земли своих отцов, в то время как перед младшими лежало три дороги — на военную службу, в университет или в лоно церкви. Надо как-то объяснить, почему Маленький Джон не получит фамильные земли. — Замок, увы, у меня отобрали.

Дункан пристально посмотрел на нее. Раньше она не упоминала ни о сестре, ни о своем вымышленном замке. Только бы он ничего не заподозрил!

— До твоего совершеннолетия?

— Навсегда. Из-за... гм... из-за моего увечья.

Она приготовилась к вопросам, но их не последовало. Дункан не сводил с нее цепкого взгляда. Она опустила глаза и, по-прежнему крепко сжимая колени, вытянула под столом ноги. Наверное, имеет смысл добавить подробностей, чтобы ее история звучала более убедительно.

— Когда мне было шесть лет, — принялась сочинять она, — я упал с лошади и...

— Не надо, Джон. Ты не обязан... — прервал ее Дункан и накрыл ее руку своей большой ладонью.

Кровь быстрее побежала по ее венам. Но она не отступила. Нужно придумать какое-то объяснение, как-то оправдаться, почему она от них отличается.

— В общем, я упал и переломал себе ребра. — Она подняла локоть, показывая место, где якобы находилась ее рана. — Они срослись неправильно, поэтому я не могу держать меч...

Ее голос угас. Джеффри и Генри сидели, уставившись в свои кружки. Неожиданно Дункан расплылся в широкой улыбке.

— То есть, ты повредил только ребра?

— И все вокруг. Приходится теперь носить повязку. Иногда, в сырую погоду, они начинают побаливать и...

— Рожа! — внезапно взревел Дункан.

Джейн так и подскочила. Что это значит? Им угрожает опасность? Надо бежать? Но никто никуда не побежал. Вместо этого все трое принялись кривляться. Их лица задвигались, превращаясь в нелепые, перекошенные, уродливые гримасы, пока она, попивая эль, во все глаза таращилась на них. Наконец, все трое замерли. Дункан и Джеффри, не сговариваясь, указали на Генри, и под всеобщий хохот он поднял руку, подзывая хозяйку.

Джейн вспомнила, как в пятилетнем возрасте ее водили в королевский зверинец. Стоя у клеток с дикими животными, она наблюдала за их поведением и точно так же не могла его разгадать.

— Что вы делаете?

— Корчим рожи, — ответили они хором.

— Зачем?

Три пары глаз уставились на нее, точно она свалилась с луны.

— Чем страшнее, тем лучше.

— Кто победил — проставляется.

— Ясно, — кивнула Джейн, совершенно озадаченная. Она-то думала, мужчины слишком серьезны, чтобы заниматься подобными глупостями.

— Правда, Дункан почти не старался, — сказал Джеффри. — Наверное, мнит себя важной персоной из-за того, что теперь заведует общежитием.

— А может просто хочет сберечь денежки, — вставил Генри, передавая хозяйке монетку.

Дункан снисходительно улыбнулся.

— У вас не знают этой игры?

Она покачала головой. О, нет. Женщины никогда не кривлялись, даже ради забавы. Напротив, они должны были следить за своей внешностью, улыбаться и быть любезными, независимо от того, что чувствовали на самом деле. Показывать свои чувства женщине разрешалось только в узком кругу подруг, а в присутствии мужчин она должна была оставаться неизменно мила и приветлива.

Мужчины, получается, жили по другим правилам.

Она заподозрила, что Дункан перебил ее нарочно, чтобы положить конец разговору о ее увечье. Выходит, гримасничать в мире мужчин считалось приемлемым, а вот делиться чем-то личным и болезненным — нет.

Она приняла вызов:

— Рожа.

И втянула щеки, скосила глаза, расставила локти как пугало, а потом огляделась, оценивая, какие гримасы получились у остальных. Генри и Джеффри указали на нее, и она не смогла сдержать довольной усмешки. Дункан, однако, был не согласен.

— Так нечестно, — сказал он. — Он пользовался руками, а можно только лицом.

Она показала ему язык, потом вспомнила о том, что в кошельке у нее всего несколько фартинов, и не стала настаивать на победе.

— Несогласный платит! — крикнул Джеффри, которому не терпелось начать заново.

Пожав плечами, Дункан кивнул.

Джейн улыбнулась. Это просто игра, напомнила она себе. Дурацкая мужская игра, и у нее получилось сыграть в нее наравне с мужчинами.

Они соревновались до тех пор, пока не набрались окончательно, а потом пришло время застольных песен, которых, судя по всему, Дункан знал немало. Негромко подпевая, Джейн выводила только припевы, состоявшие из набора бессмысленных восклицаний, что было весьма удобно, если ты настолько пьян, что не можешь припомнить слов.

Когда опустилась ночь, они побрели по темным улицам назад в общежитие. Джейн ликовала. Ее приняли в мужскую компанию! От радости у нее за спиной словно выросли крылья.

Генри зашел вперед, горланя дурным голосом песни.

— Угомонись, не то привлечешь своими воплями педелей, — попытался вразумить его Дункан.

Джеффри тоже старался успокоить друга, хотя у него самого язык заплетался.

Их обогнала какая-то женщина. Точнее девушка, ибо, судя по ее виду, она была ненамного старше самой Джейн.

— Эй, девка! — окликнул ее Генри. — Тебе понравилась моя песня?

Она не остановилась.

— Не сегодня.

— Стой! — крикнул он. — Я, кажется, задал тебе вопрос!

Девушка ускорила шаг.

— На ее месте я бы тоже тебя проигнорировал, — сказал Дункан, придерживая его за локоть. — Ты орал как лягушка на болоте.

Но Генри уже закусил удила.

— Отвечай! — заорал он на всю улицу.

Отбросив руку Дункана, он догнал девушку, грубо развернул ее и прижал к стене. Подойдя ближе, Джейн узнала в ней служанку из заведения, где они сегодня пьянствовали. Приличная женщина не будет ходить по улицам в одиночку, подумалось ей.

В позе девушки считывались одновременно боязнь и гнев. В итоге гнев перевесил.

— Для меня вы все квакаете как жабы, — с омерзением сказала она.

— Эй. — Вперед, пошатываясь, выступил Джеффри. — Не смей оскорблять моего друга!

— Давай, поцелуй ее. — Генри подтолкнул его к девушке. — Все равно твоя суженая далеко и ничего не узнает.

— Довольно, — предостерег его Дункан. — Чего доброго разбудим проктора, а мне потом объясняться за ваше поведение.

Но Генри и не подумал к нему прислушаться.

— Не переживай. У нее хватит поцелуев на всех.

Держа в одной руке гиттерн, Дункан оттащил Генри в сторону, но к девушке сразу же подступился Джеффри, наваливаясь на нее, вжимая ее своим весом в стену.

Слова протеста рвались у Джейн из груди. Как, каким образом ее веселые друзья внезапно превратились в похотливых чудовищ? Почему они решили, что девушке понравятся их пьяные приставания?

— Не надо! — крикнула она. — Прекратите!

— Да не волнуйся ты так, Маленький Джон. — Ноги у Генри подкосились, и он со смехом рухнул на колени, чуть не сбив Дункана с ног. — И до тебя дойдет очередь.

От этого гнусного обещания ее нутро взбунтовалось, и весь эль, который до сего момента мирно плескался в желудке, волной подкатил к горлу. Ее вырвало на грязную мостовую. Кто-то сочувственно погладил ее по спине. Дункан.

— Ну ты даешь, парень, — захохотал, сидя на земле, Генри.

Чтобы не видеть происходящего, она зажмурилась. Голова у нее закружилась. Еле держась на ногах, она качнулась в сторону Дункана, жалея, что не может надавать им оплеух. Как они — образованные люди, не какие-то деревенские олухи — могут так обращаться с женщиной? Даже Джеффри, жених и будущий муж, и тот не постыдился присоединиться к этой мерзости. Один только Дункан выступил против. Но что им двигало: благородство или страх перед надзирателями?

— Уходим, болваны, — прогремел над ее ухом его голос. — Seriously, ректор и без того нас не выносит, я не хочу получить от него нагоняй за уличную драку. Оставьте ее в покое.

Когда Джейн открыла глаза, девушки уже не было. Генри, позабыв о том, как его только что отвергли, кое-как поднялся на ноги и затащил очередную песню. Она попыталась сделать шаг. Ее трясущиеся колени подогнулись, и Джеффри подхватил ее под руку.

К ним подошел Дункан.

— Давай я понесу его. Он слишком пьян, чтобы идти.

Он легко подхватил ее на руки, и она прильнула к нему, чувствуя, как под щекой вздымается и опадает его грудь, а ноздри щекочет теплый, успокаивающий аромат можжевельника, которым пахла его кожа.

— Могу подменить тебя, — услышала она голос Джеффри.

— Не надо, — отмахнулся Дункан. — Он весит не больше ягненка. Я бы перекинул его через плечо, да боюсь, его вывернет мне на спину.

Она напряглась в кольце его рук. Что, если бы ее разоблачили, пока она слонялась по улицам в поисках ночлега? Что, если ее разоблачат прямо сейчас? Она зажала рот, сдерживая тошноту.

Наконец они добрались до общежития. Генри к тому времени успокоился, и приятели, цепляясь друг за друга, заковыляли вверх по лестнице.

Она заерзала на руках у Дункана.

— Отпусти меня.

— Точно?

Она кивнула. Он поставил ее на первую ступеньку, и ее тут же повело. Дункан вздохнул.

— Давай донесу тебя до постели.

Она выставила перед собой руки, понимая, что ведет себя как капризный ребенок:

— Сам справлюсь.

— Не сомневаюсь, — ответил он мягко и терпеливо. — Но с моей помощью получится быстрее.

Она ударила его по рукам и, потеряв равновесие, больно шлепнулась на ступеньки.

— Нет! — Что, если он не послушает ее, как они не послушали ту девушку?

Дункан устало привалился к стене.

— У меня нет сил тебя уговаривать, дурень ты эдакий. Давай я отнесу тебя наверх, и мы все наконец ляжем спать. Мне рано вставать, чтобы открыть церковь на мессу.

Он склонился над нею, и она принялась отбиваться руками и ногами, не разбирая, куда бьет. От страха у нее помутнело в глазах. Что он горазд сотворить с нею, если узнает, что под видом Маленького Джона прячется девушка? Тоже прижмет ее к стене и попытается

поцеловать? Или сделает что-нибудь пострашнее?

Она выставила локти и, замолотив пятками по его ребрам, завопила с риском перебудить весь дом:

— Нет!

— Ну все, прекрати! — в сердцах воскликнул он, отступая. — Укладывайся сам, коли тебе так хочется. И чтобы утром не ныл, что тебя всю ночь выворачивало наизнанку.

Держась за стену, Джейн встала на ноги. И резко села, когда в желудке опять забурлило.

— Не нужна мне твоя помощь. — Мужчина должен быть самостоятельным. — Утром мне станет лучше.

Стараясь не терять достоинства, она поползла вверх по лестнице. Дункан, качая головой, смотрел ей вслед.

— Тебе будет много хуже, поверь.

Он оказался прав. Наутро она чувствовала себя поистине ужасно. И не столько физически — хотя ее до сих пор мутило, а голова раскалывалась, — сколько морально. Незнакомая девушка вызвала в ее сердце странное чувство родства, а вот юноши, с которыми было вчера так весело, сегодня вызывали у нее неприязнь. Между ними будто выросла высокая стена.

Весь день она просидела в одиночестве, не понимая, как теперь с ними общаться.

Ближе к вечеру Дункан подозвал ее к себе.

— Садись. Поглядим, что с твоей латынью. *Portare*.

Запинаясь на каждом слове, Джейн пустилась спрягать латинские глаголы. Смотреть на Дункана она избегала, не зная, как теперь к нему относиться. Она даже не была уверена, хочет ли знаться с ним дальше.

— Какой-то ты рассеянный, парень. Еще не протрезвел?

Она сердито возрилась на него, перебирая в уме колкости, которыми хотелось ужалить его за то, что он ее разочаровал.

— Ты не задумывался о том, что она чувствовала? — спросила она.

— Кто?

— Вчерашняя девушка. — Он уже забыл ее. Надо же быть таким черствым. — Когда ты... когда мы... — Мы. Она ведь тоже была с ними.

— Все еще переживаешь об этом?

Она посмотрела ему в глаза.

— Да.

Выражение его лица изменилось, стало неуловимым, как дым. Он отвел взгляд в сторону.

— Увы, поводов для гордости за вчерашнюю ночь у нас нет.

Подошли Генри и Джеффри. Завидев их помятые физиономии, Дункан расслабился, и вся троица печально заулыбалась, сетуя на похмелье и свои гудящие головы.

— Бурная выдалась ночь, да, парень? — поддел ее Джеффри.

Она не ответила.

— Маленький Джон расстроен из-за публичной женщины, — объяснил Дункан ее молчание.

Она свела брови на переносице. Эта тема не предназначалась для всеобщего обсуждения.

— Но женщины не такие, как мы, Джон, — серьезно сообщил Генри.

Это уж точно.

— Ты поймешь это, когда подрастешь и наберешься опыта, — прибавил Джеффри со всем авторитетом без пяти минут женатого человека.

Генри толкнул приятеля в бок.

— Не. Понять женщину в принципе невозможно.

Она взглянула на Дункана. Он молчал, только немного нахмурил лоб.

— И что здесь такого сложного? — спросила она. Презирая свой пол, Джейн, тем не менее, считала женщин совершенно прозрачными для понимания.

— Да все! — воскликнул Генри.

— Если ты глуп, — поправил его Дункан.

— Но та девушка сопротивлялась, а Генри все равно лез со своими поцелуями.

Она в упор смотрела на Дункана, словно возлагая ответственность за это на него одного.

— Если бы она перестала упрямиться, то запищала бы от восторга! — заявил Генри и добавил, покраснев под ее скептическим взглядом до самых ушей: — Подумаешь. Все равно один поцелуй ничего не значит.

— Для тебя. — Та девушка скорее надрала бы ему уши или разразилась слезами, чем позволила себя поцеловать. Даже ее невеликих знаний хватало, чтобы это понять.

— Она публичная девка, — напомнил рассудительно Джеффри, вступаясь за друга. — Знаешь, сколько у нее было мужчин?

Публичная девка. Так называли ее мать. И другими словами, похуже.

— Неважно. Она сказала «нет».

— Женщины часто говорят «нет». Они хотят, чтобы их уговаривали.

— Ты-то почему знаешь, чего она хотела?

— Почитай философов, Джон, и ты поймешь, что имеет в виду Генри, — молвил Дункан назидательным тоном. — Женщины слабы и несовершенны. Такими уж их сотворила природа. Миром правят мужчины, ибо только они обладают рациональным мышлением, в то время как женщинами руководят чувства.

— И сам дьявол не разберет, что они чувствуют! — воскликнул Генри, и вся компания расхохоталась.

Но Джейн было не до смеха. Удрученная и озадаченная, она никогда еще так остро не ощущала в себе ненавистное женское начало. Она восхищалась мужчинами, мечтала им подражать... Но оказалось, что в их познаниях есть пробелы, о которых она даже не подозревала, когда жила в одном доме с мужем сестры.

Поведение мужчин поразительным образом менялось, когда рядом не было женщин. Интересно, что ждет людей после свадьбы, когда они начинают жить вместе? Наверное, сплошные разочарования. Галантный рыцарь, оказывается, позволяет себе отрыжку за завтраком, а прекрасная дама раз в месяц изводит его истериками. Насколько другим был бы мир, если бы мужчины и женщины знали истинную сущность друг друга.

— Ничего. Со временем ты убедишься, что, женщины одержимы пороками гораздо сильнее нас, — утешил ее Генри.

— Ты придерживаешься того же мнения? — требовательно обратилась она к Дункану.

— По сути, это не тема для дискуссии, — взвешенно заговорил он. — Фома Аквинский, Гиппократ и многие другие философы давно установили, что женщины существуют, дабы жить под защитой мужчин. Они низшие существа и не обладают интеллектом.

Она закусила изнутри щеку, стараясь ничем не выдать, что его убеждения шокировали ее, и притворилась, будто раздумывает над ответом. Церковники и ученые мужи сходились во мнении по поводу слабого пола, но в отношении ее это мнение было совершенно ложным. Видимо, она какая-то неправильная женщина, если так сильно отличается от других.

Впрочем, так ли уж сильно?

— *Varium et mutabile semper femina*, — пробормотала она наконец.

— Именно! — Дункан щелкнул пальцами с таким довольным видом, словно шел урок, и он добился от нее долгожданного правильного ответа. — Господь создал женщин не затем, чтобы они мыслили или имели свое мнение. У них нет *verile animo* — той искры, что

имеется у нас с тобой.

«Пожить бы тебе в женском теле хотя бы день», — подумала она. — «Тогда ты бы понял, как тяжела наша доля».

Эти книжные черви не воины. Они привыкли доказывать свою правоту не оружием, а с помощью логики и остроумия. Что ж, прекрасно. Спорить она умеет не хуже любого мужчины.

— Бывают и исключения, — сказала она. — Королева Элеонора, например. — Элеонора Аквитанская умерла двести лет назад, но в народе по сей день помнили, что по части ума она не уступала своему супругу, королю Генриху, а то и превосходила его.

— Исключения только подтверждают правило, — отмахнулся от ее аргумента Дункан. — К тому же она была обычная интриганка. Вертела сыновьями, как хотела, да использовала свое тело, чтобы манипулировать королем. Причем все свои козни творила не сама, а чужими руками.

— Нами правит логика, — глубокомысленно изрек Генри. — А женщинами — низменные страсти.

Она хотела было напомнить, что вчера низменные страсти продемонстрировал именно он, но, стиснув зубы, сдержалась.

— Но женщины обладают над нами загадочной властью, — продолжал Дункан, придвигаясь ближе. — Ни в коем случае нельзя недооценивать ее силу, Маленький Джон. Оставим риторику. Сейчас я говорю с тобой как старший товарищ. Если человек не способен устоять перед соблазном, он просто глупец. — Он взглянул через стол на Генри. — Каким был вчера этот *ribaldus*.

Юноша пристыженно опустил голову, а Дункан подвел итог своей лекции:

— В общем, расти и учись преодолевать низменные побуждения своей натуры. Женщинам это умение недоступно.

— А если не научишься, то и опомниться не успеешь, как тебя захомутает какая-нибудь ловкая девица, — ухмыльнулся Генри. — Спроси Джеффри, он подтвердит.

Джеффри заулыбался, похоже, ничуть не жалея о том, что его захомутали, и двинул приятеля локтем под ребра.

Дункан согласно кивнул.

— Стать хозяином женщины можно только в том случае, если ты станешь хозяином своих чувств и поступков. А иначе ты станешь ее рабом.

Джейн смотрела на него, разинув рот.

Оказывается, мужчины воспринимают женщин как опасных, пустоголовых и развратных существ, которые, подобно животным, неспособны себя контролировать. И, что самое странное, до жути боятся, как бы эти непонятные существа не взяли над ними верх.

На секунду она пожалела, что не обладает этой загадочной властью. Ей захотелось вскочить и бросить им в лицо — смотрите, перед вами женщина, которая не только чувствует, но и мыслит! Сказать им, что нет ничего загадочного в том, что женщинам хочется любви и уважения. И напомнить, что в отличие от мужчин, женщины не стыдятся в этом признаться.

Но как бы ни был велик соблазн развеять их заблуждения, она устояла. Она уже ступила на опасную почву, когда начала этот спор. Если лишиться их поддержки, ее ждет незавидная судьба, ибо без мужской защиты она станет такой же беспомощной, как та несчастная с улицы.

Дункан проснулся задолго до рассвета. Всю ночь ему снилась женщина. Светловолосая незнакомка, с голубыми, до синевы, глазами, которую он никогда не встречал.

Он перекатился на спину и уставился в потолок, вспоминая бурную реакцию Маленького Джона на происшествие с публичной женщиной и то, как повел себя он сам.

Должность главы общежития обязывала его держать своих подопечных в узде и не позволять им буяннить на улицах. Своим невмешательством он поставил под удар не только своих товарищей, но и будущее всего общежития, а ведь основать его стоило немалых трудов.

Впрочем, он и сам не всегда соблюдал правила университетского устава. Глупые и туманно составленные, они многими игнорировались, а университетское начальство — за исключением самых вопиющих случаев — предпочитало закрывать глаза на проделки студентов. Какая разница, где куролесит школяр по ночам, коль скоро утром он приходит на лекции.

Спохватившись о времени, Дункан скатился с кровати, оделся в черную учительскую мантию и подхватил ключи от церкви. Служба остиарием являлась частью его платы за право преподавать.

Быстрым шагом он пересек рыночную площадь и свернул на Хай-стрит. Образ незнакомки из сна преследовал его по пятам. Ох, не вовремя его тело вспомнило о плотских потребностях, суть которых он растолковывал вчера Джону, если учесть, что он торопился не на свидание, а на утреннюю мессу...

Во всем виновата встреча с уличной женщиной. Это она пробудила в нем похоть. А может, вчерашняя дискуссия о различии полов.

Или облегчение от известия, что Джон здоров.

Ну, не совсем здоров, конечно. Мальчишку, пусть не явно, но тревожила травма. Даже у взрослого процесс выздоровления после перелома ребер был мучительным и долгим, что же говорить о ребенке. Должно быть, его до сих пор беспокоят боли. Неудивительно, что он не вырос таким же сильным, как его сверстники. Калеке, не способному поднять меч, никто не доверит владение замком.

Однако покалеченные ребра это одно, а жизнь скопцом совсем другое.

Дункан был рад, что парнишке не придется отказываться от удовольствий плоти. Он сам потому и остался в малом церковном чине, ибо высшим чинам предписывалось воздержание.

Добравшись до церкви, он поковырялся ключом в замке и открыл заспанным прихожанам двери. Греховные мысли по-прежнему не отпускали его, прочно поселившись у него в голове и — что причиняло ощутимое неудобство — растревожив его плоть. К счастью, под просторным одеянием это было незаметно.

Формально и наставникам, и студентам строго запрещалось распутничать. В этом отношении университет почти не отличался от монастыря, поскольку ректор и епископ наивно полагали, что вне женского общества юноши не будут отвлекаться от получения знаний.

Дункан был живым доказательством того, что они глубоко заблуждались.

Наверное, пришло время взять обучение Маленького Джона в свои руки, раз никакое увечье этому не мешает, и познакомить его с удовольствиями, которые сулит мужчине

женская плоть.

Тем более, — и это бы совершенно ясно — мальчишка не знал о женщинах ровным счетом ничего.

* * *

Наступил день, когда весь город с самого рассвета гудел в ожидании прибытия короля, а Маленького Джона нигде не было видно. Еще вечером Дункан поручил ему простое задание: подготовить его парадное облачение, а утром, перед церемонией, прийти и помочь ему одеться.

Остальные студенты давно разошлись, чтобы занять на обочинах местечко получше и посмотреть на королевскую процессию вблизи. Колокола пробили полдень. Ни Джона, ни своей одежды Дункан в спальне не наблюдал.

Раздраженно расхаживая по комнате с голым торсом, он подошел к окну и выглянул во двор. Но и там мальчика не оказалось.

Он вроде не был лентяем, но в последнее время витал в облаках и забывал о своих обязанностях на кухне, будто не осознавая, что без его помощи кому-то другому придется работать за двоих, чтобы студенты не остались голодными. Дункан разрывался между желанием защитить этого неженку и надавать ему тумаков. Создавалось ощущение, что Джон попросту не привык к ответственности — в отличие от самого Дункана, на плечах которого лежало множество самых разных забот. Отчасти он даже завидовал беспечности мальчишки.

— Джон! — прогремел он. — Куда ты запропастился? — Окрик эхом разнесся по опустевшему общежитию.

— Я наверху.

Громко топая по ступенькам, он поднялся в общую спальню. Каков наглец. Даже не соизволил спуститься к нему сам.

— Где моя одежда, черт тебя дери? — в сердцах воскликнул он прямо с порога.

Мальчишка от неожиданности подпрыгнул на месте, чуть было не выронив какой-то предмет, который держал в руках.

— Я забыл о времени.

— Колокола только что прозвонили. Ты оглох?

Глаза Джона, округлившись, сфокусировались на его обнаженной груди.

— На что ты пялишься? — Ему вдруг стало неловко, и он мельком оглядел себя.

— Ни на что! — Взгляд волнующе-голубых глаз взметнулся на его лицо, и Джон убрал руки за спину.

— Покажи, что ты там прячешь. — Он подтащил мальчика к себе, и в груди разлилось тепло. От гнева, конечно. От чего же еще.

— Ничего.

Дункан вывернул его кулак из-за спины и разжал короткие пальцы. На ладони у Маленького Джона лежало зеркальце в изящной оправе из слоновой кости. «Тщеславный, как девка», — со вздохом подумал он, перевернул зеркальце и замер. На обороте была искусно вырезана куртуазная сценка — рыцарь верхом на лошади обнимал даму, сидящую в седле впереди него. Если быть совсем точным, обнимал, сжимая ладонями ее груди.

Он выронил руку мальчика. Некогда ему думать о женщинах.

— Принеси мою одежду, да побыстрее. Жду тебя у себя в комнате.

Джон молнией выскочил за дверь.

Спускаясь вниз, Дункан безуспешно пытался сосредоточить мысли на сегодняшней церемонии. Мальчишка преподнес ему очередной сюрприз. Откуда у нищего сироты столь ценная вещица? Чтобы иметь такое зеркало, надо быть женой графа, не меньше.

Нет. Не женой. Любовницей — если вспомнить, что изображено на обороте. Джон определенно грезил о девушках, когда, позабыв о времени, сидел и рассматривал эту откровенную сценку.

Джон вернулся и, весь пунцовый от смущения, протянул ему мятую короткую мантию.

— Мне нужна *sarra clausa*, а не табард. И где капюшон?

— Почем мне знать, что ты хочешь надеть?

— Спросил бы, если не знаешь. Неси *sarra clausa*. Это длинная черная мантия с разрезом спереди. Живо! — Окрик подстегнул мальчишку, и он стремглав бросился вон. — И не забудь капюшон с серым мехом!

Возвратившись с ворохом одежды в руках, Джон с сомнением покосился на подбитый мехом капюшон.

— Сегодня жарко. Ты весь взмокнешь.

Дункан и без него это знал, но летний капюшон на шелковом подкладе был ему не по карману.

— Джон, просто делай, что велено. Мне предстоит встретиться с коллегами и самим королем. Я должен быть одет подобающим образом.

— Я знавал женщин, которые были озабочены нарядами поменьше твоего, — хмыкнул мальчик.

— Не ты ли только что прихорашивался перед зеркалом как жеманная девица? — потеряв терпение, взорвался Дункан. — Я семь лет вкалывал, чтобы заработать право носить этот капюшон, и будь я проклят, если не надену его сегодня!

Семь лет ушло на то, чтобы доказать всему миру, насколько люди заблуждаются на его счет. Но некоторые до сих пор сомневались в том, что он достоин быть в Кембридже. Он метнул на мальчишку сердитый взгляд.

— Вот освоишь — если это вообще когда-нибудь случится — курс тривиума и квадравиума и будешь горд потеть в этом капюшоне не меньше моего.

Джон отступил назад и своими большими глазами взглянул на него поверх стопки черных одежд.

— Что идет первым?

Борясь с неловкостью, но полный решимости довести ритуал до конца, он подсказывал Джону, в каком порядке следует надевать сложное парадное облачение. Наконец, мальчик набросил на его плечи мантию и принялся разглаживать морщинки на ткани.

До чего же странное, до неловкости интимное ощущение — когда тебя одевают. Когда чувствуешь, как чужие пальцы почтительно скользят по твоей груди, расправляя ткань. Когда дыхание мальчика овеивает шею, пока он опускает на твою голову капюшон. Когда запах его тела, отмытого от пыли конюшен, проникает в ноздри — неуловимый и почему-то смутно знакомый...

Дункан прикрыл глаза. Перед его мысленным взором возникла сценка, вырезанная на обороте зеркала. Рыцарь и дама... Черт, его тело, похоже, совсем истомилось по женской

ласке, если эти невинные прикосновения оказались способны разгорячить его кровь. Мальчик тут не при чем, в смятении сказал себе Дункан. Просто у него слишком долго не было женщины.

— Ну вот, — сказал Джон. — Готово. Ты выглядишь очень представительно.

Открыв глаза, Дункан узрел в его взгляде гордость. И сконфуженно поежился, поправляя полы широкой мантии, чтобы скрыть так некстати охватившее его возбуждение.

Спускаясь по лестнице, он постарался подавить обуревавшие его суетные желания. Мальчик следовал за ним по пятам. Вдвоем они вышли на улицу и направились в сторону Хай-стрит, где в три ряда толпились зеваки, пришедшие поглазеть на короля. Придется поработать локтями, прежде чем их пропустят к месту, где собрался факультет.

— Дункан, а что, я одет недостойно, чтобы предстать перед королем?

Мальчик теребил край своей мятой туники. Щеки его горели румянцем. Светлые, непослушные кудри вились на ветру. В его вопросе угадывалась непонятная эмоциональность, но у Дункана не было времени вникать, почему он так разволновался.

— Не переживай об этом. Все равно его величество ты не встретишь.

— Но как же! Я хотел сказать ему, что скоро выучусь и буду достоин служить при дворе.

— Джон, сейчас мы не при дворе, а на городской церемонии. Короля будут приветствовать мэр, ректор, старейшины торговых гильдий и так далее. Ему будет не до разговоров с сопляком-студентом.

Дункан углубился в толпу. Зеваки ворчали, но, завидев университетскую мантию, расступались и пропускали его вперед. Джон, не отставая, плелся за ним следом.

— Но ведь ты знаком с ним. Ты мог бы меня представить.

— Нет. — Он был бы рад осчастливить мальчишку, но... — Меня попросту не будет с тобой рядом.

Маленький Джон поник.

— Почему?

— Потому что члены факультета стоят отдельно. — Дункан подошел к деревянным мосткам, проложенных до самых Трампингтонских ворот, и помахал Пикерингу, который стоял через дорогу вместе с членами парламента. — Иди. — Он подтолкнул Джона к толпе зевак. — Увидимся позже.

Со смутным чувством вины он повернулся к мальчишке спиной и занял свое место на подмостках. Ректор, весь в пурпуре, встретил его хмуро.

— Опаздываешь.

— Вот как? — отозвался он, надеясь, что выразил тоном максимум презрения. А если нет, с этим справится его северный акцент. — Уж будто я заставил его величество ждать.

С этими словами он отвернулся и принялся высматривать в толпе Джона.

* * *

Джейн махала королю, покуда не устала рука, но увы, так и не привлекла его внимания. Потирая плечо, она наблюдала, как он проезжает мимо — величественный, словно белокурый ангел. Он был похож на наставника куда больше, чем Дункан.

Дункан. Она взглянула на него через улицу и перехватила его взгляд. В ее сердце шевельнулось гордость.

Высокий, в просторной мантии, которая ничуть не скрывала, а только подчеркивала его широкие плечи, он был похож на воина. Увидев его в окружении ученых мужей, она поняла, почему парадная одежда играла такую важную роль. Большинство его коллег были облачены в черное, кое-кто — в синее, а один человек носил пурпур. На одних были шляпы, другие набросили на головы капюшоны. Что значат все эти различия?

Сама Джейн по сравнению с ними выглядела жалко. Она вспомнила, как утром, посматривая в зеркальце, устанавливала у себя между ног валик из куска полотна. Как у нее оборвалось дыхание при виде его обнаженного торса, когда Дункан полуголым ввалился в спальню и едва не застучал ее за этим занятием.

А потом он заставил ее одевать себя.

И она очутилась так близко, что слышала запах его кожи. Кончики ее пальцев горели огнем, когда она, расправляя мантию, дотрагивалась до его груди и мечтала исследовать его плечи, его мускулистые руки, такие неожиданно сильные для мужчины, занятого науками. Она боролась с собою и со своими желаниями и с огорчением замечала, какими неуклюжими становятся от волнения ее руки — вместо того, чтобы быть нежными и ловкими, как у настоящей женщины.

Она никогда не была женственной. И никогда не жалела об этом так сильно, как тогда.

Усилием воли Джейн заставила себя перевести глаза на короля и, увидев, что он, уже спешившись, стоит в окружении свиты и членов Палаты лордов, вспомнила, с какой целью пришла сюда. Надо во что бы то ни стало подобраться к нему поближе, улучшить момент и заговорить с ним.

Что она почувствует, когда предстанет перед своим сиятельным родственником? Заметит он или нет, что между ними есть сходство?

Эх, быть бы мужчиной, а не жалкой женщиной... Тогда ее приблизили бы ко двору или даже взяли в королевскую свиту. Короли не стыдились внебрачных отпрысков мужского пола. Наоборот, возвышали их, раздавая военные, церковные и светские должности. О незаконнорожденных девочках вспоминали лишь изредка, когда возникала необходимость укрепить узами брака политический союз, но по большому счету девочки — как вышло с Джейн и Солей — были никому не нужны. С другой стороны, фавориток короля редко ненавидели так сильно, как их мать.

Король Ричард поднялся на деревянную платформу и занял импровизированный трон. Она взглядела в его утомленное лицо, выискивая общие со своими черты. Но оказалось, что король ничуть на нее не похож, хоть был таким же светловолосым и голубоглазым. Он отличался от нее не только наличием редкой бородки на щеках. Его пухлые губы алели на лице, словно бутон розы, напоминая девичьи уста больше, чем ее собственные, а подбородок был маленьким и округлым.

Она вздохнула. Может, оно и к лучшему, что они не похожи. Никто не заподозрит, что под маской юного студента по имени Джон прячется Джейн, дочь покойного короля.

Расслабленно развалившись на троне, король взирал на процессию представителей торговых гильдий. Мясники, пекари, лавочники, кланяясь, проходили мимо, но он смотрел как бы сквозь них, почти не замечая их красные, голубые и зеленые флаги — владыка надо всеми людьми, наделенный властью исполнять любые желания, будь то свои или чужие.

Он был так добр, что даже позволил Солей сочетаться браком с человеком, которого она полюбила.

После парадного шествия началось представление. Ноги у Джейн затекли от

многочасового стояния, но ни она сама, ни окружавшая ее толпа, не двинулась с места. В честь короля была приготовлена сценка о царе Соломоне, что было наилучшим выбором для университетского городка, и Ричард, наблюдая, как актеры превозносят его и сравнивают его мудрость с мудростью библейского царя, впервые улыбнулся.

Ну и пусть ее семья не самого высокого мнения о короле. Неважно, мудр он или глуп, главное, что в его власти даровать ей возможность занять достойное место в жизни и повидать свет. И потому, когда представление закончилось, Джейн, несмотря на уставшие ноги, осталась стоять на месте, чтобы не пропустить момент, когда король снова пройдет мимо.

* * *

Увидев короля в сопровождении ректора и епископа, Дункан напряженно замер. Осмотр факультета тоже был частью приветственной церемонии, но король едва ли снизойдет до разговора с ним или кем-нибудь из его коллег.

Уставший, вспотевший под своим облачением, Дункан стоял в самом конце. Король равнодушно скользил взглядом по рядам закутанных в черное ученых мужей, но, увидев его, остановился и прищурился. Дункан кивнул, догадавшись, что Ричард его вспомнил.

Король приблизился.

— Дункан из Клифф-Тауэр?

Он поклонился так низко, насколько позволила гордость. Не в его характере было заискивать перед кем-то моложе и неискусеннее него самого. Даже если этим человеком был король.

— Ваше величество.

— В прошлую нашу встречу ты был бородатым варваром, а теперь, гляди-ка, ты настоящий ученый муж.

Ректор за спиной короля натужно заулыбался.

— В этом году наставник Дункан впервые попробует себя на ниве преподавания. Он открыл общежитие для студентов с севера.

Король кивнул.

— Воистину ты полон сюрпризов, наставник Дункан.

Дункан склонил голову. На его удачу ректор отошел в сторону и принялся о чем-то беседовать с членами совета.

— К сожалению, ваше величество, не все мои сюрпризы приятны. — Пора. Другого шанса не будет. — Шотландцы, как стало мне известно после нашей встречи, взяли моего отца в плен и требуют за него выкуп.

Лицо Ричарда исказила ярость.

— Подлые ублюдки.

Порой казалось, что король ненавидит шотландцев сильнее, чем французов.

— Зная отношение вашего величества, я хотел взять на себя смелость попросить вас посодействовать его освобождению. — Вне всякого сомнения, король, купавшийся в золоте, мог позволить себе выделить немного денег на выкуп за мелкого рыцаря.

Ричард оглянулся через плечо на своего дядю, герцога Глостерского, и прочих лордов совета, и Дункан понял, что без их одобрения он не может пожертвовать никакую, даже

самую скромную сумму.

Надежды его пошатнулись.

Когда король вновь перевел глаза на него, Дункан разглядел в них нечто похожее на раскаяние.

— Мы уже получили множество подобных запросов, но я уверен, что народ Англии в лице Палаты общин поддержит меня во мнении, что границы должны быть защищены.

— Надеюсь, так оно и сложится, ваше величество. — Но если парламент и согласится выделить средства, они пойдут на войну, а не на выкуп пленных. — Я буду упорно трудиться в этом направлении. — Однако, что толку собирать новое войско, если ты не готов выволить тех, кто храбро за тебя сражался? И Дункан рискнул: — И приложу все усилия к тому, чтобы парламент тоже узрел необходимость в освобождении тех отважных мужей, которые уже сослужили родине хорошую службу.

Король нахмурился и открыл рот, чтобы ответить, как вдруг их прервали. Кто-то заелозил рядом с Дунканом и толкнул его в бок. Скосив глаза, он увидел Маленького Джона. Что возомнил о себе этот дурачок? Какого черта он вмешивается в его личный разговор с королем?

Почувствовав на себе внимание короля, Джон поспешил преклонить колена.

— Встань, юноша, — с улыбкой произнес Ричард. — Ты хочешь подать прошение?

— Нет, ваше величество.

Что он задумал?

Мальчишка, балансируя на одном колене с опущенными долу глазами, держался естественно и грациозно, чего раньше за ним никак не наблюдалось. Незаметно, но сильно Дункан пнул его носком башмака.

— Тебе ничего не нужно?

Неудивительно, что король не спешил прогонять его. Обычно подданные осаждали его всяческими просьбами и ходатайствами. «И я в том числе», — досадливо поморщился Дункан.

— Я всего лишь хотел засвидетельствовать свое почтение нашему славному королю, ваше величество.

— Простите его, ваше величество, — заговорил Дункан, и король удивленно поднял брови.

— Ты его знаешь?

— Недавно я взял его в ученики. — Он сердито покосился на светловолосую макушку мальчишки.

— Как тебя зовут, юный студент?

— Джон, ваше величество.

— Чему тебя учит наставник Дункан?

— Латыни, ваше величество. Я готовлюсь к курсу грамматики, диалектики и риторики.

Дункан с трудом обуздал раздражение.

— Он еще совсем несмышленный.

— А после, — почтительно продолжал Джон, — я мечтаю поступить в услужение к вам в качестве клерка.

— Однако! — усмехнулся король. — А он бойкий юноша, — заметил он, обращаясь к Дункану.

— И полон сюрпризов... — вполголоса пробормотал тот. Ничего не скажешь, вовремя

Джон решил заявить о своих амбициях.

Король улыбался. Рвение мальчишки явно польстило ему.

— Учись прилежно и не ленись. Пусть наставник Дункан приведет тебя еще раз перед моим отъездом из города. Я желаю быть в курсе твоих успехов.

— Благодарю вас, ваше величество, — просиял Джон.

Дункан же сделался мрачнее тучи.

— Но вы уезжаете уже через несколько недель, ваше величество.

— Уверен, ты одаренный наставник и справишься. — Ричард лукаво улыбнулся. —

Кроме того, у нас с тобой, возможно, появится еще одна тема для разговора после того, как парламент отзаседает.

С этими словами король удалился. Дункан хмуро смотрел ему вслед. И парламентская сессия, и осенний семестр в университете начинались уже завтра. Как же вывести мальчишку на должный уровень за столь короткий срок? Придется, видимо, отложить на потом свидание Маленького Джона с его первой женщиной.

Мальчик поднялся на ноги.

— Вот видишь, ты все-таки помог мне с ним познакомиться. И скоро я увижу его величество еще раз.

— Если подтянешь латынь. Что, кстати, полностью зависит от тебя, а не от твоего учителя, что бы ни говорил король.

— Я буду стараться.

Дункан очень на то надеялся. Благодаря мальчишке у него появился еще один шанс вымолить у короля помощь, и если он потерпит неудачу в парламенте, этот шанс он как ему пригодится.

Злость отступила. Он крепко обхватил мальчишку за шею и, играя, локтем прижал его к себе.

— Договорились, щенок, — проворчал он и не сдержал усмешки, когда кулаки Джона замолотили его по ребрам. — Подберем тебе что-нибудь интересное из Катона и поглядим, сумеешь ли ты вызубрить пятиминутную речь на латыни.

Отпустив мальчишку, он легонько шлепнул его пониже пояса. Голубые глаза Джона вспыхнули.

— Я сделаю все, чтобы ты мною гордился.

Дункан стесненно кивнул. Эта непривычно взрослая интонация, эти целеустремленно сжатые губы, эти кудри, белым золотом сиявшие в лучах заходящего солнца... Что-то надломилось в его душе, выпуская на волю эмоции, которые он не испытывал — и не хотел испытывать — с тех пор, как погиб его брат.

— Ладно, — сказал он Джону. И почему-то не стал ерошить, как обычно, его волосы. — Идем домой.

Мальчик был ему симпатичен. Он просто хочет помочь ему, вот и все. Не больше.

Джейн разглядывала пожилого человека, сидевшего за одним столом с Дунканом. Вот уже несколько часов кряду они, не прерываясь, о чем-то беседовали. Он точно не из университета, решила она. Наверное, как-то связан с парламентом. Но кем бы ни был этот седовласый незнакомец, речь которого лилась мягко и в то же время властно, он занимал Дункана чересчур долго.

Парламент начал работу на следующий день после прибытия короля, и с тех пор Дункан совершенно перестал обращать на нее внимание — не говоря уже о том, чтобы учить ее.

Она подошла к столу и откашлялась.

— Когда мы начнем заниматься?

Дункан даже не взглянул на нее.

— Когда у меня появится время. Я, видишь ли, занят и не могу тратить на тебя весь день.

Ни улыбки, ни приветствия. Ладно. Она будет добиваться своего, как сделал бы на ее месте любой мужчина — решительно и уверенно.

— Я приехал сюда не батрачить на кухне, а получать знания. Ты обещал учить меня.

Она, наконец, завоевала его внимание, и он тут же заставил ее пожалеть об этом.

— Похоже, ты возомнил, что мир вращается не вокруг Земли, а вокруг тебя.

— Но король... — Время пролетит быстро. Когда парламентская сессия закончится, король уедет из Кембриджа. — Я должен доказать ему, что моя латынь стала лучше.

Пожилой человек тактично молчал, и Дункан вздохнул.

— Этот важный юнец — сирота по имени Маленький Джон. Его манеры, как и латынь, оставляют желать много лучшего.

У нее запылали уши. Она обещала, что он будет ею гордиться. Но до сих пор ничуть не продвинулась в этом направлении.

— Прошу прощения, наставник Дункан. И вы, сэръ, тоже извините меня. — Она почтительно кивнула его собеседнику. — Я проявил излишнее нетерпение.

— Джон, ты имеешь честь обращаться к сэру Джеймсу Пикерингу, члену парламента.

Она собралась присесть в реверансе, но вовремя опомнилась и поклонилась.

— Который год ты заседаешь в парламенте? — спросил его Дункан. — Десятый?

— По меньшей мере.

— Дольше самого короля. А сколько лет ты его избранный спикер?

Пикеринг усмехнулся.

— Столько, что моя болтовня им порядком поднадоела. И вот поэтому мне нужен ты.

Десять лет в парламенте. А вдруг этот человек — один из тех, кто причастен к тому, что ее мать лишилась дома и всего своего имущества? Его внешняя доброта могла быть обманчива.

— Зачем он вам нужен? — спросила Джейн.

Пожилой человек мягко улыбнулся.

— Затем, дитя, чтобы убедить членов парламента проголосовать за новые налоги, необходимые для войны с шотландцами. — Он постучал ногтем по длинному списку имен, лежавшему перед ним на столе. — И выкупить из плена доблестных мужей, которые обороняют наши рубежи на севере.

— Твоего отца... — прошептала она, поворачиваясь к Дункану и заливаясь краской стыда от того, что позабыла об этом. У нее защемило сердце. За собственными переживаниями она не подумала о том, что он тоже непрестанно терзается вопросом, жив ли дорогой ему человек.

Потянувшись через стол, она погладила костяшки его пальцев.

Он отдернул руку. Вскинул на нее вопрошающий взгляд. И она, не найдя в себе сил отвернуться, утонула в его серых, как пасмурные небеса, глазах.

— Да. Моего отца, — сердито ответил он и отгородился от нее, скрестив на груди руки. — А теперь ступай в библиотеку, возьми с полки Катона и читай вслух, пока я не приду. Получать знания надобно самому, Маленький Джон. Никто другой за тебя это не сделает.

Перед уходом она, переминаясь с ноги на ногу, задержалась.

— Я могу тебе чем-то помочь? Только скажи, я все сделаю.

В его глазах вспыхнуло удивление — и через секунду сменилось отторжением. Он привык оказывать помощь, а не принимать ее. И Джейн, узрев эту внутреннюю борьбу, поняла, что его приступы гнева были не более чем защитной реакцией, своеобразной стеной, выстроенной, чтобы скрыть от посторонних тот факт, что помимо гнева никакой иной защиты у него не имеется.

— Спасибо за предложение, юный Джон, — ответил вместо него Пикеринг. — Мне нужна копия этого списка, и я уверен, что по окончании нашего разговора наставник Дункан непременно обратится к тебе за помощью.

Она кивнула и попятилась к лестнице, надеясь на прощание дожидаться хоть слова от Дункана, но он обрел контроль над своим голосом и заговорил, только когда она поднялась наверх.

— Николас из Эссекса. Он поддерживает нас, или с ним нужно переговорить?

* * *

Джейн прилежно зубрила Катоновы наставления, которые учили смирению перед вышестоящими, и надеялась, что короля впечатлят эти исполненные благочестия строки.

Когда стемнело, пришлось зажечь свечу. В ее неясном, дрожащем свете слова поплыли у Джейн перед глазами, и она не заметила, как ее веки отяжелели и смежились.

— Кто разрешил тебе жечь свечи?

Заслышав резкий голос Дункана, она встрепенулась и поняла, что задремала на томе Катона.

— Я не знал, что нужно спрашивать разрешение.

— Свечи, дрова и продукты закупаются вскладчину на деньги, которые ты не платишь. Ты расходуешь то, что принадлежит всем, поэтому, зажигая свечу, будь добр, убедись, что свет нужен не тебе одному.

— Но здесь больше никого нет.

— Это еще не повод, наплевав на нужды других, бездумно палить свечи.

Гневная отповедь свидетельствовала о том, что его защитная броня вернулась на место.

— У кого мне спросить разрешение?

— У меня, — с нажимом ответил он, и она позавидовала силе, вложенной в два

коротких слова.

— Можно мне зажечь свечу, наставник Дункан?

Он наклонился над столом и задул трепетный огонек.

— Нельзя.

Их окутал интимный, уютный сумрак, и Джейн расслабилась. В присутствии других она почти не опасалась разоблачения. Люди не обращали внимания на ее испачканное, как у всех мальчишек, лицо, и чтобы их одурачить, достаточно было сутулить плечи да говорить поглубже. Но Дункан всегда смотрел на нее очень внимательно. Кто знает, что он может увидеть?

— И как мне заниматься в темноте?

— На встрече с королем ты будешь держать речь, а не читать по книжке. Ты прочел наставления. Теперь отложи книгу и переводы. Учителя уважай.

— *Magistrum metue.*

— Книги читай.

— *Littera disce.*

— *Litteras disce.* Повтори.

Не давая ей спуска, Дункан до самой ночи и без перерыва на вечернюю трапезу заставлял ее зубрить латинские фразы. Ни единым словом он не вышел за рамки урока, но Джейн и не заметила, как пролетело время. Ей ужасно нравился тембр его голоса. Он будто бы озарял светом сгустившуюся темноту.

— С добрыми людьми водись.

— *Cum bonis ambula,* — отчеканила она. Дункан прогнал ее по Катоновым наставлениям десять раз кряду, а их было ни много, ни мало пятьдесят семь. Утомленная, она решила, что пора бы им поменяться ролями: — Не смейся ни над кем.

Он рассмеялся и одобрительно хлопнул ее по коленке.

— *Neminem riseris.*

Она тоже зашлась смехом, подалась вперед, и вдруг ее лицо, ее губы нечаянно оказались около его губ, да так близко, что уловили его дыхание, сбившееся, как и ее собственное. Она качнулась к нему. И мазнула губами по его колючей от вечерней щетины скуле.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он отшатнулся.

Повисло неловкое молчание.

— На сегодня достаточно. — Он встал.

Отпечаток его ладони еще горел на ее колене. Кожа еще помнила тепло его дыхания, губы еще покалывало после прикосновения к его щеке. Она не хотела отпускать его. Не сейчас.

— Ты давно не играл на гиттерн, — торопливо произнесла она. — Мне бы очень хотелось послушать.

Он молчал, и Джейн мысленно отругала себя за умоляющие интонации в голосе. Вдруг он заметил, что она ведет себя как женщина, которой не хочется расставаться с мужчиной?

— Жди здесь. — Он оставил ее одну в темноте.

Вернувшись с инструментом в руках, он взял несколько небрежных аккордов, а потом запел веселую студенческую песенку, одну из тех, что исполнял в пивной.

— Чего молчишь? Запевай, — в перерыве между куплетами сказал он, не переставая в бешеном темпе перебирать струны.

Она покачала головой.

— Я не умею. Ты продолжай. Я буду подпевать. — И прикусила язык, чтобы не запеть ненароком.

— Стесняешься своего голоса?

Он заподозрил неладное, не иначе. Не мог он оставить без внимания то, как прерывисто она задышала, какими мягкими сделались ее губы, когда она, играя с огнем, мимолетно дотронулась до него.

— Немного. — Она не знала, в каком возрасте у юношей перестает ломаться голос, и прибавила с совершенно искренним отвращением: — До сих пор тонкий, как у девчонки.

— Что ж, ладно. — Потаенный вопрос без ответа повис в воздухе.

Он снова запел, и Джейн, не разжимая дрожащих губ, принялась вслед за ним выводить мелодию. Песня была длинная. В ней говорилось о шумных попойках, о похождениях бесшабашных студентов, о духе товарищества, и каждый ее куплет оканчивался веселым восклицанием tara tantara teino. Воодушевленно отбивая такт, она пребывала в озорном восторге от этой лихой, не предназначенной для женских ушей песенки, и в совершеннейшем упоении от звучания его чудесного голоса в темноте.

Наконец, после финального tara tantara teino, Дункан в последний раз ударил по струнам, и его руки в ликующем жесте взметнулись вверх.

— Здорово поешь, — выдохнула она. — Как заправский менестрель.

Он принялся лениво перебирать струны маленькой щепочкой, сделанной из гусяного пера.

— Музыканты редко забредают на север, а зимы там длинные. Приходится развлекать себя самим.

— В твоей семье, наверное, принято петь каждый вечер.

Мелодия, всхлипнув, оборвалась. Резким движением он отложил инструмент в сторону.

— Ты не должен был навязывать себя королю.

Джейн моргнула. Она всего-то и сделала, что упомянула его семью, а он немедленно отдалился от нее и выбранил. Ее захлестнула обида. Если бы он знал, кто она на самом деле! Тогда бы он понял, у кого из них двоих больше прав беседовать с королем.

— Но ведь ничего плохого не случилось. — На мгновение она задалась вопросом, что разозлит его больше, узнай он правду — ее пол или ее происхождение.

— Да что ты. А если я не успею тебя подготовить? Какое, по-твоему, мнение сложится у короля обо мне?

Она забыла о его отце. Без помощи короля его не вызволить на свободу. Своим вмешательством она легко могла все испортить.

— Прости. Я поступил необдуманно, — пробормотала она. Как можно надеяться сойти за мужчину, если все ее поступки продиктованы женской импульсивностью?

— Ты привык думать только о себе, верно?

Краска стыда опалила ее лицо и спустилась ниже, заливая шею. Ее навязчивая тяга к независимости в устах Дункана прозвучала как эгоизм. И он был прав. Сам он вел себя как настоящий мужчина и, не увиливая, нес на своих плечах груз ответственности за общежитие, за своего отца, даже за оборону границ от вторжения. А какими благими поступками могла похвастаться она сама? Чего хорошего она сделала людям? Родной сестре и той отказала в помощи.

Джейн расправила плечи. В темноте было не рассмотреть выражения его глаз, и она

нащупала его руку, твердую и разгоряченную после перебора струн.

— Я сказал, что ты будешь мною гордиться. Так оно и будет. Обещаю.

Он порывисто стиснул ее пальцы, и ее сердце заколотилось, толчками разгоняя волнение вверх по руке, к горлу и дальше по всему телу, дразня перевязанные груди и угрожая выпустить ее секрет наружу, как птичку из клетки, даже если ее рот останется на замке.

Она потянула пальцы на себя, но он не ослабил рукопожатия.

— Друзья навек? — разрезал темноту его голос.

— Клянусь, — вырвалось у нее. Это слово будто бы обладало властью соединить их на всю жизнь, породить между ними узы сильнее кровных.

— Не разбрасывайся обещаниями, дружок.

Она с трудом сглотнула. Ее пальцы подрагивали в его ладони.

— Клянусь Царствием небесным, и пусть Господь будет мне свидетелем, — заговорила она, еще не зная, в чем именно будет заключаться ее клятва, но уже чувствуя, что она обяжет ее к чему-то такому, о чем до сих пор она не смела даже помыслить, — клянусь, что буду предан тебе, как брат.

На последнем слове он вздрогнул.

— Кыш отсюда. — И выронил ее руку. — Иди спать.

Прошмыгнув в спальню, она долго не ложилась. Бродила среди спящих, возвращала в памяти клятву, которая невидимой пружиной натянулась меж ними. Стремясь быть с ним рядом, она впервые в жизни дала столь серьезное обещание, да еще призвала в свидетели небо, наподобие оруженосца, обязавшегося верно служить своему рыцарю.

Брат. Это слово отчего-то потрясло его. Настоящим братьям не нужен обет преданности, ибо он связывает их с рождения. Таким обетом она была связана со своею сестрой.

И подло нарушила его.

Как могла она быть уверена, что сдержит свое слово в отношении Дункана?

И только в момент, когда она, раскатав на полу матрас, легла, и слезы медленно покатались по ее щекам, только в этот момент она поняла, что он сам в ответ ничего ей не пообещал.

Наутро ее ждала неожиданная встреча. Прогуливаясь по рыночной площади, она заметила в овощном ряду служанку из пивной, которую они мучили в ту злополучную ночь. Их глаза встретились, и девушка настороженно прищурилась. Она узнала ее. И быстрым шагом пошла прочь.

Джейн побежала следом, догнала ее и тронула за рукав. Девушка обернулась.

— Так полюбились их игры, что захотелось еще? — прошипела она, и ее лицо исказила злобная гримаса.

Джейн отдернула руку, словно обжегшись.

— Мне жаль, что так вышло. — А еще жалче, что не получилось их вразумить. — Так-то они неплохие ребята.

Хмуро и недоверчиво девушка склонила голову набок. Ее можно было бы назвать симпатичной, но тяготы жизни уже оставили отпечаток на ее лице, раньше срока затянув морщинками уголки невеселых карих глаз. Ходила она, шаркая ногами и ссутулив плечи, а ведь ей было не больше двадцати лет, как с изумлением поняла Джейн. Какую жизнь вела эта девушка, пока она сама, окруженная любовью, безмятежно росла дома? Вот наглядный пример того, что бывает с женщинами, брошенными на милость мужчин, подумалось ей.

— Надеюсь, тебе приплачивают за то, что ты рядишься парнем в угоду их грязным прихотям, — услышала Джейн и ее бросило в жар — и сразу в холод.

Она догадалась. Ни грубая речь, ни напускная развязность, ни туго перебинтованная грудь не провели ее. Хуже того, своим намеком на извращение, которое было трудно себе даже вообразить, она предположила, что Джейн шлюха. Худшая из всех сортов шлюх. Хуже, чем была ее мать.

Взяв девушку под локоть, она утянула ее в переулок и яростным шепотом сообщила:

— Они ничего не знают! Они думают, я на самом деле мальчик.

— Серьезно?

Девушка вытаращила глаза, а затем, схватившись за живот, запрокинула голову и захохотала, да так громко, что Джейн, опасливо озираясь, была вынуждена тоже изобразить смех, дабы со стороны казалось, будто они обмениваются шутками. Отсмеявшись, девушка привалилась к стене и перевела дух.

— И ты все время ходишь в таком виде? — любопытствовала она.

— Они называют меня Маленьким Джоном, — кивнула Джейн и выпрямилась под ее пытливым взглядом, стараясь не сильно выпячивать грудь. Как она выглядит в глазах того, кто знает, кого видит перед собой?

— Будто мужское платье так хорошо от них защищает? — с интересом и даже завистью спросила девушка.

От них. Словно ее друзья были какими-то чужеземными врагами. Как же объяснить, что она надела тунику и шоссы не ради того, чтобы защищаться от них, а чтобы быть с ними? За исключением, конечно, тех случаев, когда они напиваются как свиньи и пристают к женщинам.

— Они считают меня студентом. Таким же, как они сами.

— Но как же ты... — Девушка скептически осмотрела ее. — Как ты справляешь нужду и все такое?

— Я сказала, что у меня увечье, которого жутко стесняюсь. — Она упростила студентов не заходить вместе с нею в тесную и темную клетушку туалета на заднем дворе. Правда, пока не вмешался Дункан, юноши нещадно изводили ее насмешками. — Они полагают, что с возрастом я преодолею свою стеснительность.

— И давно ты нормально мылась?

Давненько...

— Я стираю, пока они на занятиях, и после по-быстрому ополаскиваюсь. Они ни о чем не догадываются.

— Одно слово — мужчины, — с презрением хмыкнула ее новая знакомая. — Не видят ничего дальше своего носа.

— Ох, надеюсь, что так оно и останется. — Она взглянула на девушку, чья судьба являла собою полную противоположность того, к чему стремилась она сама. — Я притворяюсь мужчиной, чтобы жить вольной жизнью.

Та наклонилась ближе, и ее глаза загорелись любопытством.

— Ну и как оно? Расскажи!

* * *

Вместе с Гэвис — так звали служанку из пивной — Джейн простояла в тени переулочка до полудня, шепотом описывая жизнь по ту сторону стены.

Какое же облегчение — вволю выговориться. Она и не подозревала, насколько устала от одиночества. Вот только, впервые пересказывая свои приключения, она поняла, что мир мужчин не настолько хорош, как ей казалось раньше. Мужчины слишком громко разговаривали. Носили слишком грубое платье. В их мире не было места ни ласке, ни нежности.

Студенты потешались над нею, когда она аккуратно собирала со стола крошки, вместо того чтобы смахнуть их на пол, или долго взбивала перед сном солому в матрасе, пытаясь привнести в обыденность жизни немного порядка, уюта и красоты. И тогда она стала делать все это украдкой, когда никто не смотрел.

Поделиться этим можно было только с женщиной. И только женщина могла ее понять.

Умолчала Джейн лишь о том, что за все это время так и не обрела той независимости, ради которой пустилась в бега. Наверное, только король имел роскошь в любое время поступать, как ему вздумается.

— Ты сирота? — спросила Гэвис, дослушав ее рассказ до конца.

— Я сбежала из дома, — краснея от стыда, призналась она.

— Тебя там поколачивали?

Неужели бывают семьи, где близкие бьют друг друга? Сама она сталкивалась только с болью от разочарования матери.

— В тот день у моей сестры начались роды. А я... ну совсем ничего не смыслю в женских делах. Я не знала, что делать, я пыталась как-то помочь, но у меня ничего не получалось... — Ее снова окутала душная, пропитанная страхом и беспомощностью, тьма родильных покоев. Глаза обожгло слезами. Наконец-то их можно не прятать. — Я сорвалась и убежала. И с тех пор ничего не знаю ни о сестре, ни о ее ребенке.

Сочувственно прищелкивая языком, Гэвис похлопала ее по плечу, и от этого

ободряющего жеста на Джейн снизошло забытое чувство облегчения.

Дункан сказал, женщины не способны думать. Они умеют чувствовать, да и только. Что же, он опять оказался прав. Она была женщиной, и сейчас ее обуревали самые что ни на есть банальные женские чувства. Неделями она сдерживалась, подавляя эмоции, и когда они вырвались на свободу, то забились, завибрировали внутри, будто натянутая до предела струна. Неделями, презрев голос сердца и тела, она принуждала себя опираться только на голос разума, и как же приятно оказалось наконец поделиться своими горестями и выплакаться.

Похоже, не так уж она отличается от обычных женщин, как привыкла думать.

Она утерла мокрые глаза рукавом.

— Мне так хочется узнать, как поживают моя сестра и ее малыш, но я боюсь отправить им весточку, ведь они сразу догадаются, где меня искать.

— Можно подслать к ним моего брата, если хочешь.

— Ты серьезно? — Впервые за долгое время Джейн ощутила легкость в груди. — И он согласится?

Гэвис кивнула.

— Отчего бы нет. Малый он шустрый да ловкий. Разузнает все, о чем только попросишь. Шустрый и ловкий. Без этих качеств не выжить на улице.

— Но они все равно узнают у него, где я.

Гэвис задумчиво поскребла подбородок.

— Не узнают, коли он скажет, что видел тебя среди паломников на ярмарке, но к которой святыне вы направлялись — позабыл.

— Ох, спасибо, спасибо тебе! — Она на собственном опыте испытала всю тяжесть трехдневного путешествия, и оттого предложение Гэвис показалось ей особенно великодушным. — Чем мне отблагодарить тебя? А его?

— Ничем. Твоя родня подкинет ему пару монет за новости о тебе, уж поверь, — со знающим видом усмехнулась служанка.

Джейн так и подмывало спросить, правда ли Гэвис торгует своим телом, но она не знала, как подступиться к вопросу, чтобы не оскорбить ее.

Гэвис еще раз оглядела ее, сокрушенно качая головой.

— Что делать-то будешь, если они обо всем узнают?

— Не узнают. Этому никогда не бывать. — Взять ненадолго передышку и побыть самой собой было приятно, но жить женщиной постоянно... Ни за что на свете. — Я закончу колледж, устроюсь при короле клерком и буду путешествовать по миру.

Однако, стоило ей представить свое будущее без Дункана, как ее радужные мечты померкли. Получается, она все-таки обманывала его, когда приносила клятву?

— Интересно, как ты себе это представляешь? — спросила Гэвис, не разделяя ее оптимизма. — Пока Джон и впрямь «маленький», еще куда ни шло, но скоро твои дружки начнут удивляться, отчего это у него не растет борода, а сам он такой дохляк.

— Как-нибудь выкручусь, — промямлила она. Служить клерком, жить под видом мужчины... В мыслях ее план казался безупречным, но, проговорив его вслух, Джейн уже не была в этом уверена.

— И ты ни чуточки не хочешь вернуться домой и жить как женщина?

И оказаться столь же беспомощной перед властью мужчин, как ты? Как можно задавать такие вопросы, если ответ очевиден?

— Нет.

Но едва она это сказала, как вспомнила те неосознанные желания, которые терзали ее наедине с Дунканом, и поняла, что воплотить их в жизнь можно только будучи женщиной.

— А как же твои родные?

Она упрямо крутнула головой. Вернуться домой и с поджатым хвостом предстать перед глазами сестры и матери означало признаться в своем провале.

— Я скучаю по ним. — За эти недели она научилась говорить с комом в горле. — Но не вернусь.

Пусть жизнь мужчин оказалась не так легка, как она полагала, слабому полу жилось не в пример тяжелее — особенно если женщину не оберегали от тревог, как ее саму. Она перешла черту. И желания возвращаться в мир, где любой загулявший прохожий мог учинить над нею насилие, у нее не было.

Не решаясь поставить свечу, Джейн сидела одна в темноте общей комнаты и повторяла по памяти латинские выражения. Семестр только начался, и потому остальные студенты, не спеша погрузиться в учебу, отправились развлекаться на Стоурбриджскую ярмарку.

Ей тоже хотелось пойти, но она остановила себя, памятуя о том, что сказал Дункан. «Получать знания надо самому, Маленький Джон. Никто другой за тебя это не сделает».

На этой неделе они почти не виделись. Еще затемно он уходил в церковь Святого Михаила, где открывал прихожанам двери, затем читал двоим студентам платные лекции, а после встречался с товарищем-медиком, который давал уроки ему самому. Вторую половину дня он проводил в коридорах Барнуэлльского монастыря, пытаясь переговорить со всеми членами парламента, какие только соглашались остановиться и выслушать его.

Всего их было двести сорок восемь. Она знала это, поскольку переписала все до единого имени из выданного Дунканом списка.

Ее латынь стала много лучше. Повторяя Катоновы наставления, она все увереннее спрягала глаголы и все реже подсматривала в книгу. Господу молись. *Itaque deo supplica.* Родителей люби. *Parentes ama.* Учителя страшись. *Magistrum metue.*

— Блудниц сторонись, — услышала она голос Дункана и без запинки ответила:

— *Meretricemfuge.* — И подняла на него глаза. Видеть его было радостно, но к этой радости примешивалось недовольство за то, что он уделял ей мало внимания. — Жалко, что ты не вспомнил об этом той ночью.

Дункан со вздохом опустился на скамью напротив.

— Давай не сегодня, Маленький Джон. Я слишком устал, чтобы спорить. — Откинувшись назад, он подпер затылком стену и закрыл глаза.

Ее недовольство прошло. Не могла она долго на него злиться.

— Ты что-нибудь ел?

Он покачал головой.

— Не до того было. Я весь день общался с членами парламента.

Она сходила на кухню и собрала ему ужин из остатков хлеба и соленой рыбы. И заодно принесла гиттерн.

Сделав добрый глоток эля, Дункан принялся за еду.

— Есть хорошие новости? — спросила она.

Он отсалютовал ей полупустой кружкой.

— Плюс десять голосов в колонку «за», и до голосования осталась как минимум неделя. Пока что парламента занят прениями о ношении личных гербов.

— А я наконец-то выучил все-все наставления. Спроси Джеффри и Генри, они меня проверяли. — Она сделала паузу, но не дождалась просьбы продекламировать их вслух. — Там, кстати, есть одно, на которое тебе следует обратить внимание. *Quod satis est, dormi.* Что означает «спи в меру свою».

— Кстати, — неожиданно произнес он, словно, пока она хвасталась, размышлял о чем-то своем, — ты как, уже интересуешься девушками?

Она по-девчачьи зарделась и опустила голову, чтобы не выдать себя и свое томление, которое — она знала — слишком очевидно горело в ее глазах.

Что бы ответил на ее месте юноша?

— Я не очень-то много о них знаю, — промямлила она наконец.

— Неужели ни разу не баловался с молоденькими служанками на сеновале? — После удачного дня голос его звучал оживленно.

Она с трудом сглотнула.

— Таких у нас дома не было.

— Понимаю. У нас на севере с этим вообще беда. Мужиков-то мало, а девиц и подавно. Доходит до того, что некоторым, по слухам, приходится заниматься этим с овцами.

Донельзя шокированная, она вскинула голову.

— Ты шутишь!

— Боже упаси, какие уж тут шутки! — Он засмеялся, и Джейн так и не поняла, правда это или выдумки.

— Стало быть, ты тоже миловался с овечками? — Она удивилась, как легко слетело с ее губ это оскорбление, приправленное пародией на его северный акцент.

Он поперхнулся смехом, и его брови гневно сошлись на переносице.

— Никогда! Уж я-то всегда знал, куда девать свой botellus. Спроси дам, которых он ублажал.

Она выдавила натужный смешок. Тело живо откликнулось на его бахвальство, и она затрепетала, представляя, как его botellus проникает меж ее ног. Как он входит в нее. Она опустила ресницы, скрывая эти греховные мысли. Как он отреагирует, интересно, если признаться, что она женщина? Засмеется и сочтет ее обман блестящим розыгрышем?

Вряд ли. Он ставил мужчин выше женщин, а она своим маскарадом обставила их всех.

— Ну так что? — Он буравил ее внимательным взглядом.

— Что?

Неловкое молчание.

— Ты еще ни разу... Ты до сих пор...

Она не дала ему договорить.

— Нет. Да.

До сих пор девственница. Она впервые осознала значение этого слова применительно к себе. Девственница — значит нетронутая. Она перевела взгляд на его ладони и остро захотела, чтобы он до нее дотронулся. Ощутила болезненное влечение — к нему и к тому, чем он мог одарить ее помимо дружбы.

— Ну а ты? — спросила она. — Во сколько лет ты впервые... — Она закашлялась, не смея завершить вопрос. Ох, как опасно представлять его обнаженным, разгоряченным страстью...

— Примерно в твоем возрасте. Когда приехал в Кембридж.

— Нашел себе кого-то на улице? — До той памятной ночи она не задумывалась о том, что любовь покупается и продается. — Вроде той девушки? — Вроде Гэвис.

— Нет, — нахмурился он, и она испытала облегчение. — Моя подружка была куда сговорчивее. Ей, кстати, все понравилось.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю и все. Я в таких вещах разбираюсь. Ей понравилось.

— А тебе понравилось?

— А сам-то как думаешь? — цинично ухмыльнувшись, спросил он.

Соитие с едва знакомым человеком представлялось ей довольно одиноким занятием.

— Но скажи, разве не приятнее... быть с женщиной, которая тебе небезразлична?

Которую ты любишь.

Игривый огонек в его взгляде погас. Он сделал большой глоток эля.

— Так уж устроен мир, Маленький Джон. — В его голосе зазвучала наигранная бравада. — Хватай от жизни все, что можешь. И не жалея о том, чего нельзя получить.

— Но будь у тебя выбор... Разве ты... — сорвалась у нее с языка несбыточная надежда. — *Copium am.* Супругу люби. Разве тебе не хочется встретить женщину, с которой было бы приятно делить не только постель, но и жизнь в целом?

Прежде чем дать ответ, он долго всматривался в ее лицо. Слава богу, было достаточно темно, и ей хватило сил выдержать его взгляд. И удержаться от того, чтобы не распахнуть перед ним свои бедра.

Его глаза потемнели, сделались дымчато-серыми.

— Мы с тобой чем-то похожи, дружок, — наконец проговорил он. — Но поменьше распространяйся о своих мыслях на людях. Чего доброго, прослывешь женоподобным, и тебя будут дразнить девчонкой.

— Я не девчонка! — выпалила она. Она зашла слишком далеко. Слишком заигралась. Слишком рисковала обнаружить себя.

— Я-то знаю. Но если кто заподозрит, что ты способен дать слабину, тебя слопают живьем. Прямо сырым.

Она моргнула. Что же это получается? Мужчинам надо утаивать свои истинные желания?

— Эй. — Дункан наклонился к ней через стол. — Я к тебе обращаюсь. Ты меня понял?

Он снова разыгрывал из себя заботливого старшего брата. Ей и самой было бы проще воспринимать его как Джон, а не как Джейн. Если бы его руки не лежали на столе так близко, что она почти задевала пальцами темную поросль волос на них.

— Понял.

— Наше оружие — не мечи, а слова и ясное мышление, и потому для студента нет напасти страшнее, чем женщина. Запомни: только глупцы позволяют соблазнам затуманить свой разум.

— Но ведь ты... — Она с трудом подбирала слова, задыхаясь под тесной перевязью. — Помнишь ту девушку на улице... С нею ты, кажется, был бы не прочь уступить соблазну.

— Ну, это совсем другое дело. — Он вытянул под столом ноги. — Женское распутство возбуждает нас, тут уж ничего не попишешь, и нет ничего дурного в том, чтобы удовлетворить свои естественные потребности. Главное, держать свои чувства в узде.

Как это следует понимать? Возражения застряли у нее в горле.

— Значит, это нормально — спать с женщиной безо всяких чувств?

— Совершенно верно.

— А как же Джеффри и его невеста?

Подобрав гиттерн, Дункан пробежался пальцами по гладкому деревянному боку инструмента, своими очертаниями напоминавшего изгиб женского бедра. Ее бедра, например.

— Джеффри повезло. Но в большинстве случаев... — Он пожал плечами и тронул струны, подбирая слова. — В большинстве случаев женитьба не спасает мужчину от одиночества.

— Значит, ты никогда не женишься? — Все ее робкие надежды, все потаенные мечты были вложены в этот вопрос.

На что она уповала за те короткие секунды, пока дожидалась его ответа? Что он скажет «нет» и предложит Маленькому Джону быть своим товарищем до конца жизни?

— Ну, церковную карьеру я делать не собираюсь, если ты об этом. И тем не менее — нет. О женитьбе я пока что не помышляю, — со всей категоричностью заявил он.

— А если бы Господь отозвался на любые твои молитвы, — спросила она, — чего бы ты попросил?

— Отправить меня на учебу в Париж, — ответил он быстро. — Или даже в Болонью. Джейн кивнула, мигом представив, как они вместе путешествуют по далеким странам. Она тоже страстно мечтала увидеть Париж.

— А потом?

Он склонил голову набок и задумался, словно раньше никогда не занимал себя мыслями о столь отдаленном будущем.

— Потом мне бы хотелось принести знания в родные края. Только сперва я попросил бы Господа установить там мир, чтобы можно было спокойно бродить по горам и долинам да сменить, наконец, меч на плуг. — С невеселой усмешкой он прибавил: — Кто знает, быть может, я бы даже начал пописывать на досуге стишки.

Поделись он этими откровениями с товарищами-мужчинами, его подняли бы на смех, наградили тычком под ребра и обозвали бабой. «Я тебя понимаю. Я знаю, что ты чувствуешь. погоди, что я расскажу тебе...» — рвалось у нее с языка, но она молчала.

И все же странно, что, несмотря на свое презрение к югу, он предпочитал жить здесь, а не на севере.

— Зачем же ты приехал сюда, если так сильно скучаешь по родине?

Он посмотрел на нее так пристально, что, несмотря на темноту, она испугалась, как бы он не заметил, что щеки ее слишком гладкие даже для безбородого юнца.

— Скажи, ты когда-нибудь хотел невозможного? Мечтал стать тем, кем тебе быть ну никак не положено?

Вопрос оглушил ее подобно удару молнии. Во рту пересохло, и она потеряла дар речи. Если она заговорит, то не выдержит и выложит ему все.

Она неопределенно дернула головой. Пусть расценивает этот жест на свое усмотрение. Пальцы его продолжали наигрывать задумчивую мелодию.

— А вот я знаю, каково это. Я люблю свою родину, она живет в моем сердце, взывает ко мне. Но многое там мне ненавистно. И какая-то часть меня хочет...

Она задержала дыхание. Скажи. Скажи, чего ты хочешь. Что я могу тебе дать?

Но он не закончил мысль.

— После первого года я настолько невзлюбил Кембридж, что на святки уехал с твердым намерением никогда сюда не возвращаться.

— Почему?

— Были вещи, которые я хотел забыть. — Грустная улыбка. — Но были и другие вещи, которые мне хотелось... — Он повел плечами. — Суть в том, что теперь мне нигде нет места.

Джейн кивнула, прекрасно понимая, что он имеет в виду. Она мечтала жить жизнью мужчины, но чем дольше притворялась, тем больше понимала, что из-за своего маскарада стала непригодна ни для мира женщин, ни для мира мужчин.

— Жизнь иногда чертовски сложная штука, — вымолвила она.

Он широко улыбнулся, давая понять, что был рад поделиться с нею, но момент

откровения позади.

— И чертовски приятная, если уметь ею наслаждаться. — Он выдал несколько фривольных аккордов, и подмигнул ей. — У тебя вся жизнь впереди, парень. Не забивай себе голову мыслями о женитьбе.

Она замотала головой, торопясь развеять любые его подозрения.

— Я никуда не спешу.

— Вот и правильно. Сперва познай женщин и все те удовольствия, которые может подарить тебе плоть. И пусть апостол Фома зовет это грехом. Он начал порицать блуд уже в старости, когда потерял интерес к утехам, которым предавался всю свою юность. — Дункан озорно улыбнулся. — И поскольку отца у тебя нет, похоже, твоим обучением придется заняться мне.

Она очень хотела, чтобы он занялся ее обучением. Правда, в несколько ином плане. Она хотела познать то, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они остаются наедине. Она хотела познать его.

Острое желание пронзило ее — впервые в жизни.

Но если Дункан возьмется учить ее тому, что должен знать о любви мальчик...

— Сейчас мне лучше сосредоточиться на латыни, чтобы не опозориться перед королем.

Его ладонь, теплая и тяжелая, легла на ее шею и легонько потрепала ее.

— Наконец-то ты взялся за ум. — Он встал. — Я не наелся. Пошли поглядим, не осталось ли на кухне сыра.

Тем вечером они больше не говорили о серьезных вещах, но ее бедное, истомившееся под перевязью тело болезненно откликалось на каждый жест его пальцев, на каждое движение губ. «Перестань отрицать свою сущность», — кричало оно. — «Можешь игнорировать меня сколько хочешь, в конце я все равно предам тебя».

Разговор с Дунканом о любви, о браке, о доме разбередил рану, которую невозможно было исцелить. И рядом не было женщины, с которой можно было бы поделиться.

Сегодня мир мужчин преподал ей еще один урок. Делай вид, что тебе не больно, и держи свои дурацкие чувства в узде.

* * *

Несколько дней спустя Джейн сидела внизу и горланила наравне со всеми скабрзные песенки, мысленно радуясь, что мать ее не слышит. Иначе ее, несомненно, ждал бы серьезный выговор.

Мужчины, как она отметила про себя, тратили до неприличия много времени на мысли и разговоры о физических отношениях с женщинами.

— Как разошелся сегодня Маленький Джон. Глаза так и горят! — рассмеялся, глядя на нее, Дункан. Песня закончилась, но его пальцы продолжали неумолимо перебирать струны. — Похоже, не терпится познать радости плоти.

Наедине с ним она бы непременно сконфузилась, но в компании приходилось следить за собой и не забывать реагировать по-мужски.

— Не суди по себе, — огрызнулась она, заерзав на скамье. — И не приписывай мне свои грешные мыслишки.

— Прекратите вы оба, — сказал Джеффри. — Давайте лучше споем что-нибудь из

репертуара трубадуров.

На лицо Дункана набежала тень.

— Куртуазным стишкам я предпочитаю старую добрую приграничную балладу.

Генри засмеялся.

— Джефффри втрескался по уши. Он может думать только о любви-и, — пропел он, заморгал глазами и, виляя задом, прошелся по комнате, передразнивая женскую походку.

Джефффри отвесил приятелю такого тумака, что тот, хохоча, завалился на пол.

— Мне, в отличие от вас, повезло заполучить девушку, которая принимает меня таким, какой я есть. Вы, болваны, на такую удачу можете даже не облизываться.

— Не больно-то и хотелось, — отозвался Дункан и, когда Джейн перехватила его взгляд, отвел глаза в сторону, будто бы сожалел о том, что недавно разоткровенничался перед нею.

Она вдруг вспомнила, как до слез смешила сестру, пародируя ужимки придворных дам. Ничего сложного — знай себе делай реверансы да жеманно закатывай глаза. У нее получится гораздо смешнее, чем у Генри.

— Женатым приятно быть ночью, а наутро — не очень! — выкрикнула она и, вскочив на ноги, поплыла по комнате — плавно качая бедрами, надувая губки, стреляя глазами из-под полуопущенных ресниц — в общем, изображая ужаснейшую из кокеток.

Вся компания восторженно взвыла.

Польщенная их реакцией, она профланировала обратно к столу. И вдруг заметила, что Дункан уже не смеется. Лицо его сделалось напряженным, и когда их глаза встретились, в его взгляде установилось какое-то новое выражение.

Как если бы он узрел ее истинную сущность.

Она резко перестала кривляться и села. Схватила за кружку, сделала большой глоток эля и рукавом вытерла пену со рта. Потом развалилась на лавке, пошире раздвинув колени, и постаралась издать отрывку, достойную настоящего деревенского мужика.

Глупая, глупая... Нельзя, чтобы тебя даже в шутку считали женщиной! Что, если он все понял?

* * *

Выдавив сквозь зубы смешок, Дункан убрал руку под стол, поправляя... что?

Дурацкая выходка Джона пробудила в нем — что ж, надо называть вещи своими именами — физическое желание. Неудивительно, что мужчинам запрещено рядиться в женское платье. Нет, определенно, у него слишком давно не было женщины, если он так возбудился при виде мальчишки, который изображал девушку.

Он знал, что ему поможет. Дальше откладывать некуда.

В один из вечеров, не сказав никому ни слова, Дункан ушел в город. Минуло несколько часов. Отзвонили вечерние колокола. Наступила ночь, но он не вернулся.

Слоняясь возле окна, Джейн поглядывала в темноту и молилась о том, чтобы ее тревоги оказались напрасны. В конце концов, он взрослый мужчина, с двумя здоровенными кулаками, и способен постоять за себя. Ему не нужна нянька.

Но он сам предупредил ее, что на улицах небезопасно. Сегодняшнее заседание парламента давно закончилось. Ярмарка закрылась еще вчера. Куда он мог запропасться?

Потом она услышала шаги. Слетела вниз по лестнице и с размаху врезалась в Дункана, который как раз открывал дверь.

— Какого черта...

— Где ты был? — перебила она его.

— Уйди. — Он отодвинул ее в сторону и шатко побрел к себе. Сколько же эля он выпил?

Она побежала следом, зашла в его спальню. Он сидел спиной к ней на кровати и расшнуровывал свои короткие кожаные башмаки.

— Что случилось? Где ты пропадал?

— Иди спать.

Это был не ответ.

— На кухне осталась селедка. Принести, если ты голоден?

— Нет. — Он даже не повернул головы.

— Я, между прочим, волновался. — Она прикусила язык. Упрек прозвучал слишком по-женски.

Он встал и развернулся к ней так стремительно, что едва не упал.

— Тебе не все равно? Я не обязан перед тобой отчитываться!

Но, вопреки ее воле, ей было далеко не все равно.

— Уже давно стемнело, а тебя все нет и нет. Гулять по ночам опасно, ты же сам говорил...

— Я был с женщиной.

— О. — Она опешила. В ее голове нарисовалась омерзительная картинка. Дункан Женщина. Он целует ее, трогает ее груди, входит в нее... Внезапно ей стало нечем дышать. — С женщиной?

Она возненавидела эту женщину.

Кто она такая? Где они познакомились? О чем говорили? Делился ли он с нею своими мечтами, своею тоской по родине или без лишних слов уложил в постель и удовлетворил себя, придерживаясь правила сторониться любых чувств, кроме похоти?

Но для этого он отсутствовал слишком долго.

— С женщиной. Что тебе не понятно? С развеселой пышной бабенкой. — Он выставил перед собой руки. — С вот такими титьками.

Джейн подавила ревность. У нее не было права ревновать. Она лишилась его в тот момент, когда спрятала свою грудь под мужским платьем.

— Ну, надеюсь, позабавился вдоволь. — Подражать его выговору стало вдруг неприятно. Таким образом она будто бы превращалась в его соучастницу в мужском заговоре

против женщин.

— А то. — Однако ни в его тоне, ни в жестах и близко не чувствовалось того удовлетворения, которое снисходило на мужчин после соития. — Выметайся.

Он повалился на кровать и прикрыл глаза ладонью. Вторая его рука шевельнулась в сторону двери, прогоняя ее прочь.

Джейн вздернула подбородок, но заставить себя кивнуть не смогла.

— Добрых снов. — И не успела она выйти за порог, как он захрапел.

* * *

— Парень, подымайся. Я тебе кое-кого привел.

Еще в полусне она поняла, что Дункан опять до крайности пьян. И мстительно пожелала, чтобы он поплатился за это больной головой и желудком.

Разлепив глаза, она села.

— Кого?

То были первые слова, которыми они обменялись с прошлой ночи, когда она, поднявшись наверх, долго ворочалась с боку на бок, сражаясь с фантазиями о том, как он занимается любовью с женщиной.

С нею самой.

— Ш-ш. — Он оглядел спавших вповалку студентов. — Пошли.

Поскольку она спала в одежде, ей не оставалось ничего другого, как выбраться из постели и проследовать за ним вниз. Он подтолкнул ее через порог в свою спальню.

— Жди здесь, — велел он и закрыл дверь.

Впервые она осталась в его покоях одна. С наслаждением вдохнула его запах, в котором переплетались запахи дерева, ягод и чего-то еще. Чего-то волнующего, дикого. Провела ладонью по его кровати, представляя себя меж простыней...

Позади скрипнула дверь.

— Вот. Это тебе.

Она обернулась и увидела знакомое — и весьма обеспокоенное — девичье лицо. Гэвис. Не успели они переглянуться, как Гэвис, подгоняемая тычком в спину, перелетела через порог и, потеряв равновесие, упала на колени возле кровати.

— Пора взрослеть, Маленький Джон. — Покачнувшись, Дункан тяжело привалился к дверному косяку. — Негоже в твои лета ходить девственником.

Она изо всех сил старалась не встречаться с Гэвис взглядом. Неожиданно на нее накатило нездоровое, безудержное веселье, и она закашлялась, давась смехом.

— Чего смеешься? — Дункан угрожающе насупился. — Боишься, силенок не хватит?

Приосанившись, она поставила ногу на край кровати и повернулась так, чтобы он не заметил, сколь вялым и жалким был ее полотняный *botellus*.

— Силенок-то хватит. Но зрители мне не нужны.

Он повесил голову, словно внезапно осознал, что наделал.

— Ей заплачено за всю ночь, но чтобы на рассвете и духу ее здесь не было.

Когда он, хлопнув дверью, ушел, они с Гэвис уставились друг на друга. А потом Джейн упала на кровать и, зарывшись лицом в подушки, зашлась в приступе бесконтрольного смеха, перешедшего под конец в рыдания.

Гэвис, присев рядом, обняла ее за плечи.

— Бедняжка. Не подозревала ты, чем обернется твое бегство из дома, да?

— Иногда... иногда он ведет себя совершенно по-скотски.

— И ты его любишь.

Она протестующе всхлипнула. О любви не могло быть и речи.

— Он того не стоит.

— Как и все его племя. Но он человек неплохой, уж поверь. А если справится с теми демонами, что терзают его из-за тебя...

Джейн шмыгнула носом.

— Из-за меня?

— Его влечет к тебе. И это сводит его с ума. Он приходил ко мне давеча и нес какую-то чепуху о том, что не желает становиться содомитом.

Джейн поежилась. Запутавшись в собственных бедах, она не задумывалась о том, что его доброе, несколько выходящее за рамки, отношение к юному Джону могло посеять в его душе раздор.

— Значит, прошлой ночью он спал с тобой? — От мысли об этом стало противно.

— Спал, да не так, как ты воображаешь. Пришел пьяным до безобразия и отрубился, не тронув меня и пальцем. — Ее новая подруга усмехнулась. — Но я сказала, что он был жеребцом. Я им всем так говорю.

У нее отлегло от сердца.

— Слава Богу, ему встретилась ты, Гэвис. Скажи, когда твой брат отправится в путь? — На расстоянии семья стала для нее особенно дорога.

— Наверное, завтра. Ярмарка-то, где он подрабатывал, закрылась.

— Спасибо тебе. — Она задумчиво обвела взглядом комнату. Что может значить для юноши ночь первого посвящения? — Гэвис, помоги мне. Нужно как-то убедить его, что сегодня ночью моя жизнь переменилась.

— Ты и теперь не признаешься ему, кто ты?

— У меня нет выбора. Если он узнает правду... — О последствиях было страшно даже подумать.

— Ладно уж, помогу, — вздохнула Гэвис. — Поди не впервой заниматься всякими странностями. Думаю, выпытывать у тебя подробности он не станет. Но обещай, что наутро выведешь меня отсюда. — Лицо ее вновь приняло обеспокоенное выражение.

— Обещаю. — Будет несправедливо, если ее подруга попадет в тюрьму из-за того, что Дункана одолели сомнения в собственной мужественности.

— Но лучше тебе закончить с этим маскарадом.

— Не могу. Никак. — Только под видом Джона ей возможно быть с ним рядом.

Качая головой, Гэвис сдернула с кровати покрывало и разворошила простыни.

— Когда я стану покрикивать, начинай стонать на все лады.

Джейн прыснула.

— Кричи громко, чтобы он услышал.

* * *

Кто-то тронул его за плечо. Дункан разлепил глаза и, щурясь против желтоватого

утреннего света, понял, что всю ночь проспал за столом общей комнаты и пропустил утреннюю мессу. Студенты, эти чертовы ублюдки, разбежались по классам, не разбудив его.

Он попробовал выпрямиться. Желудок, а за ним и голова, взбунтовался, и он со стоном смежил веки, вспоминая все, что натворил за два дня беспробудного пьянства. Как пытался утопить свои страхи в соитии с женщиной. Как потом вернулся за нею и навязал ее Джону.

Осторожно приоткрыв глаза, он покосился на разбудившего его мальчика. На вид тот ничуть не изменился. И не скажешь, что его всю ночь ублажали в постели.

Не в состоянии держать спину ровно, он подпер голову кулаком.

— Ну что, парень, как прошел твой первый раз?

Скулы мальчика немного порозовели.

— Неплохо. Ей, вроде, понравилось.

Он фыркнул.

— В первую очередь понравиться должно было тебе. Так понравилось или нет?

Тот окончательно смешался.

— Могло быть и лучше.

— Куда уж лучше-то? — От громкого восклицания заломило виски. Поморщившись, он понизил голос: — Это тебе не латынь, которую можно выучить по книжкам. Тело само ведает, что ему делать. Черт, да заниматься этим с женщиной во сто крат приятнее, нежели со своей рукой.

Мальчик упорно отводил взгляд, мешая Дункану понять, усвоена ли его лекция.

— Она славная девушка.

— Славная девушка? Она публичная девка. — В голове забились боль, усиливая чувство вины. Он знал, вчерашняя ночь была ошибкой. Знал и пытался себя оправдать. — Попользовал ее, и забудь. Вспомни, чему я тебя учил. На таких точно не женятся.

Джон с задумчивым видом изучал носки своих башмаков. Нет, не так должен выглядеть юноша, впервые познавший женскую плоть. Совершенно не так.

— А на каких женятся?

— Что за дурацкий вопрос?

Голубые глаза посмотрели на него в упор.

— Какой должна быть женщина, чтобы ты захотел взять ее себе в жены?

— Не заводи эту песню по новой. Сегодня утром я не в настроении думать о браке. — Где мальчишка нахватался этих бредней? — Мне бы придумать, что ответить святому отцу, когда он спросит, почему во время мессы церковь оказалась закрыта.

— Не надо ничего придумывать. Я взял ключи и открыл церковь. И увел девушку, пока ее не обнаружили.

Дункан заморгал. Сумбур в его сознании несколько прояснился. Удивительно, но Джон оказался более ответственным, чем он сам. Если бы проктору донесли, что в общежитии ночевала женщина, им пришлось бы до осени выплачивать штраф.

Хоть какая-то польза от этих безумных ночей. Джон снова стал похож на нормального мальчишку.

За исключением одного.

Одной детали, за которую уцепился взгляд его воспаленных глаз, когда он, оглядев Маленького Джона с головы до пят, узрел том в месте, где обычно располагался член, нечто округлое и бесформенное.

Он уставился на странную выпуклость между ног мальчика. Потом перевел взгляд на его лицо.

Маленький Джон в панике попятился.

— Ты, наверное, голоден. Я что-нибудь принесу.

Он поймал его за руку и резко поддернул к себе. Они столкнулись грудь в грудь. И когда мальчик сделал вдох, Дункан ощутил мягкий толчок. Перевязь под его туникой. Но не на ребрах. Выше.

Он взгляделся в мальчишку, изучая черты, которые до сего момента не казались ему подозрительными. Легкие, светлые волосы. Нежные губы, слишком скорые на обиду. Лицо Джона магическим образом преобразилось, и Дункан понял то, о чем должен был догадаться с самого начала.

Открытие потрясло его, как удар кулаком в темя.

Щеки, на которых не рос даже пушок — и никогда не вырастет. Оробевший взгляд. Узкие плечи, слишком широкие для юноши бедра...

— Боже, — выдохнул он. — Ты женщина. — Неловкость, несоответствие. Как от потуг писать левой рукой.

Она яростно, отчаянно замотала головой, а потом, поняв, что бессмысленно отрицать очевидное, совершенно по-женски расплакалась, уткнувшись лицом ему в грудь.

Если их увидят, если хоть одна живая душа узнает... В его одурманенном мозгу начала вырисовываться картина того, какими будут последствия. Он схватил ее за руку, и его бросило в жар.

— Идем. Живо.

По пути в его комнату им, по счастью, никто не встретился. Они зашли внутрь, и Дункан, захлопнув дверь, отшвырнул девчонку от себя с такой силой, что она отлетела к стене. Он был до смерти перепуган тем, насколько страстно хотел поцеловать ее, нет, поглотить ее полностью — и сейчас, и все это время, все эти долгие недели, пока внутри него росло отвратительное чудовище, желавшее проделать с мальчиком вещи, которые ни один мужчина не вправе желать от другого.

Потому что Джон был не просто другой. Он был другая.

Дункан подтащил ее к себе. Он должен знать наверняка. Должен добыть последнее доказательство. Сведя вместе ее запястья, он зажал их в кулак. До чего легко сломить сопротивление женщины, подумалось ему сквозь пелену ярости. Можно даже не напрягаться.

Она выворачивалась, брыкалась, громким шепотом требовала отпустить ее, но он оставался неумолим. Запустив правую руку в ее шоссы, он пошарил у нее между ног. Пальцы, обжигаясь о голую кожу, запутались в мягких завитках. И нащупали рядом комок ткани.

Зажав улику в кулаке, он поспешил выдернуть руку наружу. Пока соблазн не стал слишком велик.

Пока он не пересек черту.

Он потряс жалкой обманкой у нее перед носом.

— Ты меня одурачила! — Выставила полным болваном. Идиотом. Деревенским дурачком, не умеющим отличить овцу от барана.

Впрочем, не его одного. Она одурачила их всех.

Или не всех?

— Кто о тебе знает? Джеффри, Генри? Говори.

— Только Гэвис, — пробормотала она, опуская глаза в пол.

— Какая еще Гэвис?

Она вскинула голову. Глаза ее сверкнули гневом под стать тому, что кипел внутри него самого.

— Ты спал с нею и не спросил, как ее зовут? — Для мужчин, очевидно, в этом не было ничего зазорного.

— Кто она?

— Девушка, которую ты подложил мне в постель, — с горечью отозвалась она.

Он густо покраснел до самой шеи. Они же... Он же ясно слышал, как они...

— Мы шумели, чтобы ты ничего не заподозрил! — воскликнула она, завидев его растерянность.

Его затопило облегчение.

— Больше никто не знает?

— Никто. И не должен узнать. Пожалуйста, Дункан, помоги мне.

Челюсть его изумленно отвисла, а потом сердито захлопнулась. Вот уж что-что, а помогать этой предательнице он не собирался. Чего он хотел сделать, так это занести кулаки и бить ее смертным боем, пока не иссякнет переполнявшая его злость.

Но он не мог поднять руку на женщину, какой бы подлой и лживой она ни была.

— Помочь? Да чем же? — вырвалось у него. — Чего ты вообще можешь хотеть?

— Того же, чего и ты! Я хочу вольно жить, учиться, ходить по улицам, не опасаясь, что ко мне начнут приставать. Я хочу, чтобы в первую очередь меня слушали, а не оценивали размер моих... титек.

Господи, помоги. Он немедленно уперся взглядом в ее плоскую грудь.

— Представь себе, они там есть, — огрызнулась она. — Просто перевязаны.

— То есть, история про падение с лошади это... — Он не договорил. Вранье. Сплошное вранье. Ловко же она обвела их вокруг пальца.

И несмотря на это, ему нестерпимо, до дрожи хотелось ее обнять — так, что он едва поборол искушение.

— То, что ты сделала... Это противоестественно.

— Я не сделала ничего, о чем нельзя признаться на исповеди, — отрезала она. — В отличие от твоих делишек с овцами.

Смешное и нелепое обвинение, но он был слишком зол, чтобы смеяться.

Овцы никогда его не прельщали.

Она принялась мерить шагами комнату. При других обстоятельствах его позабавила бы эта пародия на его собственную учительскую манеру ходить при разговоре.

— Я хочу получать знания, хочу путешествовать. Что здесь противоестественного? Почему я должна мириться с тем, что все, кому не лень, решают за меня, что можно, а что нельзя, только потому что по воле случая я уродилась женщиной?

— Господь сотворил тебя женщиной не случайно. У тебя свое предназначение.

И оно заключается в том, чтобы лежать подо мной. Ни о чем другом наедине с нею, когда напротив призывно маячила его узкая кровать, он попросту не мог думать.

— Какое, скажи на милость? Быть приманкой для любого прохожего, которому спяну

может взбрести в голову поцеловать меня или сотворить чего похуже?

Краска стыда залила его лицо при воспоминании о том, как они приставали к уличной женщине. Неудивительно, что ее вывернуло наизнанку.

— Я своими руками сверну шею любому, кто посмеет тебя тронуть.

Ее лицо смягчилось.

— Спасибо.

Никогда еще она не выглядела так женственно.

Глотая воздух, он попытался собраться с мыслями и понять, как поступить дальше. Он сам привел сюда Маленького Джона. Ответственность за парнишку — нет, за девчонку — лежала на нем одном. Не только она окажется в опасности, если правда выплывет наружу, но и все, чего он с таким трудом добивался долгих семь лет — уважение коллег, общежитие, его ученая степень.

Расставание будет тяжким, но она должна уехать. Немедленно.

— Ты сказала, что ты сирота. Это тоже ложь?

Она замялась.

— У меня есть сестра. Я, кажется, говорила.

Прекрасно. Будет, кому ее сбегать.

— И тебе не пятнадцать, так?

— Семнадцать.

— Господи, я слышал от тебя хоть слово правды? — Горло мучительно сжалось. Джон, к которому он относился, как к брату. Джон, с которым он делился тем, что не рассказывал никому. Ни родным, ни друзьям, ни, тем более, женщинам.

— Я не лгала о том, что хочу учиться. — Она посмотрела ему в глаза. — И о том, что буду тебе преданным другом — тоже.

Дружба. Ничего не скажешь, занятное словцо для описания их отношений. А ведь он просил Маленького Джона не разбрасываться обещаниями.

— Я верил тебе. Я рассказывал тебе вещи, которые не доверял никому. А ты лгала мне.

— О том, кто я есть, и только.

— По-твоему, этого мало? Да это самое важное в жизни мужчины — то, кто он есть! Не ты ведь у нас не мужчина, верно? Почему тебе было знать.

Настал его черед нервно расхаживать по комнате. Ради всего святого, что могло сподвигнуть ее на подобный шаг? Может, она сумасшедшая?

— Тебя что, дома били? — Вот единственное оправдание ее поступка. Он, не понаслышке знавший, что такое побои, не отдаст ее в руки каким-нибудь извергам.

— Что ты, никогда! — Его предположение шокировало ее. — Но они хотели, чтобы я была, как все нормальные женщины, а я не могу. Не получается у меня, хоть убей.

Этот мучительный опыт был хорошо знаком и ему самому. Он знал, как это тяжело — пытаться сотворить из себя то, кем ты быть не можешь. «Ты когда-нибудь хотел невозможного?» — однажды спросил он Маленького Джона. Похоже, ответом было «да».

Он схватил ее за плечи и затряс, чтобы из ее головы выветрилась вся эта блажь.

— Думаешь, мужчинам неведом страх? Думаешь, нам не надо бояться тех, кто сильнее и больше?

— Но не всех мужчин в целом.

— Ни черта ты не смыслишь. Послушай меня, Джон, или как там тебя кличут на самом деле... Если в тебе есть хоть капля ума, то за время, пока ты жила среди нас, ты должна была

понять, сколь много обязательств лежит на наших плечах.

Закусив губу, она отвернулась, и он еще раз хорошенько встряхнул ее.

— Ты поняла или нет?

Она сердито воззрилась на него и кивнула. Огонь в ее взгляде опалил его, и ладоням, которыми он все еще сжимал ее плечи, тоже стало жарко.

— И чтоб ты знала. Мужчинам нельзя, просто невысказано даже думать о том, чтобы заниматься всяким непотребством друг с другом!

Он отдернул руки и выпрямился. Тошно было смотреть на нее, на себя самого.

— Но ведь ничего не было! — воскликнула она с упрямством Маленького Джона. Он видел — она свято верит в то, что он должен простить ее, как, очевидно, всю жизнь прощали ее родные. Ее не били, о нет. Ее избаловали донельзя. — Все обошлось. Мы... ты... Я же не мальчик, а женщина.

— Обошлось? Думаешь, я забуду, как ты держала меня за идиота? — Он и был идиотом, не заметив у себя под носом девчонку. А когда заметил, чуть было не потерял рассудок от похоти. — И когда ты собиралась прекратить этот цирк?

— Никогда! — выкрикнула она.

Наступила тишина. Он ошеломленно молчал.

А потом она зарыдала, судорожно глотая воздух и всхлипывая так горько, так надрывисто, что у него дрогнуло сердце.

— Я думала... — слова с трудом прорывались сквозь рыдания, — я думала, у меня получится притворяться вечно.

Да, из-за нее его мир полетел вверх тормашками. Но, покуда он скрывает свою боль, внешне его жизнь никак не изменится. Она будет развиваться в привычном ключе, какие бы страсти не кипели у него внутри. А вот жизнь этой девочки — если ее тайна выплывет наружу — окажется неминуемо разбита. Все, что было дорого Маленькому Джону, все его надежды и чаяния — все пойдет прахом.

Он шагнул к ней и, когда она испуганно отпрянула, замер на месте. Ясно. Теперь она боится его — несмотря на то, что столько времени прожила с ним в тесном соседстве. Впрочем, жила она под видом Джона, а тому опасаться было нечего.

— Я не обижу тебя. — Неужели есть нужда это проговаривать?

— Обидишь и сам не заметишь.

Ее омытые слезами глаза не отпускали его, побеждая его без слов, без прикосновений. Он непроизвольно заслонился от нее ладонью, но продолжал чувствовать на себе ее взгляд.

И мало-помалу он сдался. Под тяжестью необратимой правды его эмоции улеглись. Гнев отпустил.

Гнев. Но не похоть.

Жестом он пригласил ее сесть на кровать, ибо ничего другого в его комнате не было. Она присела на краешек, подвернув под себя ногу, а он на безопасной дистанции расположился напротив.

Довольно долго они молчали. Смотрели друг на друга.

Узнав, что она женщина, Дункан уже не мог воспринимать ее иначе. Светлые кудри — о, как она станет прекрасна, если отпустит волосы, — мягко вились вокруг ее лица. Голубые глаза были большими, ранимыми. Подбородок — квадратным, но по-девичьи аккуратным. Губы — не полными, но такими манящими. Он будто прозрел. Ее принадлежность к женскому полу стала для него очевидна.

Он перебирал в памяти мелочи, которые раньше ускользали от его внимания. Опрятность ее почерка. Изящество, с которым она подавала тарелки на стол. Тысячи примет предстали перед ним в новом свете.

Джон оказался девушкой, и Дункан не знал, как с нею обращаться.

Буря в его душе на время утихла, но чресла наотрез отказались прислушаться к голосу разума. Ее груди влекли к себе, так и подмывало задрать ей тунику. Она сидела, отставив колено, и поза ее будила воспоминания о том, где недавно побывали его пальцы, еще немного — и они проскользнули бы внутрь...

Еле сдержав стон, он прикрыл веки и попытался обрести над собою контроль. Все же он взрослый человек со степенью магистра искусств, а не похотливое животное.

— Расскажи, почему ты сбежала из дома.

— Моя сестра рожала, а я не могла... а они... — Ей не хватило дыхания.

Он терпеливо ждал. Она молчала, не поднимая глаз. Потом начала заново:

— Меня хотели выдать замуж. За совершенно незнакомого человека. Я его ни разу в жизни не видела. Я должна была делить с ним ложе, прислуживать его...

Сердце его сжалось, но он преодолел слабость и заставил себя сказать:

— Возвращайся домой и выходи за него.

От взгляда, который она на него бросила, любой деревенский дурачок забился бы под лавку.

— Об этом браке можно забыть.

Она была права. Никто не возьмет в жены девушку, которая жила в мужском общежитии. Все — ее жених, ее родные — сделают вывод, что она ходила по рукам, как обычная шлюха. Ее, безусловно, начнут сторониться, а то и вовсе прогонят из дома.

— Но замуж ты все же хочешь? — уточнил он, вспомнив, как часто она заводила речь о браке.

Вид у нее сделался как у наставника, раздраженного непонятливостью тугодума-ученика.

— Ни за что и никогда. Ни один муж не разрешит мне жить такой жизнью. — Она обвела руками пространство вокруг себя, подразумевая этим жестом все, что окружало ее в эти месяцы — общежитие, университет, риторику, грамматику, даже латынь.

Хлопнула входная дверь — студенты начали возвращаться с утренних лекций. Остаться дальше наедине стало опасно.

И внезапно возможные последствия ее маскарада — для нее, для них обоих — стали для него очевидны. Он привел ее сюда. Взял под свое крыло. Если студенты узнают, что она женщина, то никто — даже Генри и Джеффри — не поверит в то, что он был в неведении. Его карьера будет разрушена. Ее же судьба могла сложиться еще печальнее.

— Ты понимаешь, что будет, если они узнают о твоём обмане?

— Они вышвырнут меня вон.

— В лучшем случае.

Она побледнела.

— Думаешь, меня могут...

— Я-то тебя не трону, девочка. Но не все такие, как я.

Озлобленные, ослепленные похотью студенты способны учинить над ней самую жестокую расправу, когда узнают о ее вероломстве. Особенно если они вообразят, что все это время она принадлежала Дункану, а ныне стала доступна для всех.

Только его сильные руки способны остановить их.

— Тогда будет лучше, если для них я останусь Джоном.

Она прикусила довольную улыбку, и он понял, что и впрямь был тугодумом. Эта девица вознамерилась остаться.

Колокола прозвонили полдень. Нужно было что-то решать. Скоро кто-нибудь постучится в дверь с просьбой докупить пергамента или выдать дров для растопки. Да и Пикеринг, с которым они условились о встрече, вероятно, заждался его.

— Пока все останется как есть. — Абсолютно логичное и естественное решение. И оно никак не связано с нежеланием разлучаться с нею. — Но только временно. Пока я не разберусь с тем, как быть дальше.

Она потянулась вперед, чтобы поцеловать его руку, но он, страшась любого контакта с нею, отдернул ладонь.

— Пойми, у тебя не получится дурачить их вечно.

— Я буду более осторожна.

Он вздохнул. Не все люди настолько слепы, каким был он сам. Ее разоблачение — вопрос времени.

— Веди себя, как раньше. Занимайся уроками. И держись поближе ко мне.

И когда она улыбнулась, он с пугающей ясностью осознал, насколько они стали близки. Дункан и Джон. Джон и Дункан. Как братья. Больше, чем братья...

Он неуклюже потрепал ее по плечу. На ее ресницах заблестели, угрожая пролиться, слезы. Ослабев под его ладонью, она порывисто обняла его, и он инстинктивно прижал ее к себе, открыв в своем сердце то, что подспудно чувствовал все это время. Она женщина. И он будет защищать ее до конца.

Разомкнув объятия, он с осторожностью отодвинул ее от себя и приподнял ее лицо за подбородок, чуть было не утонув в ее глазах.

— И как же мне теперь называть тебя?

Дрожащая улыбка.

— Джейн. Меня зовут Джейн.

Но он не мог называть ее так. Просто не мог. У Маленького Джона больше не было имени.

Глава 11

— Слава богу, она жива, — сказала Солей. Попугай в клетке заскрежетал, передразнивая ее.

Улыбаясь, Джастин смотрел, как жена укачивает их маленького сына, который попискивал, но не выпускал из ротика ее грудь. Худшее осталось позади, но поскольку Солей была еще очень слаба, доктора настояли на том, чтобы она провела в постели еще какое-то время.

— Была жива в прошлом месяце.

Записка, которую они получили вчера, была первой весточкой от нее за два с лишним месяца. Юноша, доставивший записку, сообщил, что видел Джейн на день святого Дионисия, то есть несколько недель назад. Было неясно, почему он прибыл с таким опозданием, и все же хорошая новость приободрила их и несколько ослабила чувство вины, которое мучило Джастина.

— Зря я пытался найти ей мужа.

— Ты бы никогда не выдал ее замуж насильно. — Жена дотронулась до его руки. — Ты же говорил Джейн, что последнее слово останется за ней.

Но Джейн решила не дожидаться встречи с женихом. Когда торговец, предназначенный ей в мужья, приехал и обнаружил пропажу невесты, он сперва возмутился, но, получив сытное угощение и бочку хорошего вина за беспокойство, отбыл восвояси.

Солей забрала у младенца грудь, и маленький Уильям протестующе завопил. Его приложили к другой груди, и он умолк, довольно зачмокав.

У Джастина защемило сердце. Он едва не потерял их обоих. Солей и его сына.

— Мне казалось, она знала, что я буду заботиться о ней в любом случае — даже если она не выйдет замуж.

— Джейн привыкла не доверять мужчинам, — вздохнула Солей.

И немудрено. Ни король, которого она считала своим отцом, ни ее настоящий отец о ней не заботились.

— Наверное, стоило рассказать Джейн правду, — проговорил он. — Твоя мать полагала, что королевская кровь будет для вас даром, точно так же, как вы с Джейн были подарком покойному королю. Но сейчас это уже не имеет значения.

— Это не наша тайна. Рассказывать ей или нет, должна решить мама.

Они надолго замолчали. Наконец, Солей вздохнула, возвращаясь к прерванному разговору.

— Значит, в прошлом месяце Джейн была в Кембридже проездом к какой-то святыне. В ее натальной карте действительно есть путешествие, но мне непонятна одна вещь. — Узнав, что Джейн пропала, Солей достала свои астрологические таблицы и принялась искать в гороскопе сестры какую-нибудь зацепку. — В это время года не принято совершать паломничество, разве не так? Прочти мне записку еще раз.

Джастин по памяти пересказал ее содержание.

Простите меня. Надеюсь, что Солей и ребенок здоровы. Я молюсь за них каждый день. Я счастлива. Не ищите меня. *Familiam euro.*

Покачивая младенца, Солей задумчиво наморщила лоб.

— Юноша точно больше ничего не добавил? — спросила она в который раз.

— Он открывал рот только затем, чтобы попросить поесть, — попытался пошутить Джастин.

Юноша рассказал им крайне мало. Кто-то передал ему записку. Нет, не светловолосая девушка. Он забыл, кто именно. И когда, тоже не помнит. Вроде, кто-то из паломников. Нет, он понятия не имеет, куда эти паломники держали путь.

— Ближе всего оттуда собор в Норвиче. С другой стороны, она могла направляться и в Дарем. Ты же сказал ему, что она могла быть одета в мужское платье?

Он кивнул.

— Она просит не искать ее. Думаю, своей запиской она просто хотела сообщить нам, что жива и здорова.

— Не только, — проговорила она, расправляя мягкие темные волосики малыша. — Она хотела удостовериться, что и с нами все хорошо. Она хотела узнать о ребенке.

Джастин кивнул, припоминая, как настойчиво парнишка интересовался Солей и Уильямом. Кусочки мозаики внезапно сошлись в одно целое.

— Значит, он отвезет ей новости.

Солей выпрямилась, нечаянно потревожив младенца, и тот снова захныкал.

— Значит, ему известно, где она.

— Или как с нею связаться.

Младенец, насытившись, выпустил грудь. Веки Солей смежились.

— Поезжай за этим юношей. — Голос ее звучал устало. — Пускай он покажет тебе, кто и где передал ему записку.

Джастин не стал возражать, чтобы лишний раз ее не тревожить. Он и сам собирался поехать за пареньком в любое место, откуда бы он ни прибыл, но тот сбежал до рассвета и исчез.

Familiam eius — стояло в конце записки. О семье пекишь. Дома Джейн не доводилось читать Катона.

Ее не нашли ни в Оксфорде, ни в Лондоне. Может быть, в захолустном Кембридже она была не проездом? Он взглянул на Солей. Жена и сын дремали, соприкасаясь темноволосыми головами. Нет. Он не поедет в Кембридж. Солей слишком слаба, рано оставлять ее одну. Но он снарядит кого-нибудь вместо себя. Вдруг получится что-то выяснить.

* * *

Несколько дней спустя Дункан, погруженный в свои мысли, открывал, как обычно, церковную дверь. Какими вопросами он задавался, пока монахи и студенты проходили мимо него в храм? О том, как Джейн умудрилась его одурачить? Или о том, как долго ему предстоит ее прятать? Где ее семья, в какое безопасное место ее пристроить?

Нет. Его одолевали совсем другие вопросы.

Что будет, если он поцелует ее.

Нет.

Если он овладеет ею.

Началась служба. Джейн стояла через пару рядов от него, немного правее, и ему был виден ее профиль. Он смотрел, как шевелятся ее губы, повторяя молитву. Что до него самого,

то ни одно слово из мессы не дошло до его сознания. Он думал о ее губах. Представлял, как они раскрываются под напором его поцелуя — тонкие, сладкие, сладострастные. Дразнящие, как ее речи. Попеременно то смелые, то застенчивые.

А покуда он будет целовать ее, его руки примутся исследовать то, что прячется под ее туникой. Она была худошавая, угловатая, но он знал: ее тело окажется нежным и женственным. Знал, потому что однажды нес ее на руках, смутно чувствуя, что центр тяжести расположен у нее в ином, чем у мальчиков, месте. Теперь ему казалось, что шоссы ничуть не скрывают мягких изгибов ее бедер.

Утром похолодало, и она набросила плащ, который полностью скрыл ее фигуру. Неважно. Он и без того хорошо помнил то ощущение, когда в него упруго толкнулись ее груди, спрятанные за слоями ткани. Интересно, какие они?

Маленькие и дерзкие, с нежно-розовыми сосками, как в его мечтах?

В мечтах он снимал с нее перевязь, и его начинала колотить дрожь, когда он представлял, что испытает, впервые увидев ее груди. Они идеально лягут в его ладони. Станут идеальным лакомством для его рта. Он будет смаковать ее соски, медленно, неспешно, он заставит ее стонать под ним, задышаться от страсти.

А потом он раздвинет ее ноги...

Видение было таким неистовым, что он содрогнулся. Но не от гнева, нет — он никогда не обидит ее, — а оттого, насколько яростным становилось влечение, когда он, еле сдерживая себя, смотрел на нее и представлял обнаженной.

Впервые он хотел женщину так сильно.

Он со стыдом вспомнил свои самонадеянные нравоучения. Утоляй свою похоть. Держи свои чувства в узде.

Но ту единственную женщину, которая была способна утолить его страсть, он получить не мог.

* * *

Остаток дня Дункан провел в парламенте. Сессия близилась к концу, но о голосовании по его вопросу так и не было объявлено.

Часы тянулись медленно. Расставшись с Джейн еще утром, он весь день ощущал ее незримое присутствие. Неожиданно для себя он понял, что непрестанно думал о ней даже в те времена, когда считал ее Маленьким Джоном. Разлучаясь с мальчиком, он всякий раз испытывал необъяснимое щемящее чувство. То и дело вспоминал о нем, волновался, все ли у него в порядке, переживал, справляется ли он с уроками. И с нетерпением ждал вечера, чтобы позаниматься с ним наедине.

Теперь вечерние уроки превратились для него в пытку. Но Дункан не осмеливался их отменить. Обитатели общежития привыкли к тому, что Маленький Джон и его наставник неразлучны, и любая перемена в заведенном порядке могла вызвать ненужные подозрения.

Он уже не мог смотреть на нее и не видеть в ней Джейн. Не мог свободно, как раньше, потрепать ее по плечу, взлохматить волосы, шутливо приобнять без навязчивых мыслей о том, как близко находятся ее груди, ее губы, заветное местечко меж ее ног...

Решительно прервав себя, он отправился искать Пикеринга, а после, обсудив с ним дела, вернулся в общежитие, чтобы вновь увидеть ее и вновь бояться, как бы ненароком не выдать

Этим вечером Джейн отсела от него подальше, изо всех сил делая вид, что ничего не изменилось. В комнате они были одни, и она принялась декламировать вслух. Тепло очага приятно ласкало ее спину в прохладе осеннего вечера.

Теперь, когда Дункан знал правду, она никак не могла отделаться от ощущения, что ее голос звучит слишком высоко, слишком по-женски. Его взгляд отвлекал ее, он будто прожигал насквозь, трогая ее под одеждой. Речь ее стала сбивчивой. Дункану приходилось постоянно поправлять ее произношение, но она, глядя в ранних сумерках на его губы, не слышала слов, предаваясь мечтам о его поцелуях.

Он укоризненно покачал головой.

— Тебе надо стараться лучше, если хочешь выдержать экзамен перед королем.

— Наверное, я перезанималась, — отговорила она, хотя это он мешал ей сосредоточиться на латыни. — Лучше потренируй меня в диспуте.

Она встала и расправила плечи, гордая тем, что сама, по собственной инициативе отважилась выйти за пределы скучной зубрежки.

— Наставник может спросить меня: верно ли утверждение, что всякий человек по необходимости суть животное? Сначала я приведу аргументы в поддержку этого утверждения. Аристотель в сочинении *Posterior Analytics*...

Дункан уставился на нее таким взглядом, словно на ее плечах выросла вторая голова.

— Тебе нельзя рассуждать на такие темы.

— Это почему же?

Он опасливо оглянулся на дверь.

— Потому что ты женщина.

В ушах у нее зашумело. Начинался настоящий диспут. Вопрос: может ли женщина считаться равной мужчине, если мужчина не знает о том, что она женщина? Нужен конструктивный аргумент.

— На прошлой неделе, когда мы говорили о философии, тебя это не смущало.

— Тогда я этого не знал!

— Посмотри на меня. — В отчаянном порыве достучаться до него она схватила его за руку. — В твоих аргументах нет логики.

— Теперь все изменилось.

Она знала, что так будет. Да, она настаивала на том, чтобы все оставалось как есть, но к чему обманывать себя? Конечно, все изменилось.

Она отпустила его руку. Но не отвела глаз.

И мысли в ее голове сложились в два слова — *amas* и *amat*.

Вздыхнув, Джейн отодвинулась.

— Если ты не намерен менять свою точку зрения, может, мне найти себе нового наставника? — Что ей мешает, собственно? Ее латынь стала значительно лучше. Кроме того, вдали от его осуждающих глаз ей будет много покойнее.

Он рывком вскинул голову.

— Ну уж нет!

— Почему? Ученик волен выбирать учителя по своему усмотрению.

— И что будет, когда твоему новому учителю станет известно то, что узнал я?

Несмотря на жар очага ее затрясло словно на морозе, и она, сжав кулаки, прошептала:

— Все будет очень плохо.

— Нам нельзя здесь разговаривать, — произнес он. Его тихий голос дрожал. — В любой момент сюда могут войти.

Он встал. Не оглядываясь, вышел, и она неохотно последовала за ним. Когда они зашли в его комнату, он захлопнул дверь и сердито уставился на нее.

Он, не переставая, сердился на нее с того самого дня, когда узнал ее тайну, словно никак не мог простить за то, что его выставили доверчивым дураком. И его сложно было за это винить. Она тоже почувствовала бы себя обманутой, если бы после откровенных разговоров с Гэвис выяснилось, что под ее женским платьем прячется мужской *botellus*.

Они не стали садиться на кровать, чтобы лишний раз не подвергать себя искушению.

— Дункан, прошу тебя. — Логика и спокойствие. Вот ее главное оружие. Но когда она вновь заговорила, то не смогла сдержать панику в голосе: — Не заставляй меня быть одной из них. Я попросту не умею.

— У тебя была мать. Наверняка она чему-то тебя учила.

— О, да. — Например тому, что у женщины, какой бы она ни была, в жизни есть единственное предназначение: выйти замуж. Сама по себе женщина никто. Ее господин — мужчина. И он волен распоряжаться ею, как вздумается. — Только ее уроки мне не нравились.

Он долго молчал. Потом медленно произнес:

— Думаю, пора тебе рассказать о своей семье. — И, прислонившись к стене у окна, в ожидании скрестил на груди руки.

Она вздохнула. Никуда не денешься, придется что-нибудь рассказать ему. Но, конечно, не все.

— Муж моей матери умер.

Это была правда. Уильям де Вестон действительно был женат на ее матери и действительно умер, однако на грани нищеты они оказались из-за смерти другого человека — ее настоящего отца, короля Эдуарда III.

— Мы жили в маленьком доме в деревне, — продолжала она, следя за его глазами и подбирая слова так, чтобы не возникло лишних вопросов. Пусть думает, что ее отец был купцом или мелким рыцарем. Сыновья знати редко учились в университете. — Меня воспитывали не особенно строго, и потому реверансам и прочим женским штучкам я оказалась не обучена.

— У нас дома они тоже без надобности, — невольно улыбнулся он, но глаза его по-прежнему горели сердитым огнем.

Что за женщина его мать?

— Когда моя сестра вышла замуж, нас... то есть, меня поселили во владениях родни ее мужа.

— Как бедную родственницу, значит. — Он понимающе кивнул. По-прежнему полагая, что ее мать умерла, он, слава богу, не заметил, как она оговорилась. — А что твоя сестра? Она-то не против быть женщиной?

— О, нет. В этом она как раз преуспела. — Прекрасная Солей, которая всем своим существом излучала женственность, которая привлекала мужское внимание, где бы ни

находилась, была вполне довольна своей принадлежностью к слабому полу и умела пользоваться его преимуществами. — Но я так жить не хочу.

— Что значит не хочешь? — Глаза его безжалостно сверкнули. — По-твоему, нам позволено выбирать судьбу на свое усмотрение, как овощи на рынке? Правила в этом мире устанавливает Господь, а не люди, и если он поместил твою душу в женское тело, значит у него были на то свои причины, нравится тебе это или нет.

Она вспыхнула.

— Тогда в проигрыше оказались мы оба. Ничему из того, что положено знать женщине, я не смогла научиться, как ни старалась. Я не умею ни шить, ни танцевать, ни заботиться о людях. — В ее представлении это были основные женские занятия. Она перевела дух и снова бросилась в атаку, спеша высказаться, куда он не перебил ее. — И да, я все еще дышу, но с каждым вздохом понимаю, что хочу от жизни другого. Чего-то большего. Чего-то настоящего.

Разволновавшись, она повысила голос. Дункан, напротив, казалось, остыл. Протянув руку, он ласково коснулся ее щеки — еще недавно он потрепал бы ее по макушке или шутливо ткнул кулаком в плечо, — и в глазах его тоже была ласка.

— Чего же ты хочешь, Маленькая Джейн? К чему ты так упорно стремишься?

Она открыла рот, но не сразу нашлась с ответом. Раньше она мечтала служить королю, путешествовать по миру, но с недавних пор ее преследовали совсем другие мечты.

— К свободе, — молвила она наконец.

— Но ты и так свободна! Ты благородного происхождения. Семья твоя не из простых. Даже для меня это очевидно.

— Послушать тебя, так я свободна только потому, что не серв. Но что такое женская доля? Сплошные заботы, обязанности да предписания — и ничегошеньки больше. Я хочу настоящей свободы, той, которая есть у мужчин!

Он посмотрел на нее с щемящей нежностью.

— Глупышка моя, ты столько времени провела среди нас, но так и не поняла, сколь тяжело бремя ответственности, которое лежит на мужских плечах.

— Это совсем другое, — ответила она запальчиво, но уже менее уверенно. — Посуди сам, ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было. — Удивительно, но это была правда. — Однако стоило тебе узнать, что я женщина, как ты мигом расхотел говорить со мной на философские темы. Ты думаешь, будто все изменилось.

— Но все действительно изменилось, и в первую очередь ты!

Джейн сделала глубокий вдох. Чем сильнее она волнуется, тем заметнее выпячиваются ее женские черты. Взяв себя в руки, она заговорила с рассудительностью Маленького Джона:

— Изменилось только одно. То, как ты воспринимаешь меня у себя в голове. Скажи, ты помнишь нашу первую встречу?

Оба они улыбнулись, вспоминая, как встретились на обочине дороги, и в его улыбке она разглядела некоторое сожаление. Он ни за что не предложил бы подвезти ее, если бы знал, кто она на самом деле.

— Помню. Особенно, как ты шлепнулась на зад от испуга.

— А мне запомнилось, как ты разозлился, когда я посчитала тебя деревенщиной.

— Еще бы не злиться. Нельзя судить о человеке по тому, откуда он родом.

— Но ты сейчас делаешь то же самое. Ты забыл все, что знал о Маленьком Джоне, и

судишь обо мне по своим предрассудкам о женщинах, таким же обидным и несправедливым, как мое первое впечатление о тебе.

Он криво усмехнулся и блеснул глазами, признавая, что в этом споре она его обошла.

— Надо отдать тебе должное — мозгов у тебя поболее, чем у многих.

Она улыбнулась.

— Значит, мне можно дискутировать на философские темы?

— Если признаешь, что мужчинам тоже нелегко живется, — вздохнул он.

Она наморщила нос.

— Вольнее, чем женщинам!

— В чем-то, да не во всем.

Она во все глаза смотрела на его серьезное, улыбающееся лицо. Связанный незримыми путами долга, Дункан, несомненно, был не более свободен, чем она сама. Жизнь навязала ему множество обязательств — от будущего общежития до необходимости склонить на свою сторону парламент и вызволить отца, — и он взвалил их на себя, как и положено настоящему мужчине, даже не помышляя о том, что от каких-то из них можно отказаться.

Но то был его собственный выбор. Никто извне его не принуждал.

— Ладно. Принято, — прошептала она.

Он пожал ее протянутую руку. Его пальцы крепко сошлись вокруг ее маленькой ладони, и она ощутила, что он стал близок ей совершенно по-новому. Только женщина была способна испытать это новое для нее чувство.

Оно отразилось в его глазах, и ее рука дрогнула.

А потом он наклонился и мягко прильнул к ее губам. Она тут же зарылась пальцами в его волнистые волосы, цепляясь за него, стремясь прижаться как можно ближе, и он, заключив ее в лицо в ладони, нежно проник в ее рот языком, пробуждая внутри нее дикое, неукротимое желание. О, как же далеко выходило оно за пределы той дружбы, о которой когда-то грезил Маленький Джон.

Он прервал поцелуй, но его взгляд остался прикован к ее глазам.

— Мы не должны, — прошептала она. Напрасное, безнадежное напоминание. — Нам нельзя.

— Я знаю. — Однако он не мог унять свои руки, которые по-прежнему гладили ее волосы, и желание никуда не ушло из его глаз.

Она попятилась назад, устанавливая между ними дистанцию.

— Что, если нас увидят?

Он вжался спиной в стену, будто стена могла помочь ему устоять перед ней, и кивнул в сторону двери.

— Тогда кыш отсюда.

На пороге она задержалась, чтобы успокоить дыхание. Кровь пульсировала у нее в венах, груди томились под перевязью, требуя выпустить их на свободу.

— До завтра, — выдохнула она и обернулась, ища в его глазах отклик.

— Доброй ночи.

Она убрала щеколду, отворила дверь и выбежала наружу, опасаясь, что если задержится еще хоть на миг, то не сможет побороть наваждение.

Оказывается, быть женщиной значит нечто большее, чем она думала. Те волшебные чувства, которые возникли между нею и Дунканом, связали их новым, совершенно особенным образом. Но она не знала, как пойти по этому пути дальше и не потерять все.

На следующее утро Джейн предстояло встретиться с Гэвис. Она не хотела, чтобы Дункан узнал о ее попытках связаться с семьей, и потому улизила из общежития тайком.

Встретившись у овощных рядов, девушки принялись перешептываться, делая вид, что обсуждают разложенные на прилавке яблоки.

— Мой брат вернулся, — сказала Гэвис. — Твоя сестра разродилась от бремени, но и она, и ребенок очень слабы.

Новость лишней раз напомнила Джейн о том, как она пренебрегла своим долгом. Она хотела спросить, как отнеслась к ее побегу мать, но побоялась.

— Что значит «слабы»? — Она встряхнула подругу за руку. — Просто нездоровы или лежат при смерти?

— Не знаю.

— Неужели он не спросил? — Вдруг Солей серьезно больна, а малышу не суждено выжить? — Я хочу поговорить с ним.

Торговец подозрительно на них покосился, и они отошли в сторону.

— Нет, — остудила ее Гэвис. — Ты сама установила правила. Нечего вам встречаться. Он еще слишком молод и не умеет хранить секреты. — Она сделала паузу. — Нет, если ты решила вернуться домой, то...

Джейн покачала головой.

— Он видел ее и ребенка?

— Только слышал разговоры. Насколько он понял, после родов ей было худо, началась горячка или вроде того. Да и младенец родился совсем крошечным. Все это время твоя сестра не вставала с постели. Сейчас она, кажется, пошла на поправку, а ребенок начал набирать вес.

Чувство вины сдавило грудь. Два месяца в постели. А ее не было рядом, чтобы помочь.

— Это мальчик или девочка?

— Мальчик.

Значит, сможет сам вершить свою судьбу.

— Как его назвали?

— Уильямом.

Странно, что не Эдуардом в честь деда.

— Он сказал, они по тебе скучают.

Веки обожгло непрошеными слезами. Она тоже истосковалась по ним. Невыносимо, много сильнее, чем полагала.

— Они напрашивались приехать сюда вместе с ним, так что пришлось ему уносить ноги, куда все спали. Он клянется, что не сболтнул ничего лишнего, но ты все-таки будь настороже. Вдруг они объявятся.

— Неважно. Они меня не найдут. — Разве она не в безопасности, пока живет под видом мальчика?

Гэвис придирчиво оглядела ее.

— Какая-то ты сама не своя. Что стряслось?

— Дункан меня раскрыл.

Гэвис побледнела.

— Он один знает? Больше никто?

— Никто.

— Ты уверена?

Ох, она уже ни в чем не была уверена. После того, как Дункан разглядел в ней женщину, она и себе стала казаться более женственной. Если хотя бы на миг перестать следить за собой, за своей походкой и речью, кто-нибудь еще увидит то, что увидел он.

— Пока да.

— Лучше уезжай от греха подальше. Если остальные узнают... Жди беды.

— Не узнают. Мы будем осторожны. — Скорее заклинание, чем констатация факта.

Гэвис скептически выгнула брови.

— Дай-то бог. Не хотела бы я оказаться на твоём месте, одна-одинешенька в доме, где полно мужиков.

— Дункан не даст меня в обиду.

На днях он не позволил повару выпороть мальчишку-помощника, когда тот случайно опрокинул в очаг горшок с ужином.

— Ты настолько ему доверяешь?

Она клялась ему в братской верности, а вместо этого только добавила хлопот, обременив заботой о своей безопасности.

— Да.

Гэвис изучала ее задумчивым взглядом.

— Брат сказал, у тебя прекрасный дом. И семья твоя хочет, чтобы ты вернулась. За новости о тебе его щедро отблагодарили.

Она сморгнула слезы. Странно и радостно было наконец осознать, насколько безоговорочно любили ее родные, прощая ее своенравное поведение. Конечно, они пытались повлиять на нее, но без особого рвения. По большому счету она жила как хотела, даже не пытаясь измениться, покуда не превратилась в жалкую неудачницу. Увы, но она слишком припозднилась с этим открытием.

Ее накрыла свежая волна стыда. Своим побегом она подвела не только сестру, но и поставила в неловкое положение Джастина. А ведь он желал ей только добра. С запоздалым раскаянием она вспомнила, что Солей обещала не отдавать ее замуж против воли. Вспомнила и заверения Джастина о том, что жене торговца дозволено больше свобод по сравнению с женами знати. Как теперь смотреть им в глаза?

— Им лучше забыть меня.

— Но почему? — с завистью воскликнула Гэвис. — Ты можешь вернуться и зажить по-прежнему.

— Могу, но не хочу. — Что ей останется, когда радость от воссоединения, омывшись слезами, пройдет? Сидеть с матерью и ходить за лошадьми, как раньше. Повидав большой мир, она не вынесет заключения в четырех стенах.

— Но у тебя есть выбор! — Подруга искренне удивлялась ее упрямству, и Джейн опять стало стыдно.

Будь у Гэвис возможность вести жизнь, которую Джейн отринула, она бы ежедневно возносила Господу благодарность. Какие они все-таки разные. При других обстоятельствах у них не было бы ни единого шанса встретиться.

— И я сделала этот выбор. Я остаюсь здесь.

— Неужто тебе не хочется замуж?

Гэвис завидовала ее жизни, но не знала ее оборотной стороны.

— Гэвис, я жила в мужском общежитии. Такую девушку никто не возьмет в жены. Я порченный товар, — горько усмехнулась она. Нелегко ей досталась эта выстраданная мудрость.

Впрочем, только такие жестокие слова и были понятны Гэвис.

Как странно. Отныне дорога под венец для нее заказана. Однако вместо долгожданного облегчения она ощутила в душе странную пустоту, словно перед нею завис вопрос, на который не существовало ответа.

Чего же ты хочешь, Маленькая Джейн?

Она привыкла бежать от себя, в то время как на самом деле бежала к себе. Жизнь мужчин всегда представлялась ей легкой, необременительной. Иди, куда хочешь. Делай, что хочешь. Указывай другим, как поступать. Женщинам все это было недоступно.

Но в реальности все оказалось много сложнее, чем в ее фантазиях. Готова ли она прятаться среди мужчин до конца жизни? Готова ли она к лишениям и одиночеству выбранного пути?

Если с нею будет Дункан — да.

* * *

Получив от Пикеринга разрешение присутствовать на последней сессии парламента, Дункан стоял на задворках гулкового зала заседаний и слушал дебаты.

Суть их с Пикерингом предложения заключалась в необходимости введения небольшого налога, доход от которого пойдет на защиту страны, в том числе и на границе с Шотландией. Он просмотрел аккуратно переписанный Джейн список имен. Если его расчеты верны, законопроект примут с небольшим перевесом голосов.

Одни из выступавших сердито заявляли, что платить за оборону границ на севере обязаны сами северяне. Другие были не в настроении вводить новые налоги. Ведь как оно вышло в прошлый раз? Немалые деньги были субсидированы на вторжение во Францию, а окончилось все ничем.

Последним держал речь Пикеринг:

— Некоторые из вас полагают, что защита границ — обязанность местных жителей. Так оно и было до сих пор. Ради вашей безопасности мы пожертвовали всем — нашими домами, скотом, посевами, даже нашими жизнями, и теперь нам нужна ваша помощь. Защищая вас, мы отдали все, что имели. Мы просим протянуть нам руку помощи, дабы мы могли защищать вас и дальше.

На этом дебаты завершились, и началось голосование.

Законопроект о налоге прошел. О выкупе предстояло голосовать отдельно.

Неожиданно в зал ворвался король и направился к трибуне, всем своим видом излучая энергию и решимость. Таким Дункан видел его впервые. Король нечасто вмешивался в парламентские прения. Если он выступит в поддержку выплаты выкупа за пленных, то привлечет на свою сторону достаточное количество голосов.

Когда король с воодушевлением заговорил о храбрецах, томящихся в плену, Дункан невольно заулыбался. А потом он понял, что король говорит не о всех защитниках границы, а лишь об одном — о Генри Перси, том самом Генри Перси, который проиграл битву при

Оттерберне, — и его улыбка померкла.

Страстная речь короля завершилась обещанием пожертвовать на выкуп лорда Перси тысячу фунтов из его собственных денег при условии, что оставшиеся две тысячи внесет парламент.

И парламент проголосовал «за».

Дункан не верил своим ушам. Покачнувшись на нетвердых ногах, он прислонился к холодному камню колонны. А потом пришел в бешенство, и злость его была такой силы, что только благодаря Пикерингу, которому кое-как удалось увести его из зала заседания, он не бросился на короля и не задушил его голыми руками.

Совершенно опустошенные, они побрели в пивную. Прежде чем Дункан нашел в себе силы снова заговорить, ему пришлось осушить не одну кружку с элем.

— Три тысячи фунтов, — наконец произнес он, не поднимая глаз от стола.

— За одного человека, — эхом отозвался Пикеринг.

Огромная сумма. И ноль для остальных, менее важных людей вроде его отца.

Эль не смягчил боль в его горле.

— Этих денег хватит на то, чтобы захвативший его лэрд отгрохал себе новый замок, а Перси тем временем будет праздновать Пасху в кругу семьи.

На те гроши, которые он и его семья соберут для отца, нельзя будет построить даже жалкой лачуги.

В отчаянии Дункан хлопнул ладонью по грубо сколоченному деревянному столу.

— Мы можем хотя бы справиться у них, как он?

— Вряд ли с ним плохо обращаются, — напомнил ему Пикеринг. Пленение врага ради выкупа было куда более выгодным занятием, нежели война. Можно захватить какого-нибудь богача, отвезти его домой и ждать себе, травя байки у очага, пока привезут денежки. Сегодня захватчиком выступаешь ты, а завтра могут захватить тебя. — Он нужен им живым, иначе они не получат денег.

— Если бы они знали, насколько мы бедны, то не стали бы с ним церемониться. Да он проест больше денег, чем они в итоге получают.

Его отец не будет сидеть и ждать, пока его выкупят. Покуда он дышит, он будет искать способ, как бежать из плена, но если при побеге его поймают, то наверняка убьют.

Что ж, король Ричард все испортил своим вмешательством, значит ему и исправлять.

— Когда двор покидает Кембридж?

— Послезавтра. Или чуть позже.

— Но не раньше, чем король примет экзамен по латыни.

* * *

Коридоры сложенного из серого камня аббатства, где Дункан провел столько времени, опустели. Многие члены парламента отбыли по домам, едва прозвучало последнее «да». Скарб королевского двора было упаковать не так-то быстро, и поэтому король задержался еще на один день.

Джейн — с бледным от волнения лицом, но полная решимости — жалась к его плечу. Он уповал на то, что ее женственность не слишком бросается в глаза. Визит к королю был слишком важным событием, чтобы замаскировать нежные черты ее лица, испачкав его

грязью.

— Ты запомнила, что я сказал?

Она кивнула.

— Я выступлю, а потом буду помалкивать.

Приводить ее сюда было рискованно, но ее экзамен был поводом для встречи с королем, к тому же она поклялась вести себя хорошо. Она давно об этом мечтала, а значит постарается проявить себя с лучшей стороны в надежде когда-нибудь получить при дворе достойное место.

Опасаясь отказа, Дункан решил не просить об аудиенции. Он посчитал, что в суматохе сборов на них никто не обратит внимание, и не ошибся. В своем черном одеянии и подбитом мехом капюшоне он шагал по коридорам аббатства с таким уверенным видом, словно ему было назначено, и никто их не остановил.

Джейн, едва поспевая за его размашистым шагом, держалась рядом.

Они беспрепятственно дошли до покоев, где в окружении свиты и слуг, пакующих сундуки, стоял с несколько хмурым выражением на лице король.

Дункан откашлялся и обуздал свою злость. Незачем сейчас портить королю настроение.

— Ваше величество?

Ричард обернулся. Когда он узнал Дункана, в его голубых глазах появилось нечто похожее на стыд, а затем испуг. Он огляделся, словно собираясь позвать стражу.

— Вы просили привести мальчика еще раз, ваше величество.

Джейн с поклоном вышла вперед. Лицо короля прояснилось, и он улыбнулся. Хороший знак. Прежде чем просить Ричарда о выкупе, нужно как следует его задобрить.

Вслед за королем они вышли наружу и уединились в помещении монастыря, расположенного во дворе аббатства. Осеннее солнце, низко висевшее в небе, отбрасывало на землю прохладные тени.

— Ну что, мальчик проявил прилежание, наставник Дункан?

— Вполне, ваше величество. — Даже лучше, чем он ожидал. Впрочем, если в выступлении Джейн и будут огрехи, король знает латынь не настолько блестяще, чтобы это заметить.

— Значит ты уже готов поступить ко мне в услужение? — с улыбкой обратился король к Джейн.

Она взглянула на Дункана, и тот кивком разрешил ей ответить.

— Еще нет, ваше величество, но я неустанно молюсь о том, чтобы однажды наступил день, когда я стану достоин предложить вам свои услуги.

Дункан с трудом скрыл удивление. В присутствии короля она превращалась из легкомысленного студента в настоящего придворного — подобострастного, однако с легким налетом высокомерия. Где она этому научилась?

— Прорекламируй его величеству то, что ты подготовил.

Она принялась декламировать отрывок из комедии о юноше Памфилии, полюбившем девушку вопреки запретам общества и своей семьи.

Она не просто зачитывала текст. Из отрывка, в котором герой обращался к своей возлюбленной, она устроила целое представление, цитируя диалог с таким воодушевлением и экспрессией, что его смысл был бы понятен даже безграмотному крестьянину.

Закончив выступление театральным поклоном, она подняла на него глаза.

Дункан забыл о короле. Он забыл обо всем, когда понял, почему она выбрала именно

этот отрывок. По сюжету Памфилий мечтал завоевать женщину своей мечты. Он долго и упорно шел к этой цели и в конце концов добился своего.

А чего она хотела добиться этим отрывком?

Услышав голос короля, он вздрогнул.

— Поздравляю. Ты прекрасно с ним поработал. Скажи клерку, чтобы выдали десять пенсов тебе и один мальчику. А ты, юный Джон, продолжай прилежно учиться.

Десять пенсов. Какая щедрость. Хватит, чтобы купить галлон вина и напиться.

— И еще одно, ваше величество, — остановил он короля, который собрался уходить.

Король обернулся — уже без улыбки.

— Да?

Дункан призвал на помощь все свое красноречие.

— Парламент принял налог о защите границ. Теперь достаточно одного вашего слова, и армия выдвинется на север.

В реальности слова короля будет недостаточно. Закон о налоге принят, но деньги сперва надо собрать и распределить.

— Так оно и будет, — ответил король. — Я буду настаивать на этом на заседании совета в январе.

Дункан подавил стон разочарования. Первая помощь подоспеет не раньше, чем через несколько месяцев. И тем не менее, он склонил голову, выражая свою признательность.

— Благодарю вас, ваше величество. И последнее. Я нижайше прошу вас помочь в ситуации с моим отцом.

Глаза короля остались равнодушными.

— Я не знаком с твоим отцом.

Джейн незаметно дернула его за мантию и, сделав выразительные глаза, указала взглядом на плиты каменного пола.

Его словно парализовало. Он не привык падать ниц и вымаливать помощь.

— Мой отец, ваше величество... — Усилием воли он заставил себя встать на колени, мимолетно задумавшись о том, что сказал бы его старик, увидев, как он унижается. — Мой отец — один из тех несчастных защитников границы, которых взяли в плен, когда они, отстаивая интересы короны, доблестно сражались с шотландцами.

Взгляд короля по-прежнему ничего не выражал. Он что, ждет, чтобы его слезно умоляли?

Джейн тоже опустилась на одно колено. Движение получилось легким и грациозным. Каким-то образом она умела просить, ничуть не теряя достоинства.

— Ваше величество, смею напомнить, что вы сами, с присущей вам добротой и великодушием, предлагали наставнику Дункану помощь в случае, если парламент ему откажет.

И вновь голубые глаза Ричарда вспыхнули стыдом и раскаянием. Он встретился с Дунканом взглядом, и на мгновение из могущественного монарха и униженного просителя они превратились в обычных мужчин.

— В данный момент моему великодушному величеству очень мешают править парламент и чертов совет. — Он сделал паузу. — Сколько за него просят?

Дункан назвал сумму, испытывая при этом величайший соблазн крикнуть королю в лицо, что по сравнению с выкупом за Генри Перси, эта сумма — ничто.

— Так мало? — удивленно протянул король.

— Возможно, для вашего милосердного величества эта сумма невелика, — ответил он, еле сдерживая гнев, — но мы бедны. У нас всего-то и есть что старая башня, немного овец да клочок земли. Такую сумму нам придется копить годами. Вы показали себя мудрым правителем, выступив перед парламентом, как и в тот раз, когда храбро изгнали французов из Шотландии. Мы просим вас проявить мудрость еще раз, чтобы мы могли и дальше защищать ваши границы.

Его величество испустил вздох.

— Приезжай в январе в Вестминстер. Там и изложишь свое дело совету. Думаю, такую сумму можно выделить без обсуждения в парламенте.

— Ваше величество. — Он поклонился, но благодарность его была фальшивой.

Под косыми лучами вечернего солнца они вышли на дорогу, которая вела обратно в Кембридж. Дункан не знал, что делать: то ли скорбеть о неудаче, то ли радоваться, что ему предоставили второй шанс.

— А соседи не могут подсобить вам деньгами? — Как обычно, когда они говорили о чем-то личном, Джейн невольно копировала его акцент.

— Те, у кого есть деньги, потратят их на выкуп за своих мужчин. — Один за другим бывшие пленники потянутся домой. Кто-то вернется уже на святки. Кто-то на Сретение. К Пасхе. А Стивен из Клифф-Тауэр так и останется гнить где-то на шотландской земле.

Они миновали монастырь Святой Радегунды, потом перебрались через зловонный оборонительный ров и вошли в город. Из многочисленных печных труб ползли, растворяясь в прозрачном воздухе, струйки белого дыма. Запах горящего дерева напомнил о доме, и у него защемило сердце.

— Ты сегодня гордился мной? — услышал он ее взволнованный голос и мысленно отчитал себя. Она же выступала перед королем. И, надо сказать, довольно успешно.

— Ты молодец. Справилась, как и обещала. С такими успехами, глядишь, еще до тридцати попадешь в королевский совет. — Безрадостная перспектива.

— Я о другом. — Она уныло взглянула на него снизу вверх. — Я пыталась помочь твоему отцу.

Слова застряли у него в горле. Когда ему в последний раз искренне хотели помочь?

Если бы рядом шел Маленький Джон, можно было бы выразить свою благодарность, по-мужски смяв его в объятиях. Но вместо Джона рядом шла Джейн. И опасность, которая исходила от ее сердца, неожиданно показалась ему сильнее соблазна овладеть ее телом.

— Спасибо тебе, Джейн.

Когда он в последний раз произносил слова благодарности? Этого он тоже не припоминал.

— От первого лица в настоящем времени, а не в прошедшем! Сколько раз тебе повторять? — рывкнул Дункан. — Начинай с начала.

И Джейн послушно начала с начала.

Из-за отказа короля Дункан был не в настроении праздновать ее успех, и потому она, цепляясь за любой повод побыть в его обществе, настояла на том, чтобы вечером они немного позанимались.

Ну почему, почему королю по любому поводу приходится спрашивать разрешения у совета и парламента?

Когда стемнело, студенты разошлись. Они остались наедине.

С недавних пор темнота стала ее союзником. После захода солнца различия исчезали, и все — и мужчины, и женщины — становились равны. Но сегодня темнота воспринималась иначе. Она была не просто союзником, она объединила их с Дунканом, связав знанием общей тайны.

Она закончила рассказывать урок, однако нового задания не дождалась. Молчаливый, подавленный, Дункан невидимкой сидел рядом с нею в сумраке опустевшего помещения.

— На сегодня все, — произнес он и поднялся на ноги.

Почувствовав движение, она протянула руку. Ее пальцы, коснувшись его груди, затрепетали во тьме. Он немедленно отбросил ее ладонь от себя, но она успела переплестись с ним пальцами, и потому, вместо того, чтобы оттолкнуть, он по инерции крепко притиснул ее к себе.

Его грудь тяжело вздымалась. Джейн задержала дыхание, чувствуя, как голова пошла кругом от мужского запаха его тела.

Он взял ее за плечи и придавил к стене. Его рот завладел ее губами, язык вторгся внутрь. Ощущения захлестнули ее. Растворяясь друг в друге, они будто понеслись вниз по течению в потоке бурной реки, становясь единым существом, не разделенным на мужское и женское. Она по-настоящему была с ним! Наконец-то сбылось то, о чем она грезила все эти дни.

Вдруг все изменилось. Его поцелуй, только что пылкий и страстный, стал властным, почти жестоким. Женское чутье подсказывало, что она теряет его, что момент единения ускользает. Он уже не благодарил, а наказывал ее за то, что она оказалась женщиной.

Она вырвала у него свои губы и отвернулась, судорожно глотая воздух. Возле уха тяжелыми толчками забилося его дыхание. Потом он поник. Безвольно уронил руки и повернулся к ней спиной. Сдался.

Она тронула его за плечо.

Он рывком развернулся. Его лицо оказалось так близко, что она разглядела, насколько тяжелым было его разочарование от невозможности что-либо изменить.

— Довольно с меня твоих игр, Джон, Джейн или кто ты есть... Не могу я целоваться с тобой по углам, покуда ты прикидываешься мальчишкой.

— Это не игры, — возразила она горячим шепотом, не забывая об осторожности.

— Тогда определись. Мальчик ты или девушка?

— Ты сам знаешь, кто я. — Девушка. Женщина. Можно сколько угодно бороться со своим естеством, но отрицать его невозможно. Особенно когда Дункан обнимал ее.

— Ты девушка, Джейн. Вот и будь ею.

— Не зови меня так! И перестань смотреть на меня таким взглядом, — взмолилась она, из последних сил сопротивляясь приказу, горящему в его глазах. Под его взглядом она была готова согласиться на все, лишь бы снова оказаться в его объятьях.

— Ты должна прекратить этот маскарад. Не могу я так больше!

У нее перехватило дыхание. Она знала, чего ему стоило это признание. Ситуация, в которой они оказались, была невыносима и для нее тоже.

— Выбирай, кто ты. Нельзя быть мужчиной и женщиной одновременно.

Но до сих пор у нее получалось. Она жила среди них под видом мальчика, но внутренне оставалась девушкой. словно злое заклятие превратило ее в двуполое и одновременно лишенное пола существо, приговоренное к пожизненному заключению в чистилище.

— Я не могу выбрать что-то одно. — Если выбирать, то не женскую долю, которая целиком состояла из нерушимых, как стальные оковы, запретов.

— Но почему ты идешь против своей природы? Что тебя не устраивает? Ваша жизнь полна преимуществ.

— Преимуществ? — Пришла ее очередь вскипеть от гнева — не от скромного девичьего негодования, а от самого что ни на есть настоящего, праведного мужского гнева. — Скорее сплошных ограничений! Женщине надо бороться за каждую крупницу свободы, которая доступна мужчине.

— Тебе чудится, что все так просто?

— Чудится? — Ее ярость набирала обороты. — Мне даже книгу нельзя взять без разрешения!

— Зачем женщине книги? Что ты надеешься из них почерпнуть? Да мне вовек не научиться по книжкам тому, что ты умеешь с рождения!

Она раскрыла рот, но не нашлась с ответом.

— Мы, мужчины, по сравнению с вами — просто тупые животные, гнущие хребет под ярмом обязательств. — Он воздел руки и потряс ими, словно бряцающая невидимыми кандалами. — А вы... Вы распространяете вокруг себя красоту, доброту, порядок... Черт, вам даже под силу сотворить самую жизнь. Меня никакие книжки этому не научат, хоть в лепешку расшибись.

Она вспомнила давнишние разговоры с ним на эту тему. Как он называл женщин? Тайнственными, переменчивыми существами.

Мужчина должен быть хозяином своих чувств, иначе женщина поработит его.

В этих его словах крылся безотчетный страх перед теми загадочными силами, перед теми сокровенными знаниями, что были заключены внутри женского тела. Эти силы и знания, впрочем, и для нее были столь же непостижимы.

— Но у меня нет никаких сокровенных знаний. — Всю жизнь она искала внутри себя то женское начало, которым обладали ее сестра и мать, и не находила его.

— Есть. Просто ты этого не замечаешь. — Он тряхнул головой. — Боже, да с самого начала было понятно, что ты женщина. И как я, дурак, не догадался... Ты украшала стол цветами и листьями. Взбивала подушки. Выбирала одеяло по цвету, а не по толщине. Кто, скажи на милость, научил тебя всему этому?

— Моя мать? — предположила она неуверенно, поскольку не припоминала, чтобы материнские уроки пошли ей впрок.

— Никто тебя этому не учил. Просто ты женщина. Ровно такая же, как остальные. — Неприязнь в его тоне переплелась с изумлением. — Все. Уроков больше не будет. Ко встрече

с королем я тебя подготовил, а дальше учись сама. И держись от меня подальше. Видеть тебя не могу.

— А как же моя клятва? — спросила она, с новой силой возненавидев свое женское естество. — Мы же договорились быть товарищами, близкими, как братья.

— Ну какой из тебя брат? Ты девчонка. — Голос его надломился. Развернувшись, он пошел к лестнице.

— Но я дала тебе слово! — крикнула она ему вслед. — Что же мне теперь, нарушить его?

Он не замедлил шаг.

— Нельзя нарушить то, что было нарушено с самого начала!

* * *

Раньше они тянулись друг к другу, а теперь с тем же рвением начали друг друга избегать.

Дункан попросил Джеффри взять ее под свою опеку, оправдавшись тем, что ему нужно наверстать свои пропущенные занятия по медицине. Тот согласился, и с тех пор он, остерегаясь приходить в общую комнату, нечасто видел, как Джейн, то есть Джон — он пытался заставить себя не думать о ней, как о девушке — читает латинские трактаты.

Однажды в середине ноября он, не выдержав, спустился вниз, чтобы погреться у очага, и услышал, как она заканчивает отвечать урок.

— Молодец, Джон. Ты делаешь успехи, — сказал он, испытывая некоторую ревность. Он сам хотел обучить ее и подготовить к грамматике, логике и риторике.

Она неловко кивнула, поблагодарила его и, пробормотав, что повару нужно помочь с ужином, пошла к выходу. Глядя ей вслед, Дункан не мог не обратить внимание на то, насколько по-женски двигаются ее бедра. Неужели он единственный видит в Маленьком Джоне женщину? Или она стала более женственной в его глазах просто потому, что он знал о ней правду?

Как только она скрылась за порогом, он со страхом взглянул на Джеффри. Тот озабоченно хмурил лоб.

— Дункан, — проговорил он шепотом, чтобы не услышали другие студенты. — Ты видел его походку? Совсем как у женщины. — На его лице нарисовался священный ужас. — А вдруг Джон не парень, а девушка?

Какое-то время Дункан, опешив, молчал. Случилось то, чего он боялся, и он выбрал себя за то, что не подготовил ответ заранее.

Усилием воли он заставил себя расхохотаться.

— Все-то тебе смешно, — пробурчал Джеффри. — Я серьезно. Ты понимаешь, что это значит? Все это время она...

Лихорадочно пытаясь что-то придумать, Дункан продолжал через силу смеяться. В конце концов, когда в горле уже запершило, он выдал:

— Девушка, говоришь? Ну, не знаю, девиц с таким здоровенным членом я не встречал.

Скулы заломило от неестественной, натужной усмешки.

— Серьезно? — Шок на лице Джеффри сменился облегчением. — Но как ты умудрился увидеть его член? Парень даже локоть стесняется оголить.

Действительно, как? Смех замер у него на губах.

— Как-то раз мы шли из пивной, и он остановился, чтобы облегчиться.

Джеффри изобразил скептическую гримасу.

— Клянусь, это чистая правда, — побожился Дункан, надеясь, что небеса простят ему эту ложь. — Сильно же ты скучаешь по Мэри, если в мальчишеской заднице тебе мерещится женская попка.

Джеффри уже нацелился двинуть ему в челюсть, но, завидев на лице Дункана усмешку, смущенно опустил кулак.

— До святочных каникул еще больше месяца. Мне бы лучше приструнить свои мысли, да?

Дункан вынужденно рассмеялся. Тема была закрыта — но только на сегодня. Он больше не мог смотреть на Маленького Джона и не видеть в нем — хуже того, не вожелеть в нем — Джейн. Сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь еще заметит то, что заметил Джеффри?

* * *

Джейн научилась — и очень хорошо — избегать Дункана.

Однажды вечером она вместе со всей компанией отправилась в пивную, чтобы отпраздновать успешное участие Генри в университетских прениях. Весной он завершит обучение и станет наставником. Это стоило отметить. Однако за столом она намеренно села как можно дальше от Дункана и за весь вечер не обменялась с ним и парой фраз.

Молчала она и по пути домой, когда Джеффри и Генри зашли вперед и оставили их с Дунканом наедине. Он взял ее за локоть, чтобы помочь перешагнуть лужу. Она отдернула руку:

— Перестань опекать меня как девчонку. Ты меня выдашь.

— Джеффри и так тебя подозревает, — прошипел он в ответ. — Проспрягай ато.

Она метнула на него сердитый взгляд. Большого желания проговаривать на все лады слово «любовь» у нее не было.

— Странный выбор.

— Начинай. Да погромче, чтобы им было слышно, — кивнул он на юношей, которые шли впереди.

— Ато, амас, амаг, — громко произнесла она. Потом спросила вполголоса: — С чего ты решил, что он меня подозревает?

— Он заметил, как ты крутишь задом, и сказал, что у тебя женская походка.

Она взглянула вперед. Сторонясь Дункана, она стала больше времени проводить с Джеффри, а значит стала чаще рисковать обнаружить себя.

— Это ты виноват. Вечно глядишь на меня своим странным взглядом.

— Неправда. Я, кстати, спас твою непутевую голову. — Громким голосом он добавил: — Теперь во множественном числе.

— Как? — И прокричала: — Amamus, amatis, amant.

— Хорошо. Теперь в прошедшем времени. — Он помахал приятелям и снова понизил голос. — Как-как. Засмеялся.

— Засмеялся? — Повторяя за ним, она то повышала, то понижала голос. — Amabam,

amabas, amabat, amabamus, amabatis, amabat. В этом нет ничего смешного. — Она позволила ложному чувству безопасности убаюкать себя. Но один неверный шаг, и ее ждет тюрьма, а то и что пострашнее.

— Amabant, а не amabat. Мне нужно было выгадать время, чтобы подумать.

— Amabant. И что в итоге ты сказал?

— Сказал, что видел, как ты отливаешь, и лично убедился в том, что ты парень.

Она прыснула. Облегчение, чувство сплоченности снизошло на нее.

— Потише, — одернул ее Дункан. — Смеешься как девчонка.

— Что вас так развеселило? — спросил Джеффри, оборачиваясь.

— Долго рассказывать, — отозвался он, спровоцировав у нее очередной приступ хохота. — Один анекдот о ректоре, педеле и повелительном наклонении.

— О, я его знаю! — завопил Генри. — Жуткая пошлятина!

— Amarer, amareris, amaretur! — звонко прокричала Джейн. Внезапно ее оживление сошло на нет, и она закусила губу. — Он тебе поверил?

Что-то промелькнуло на его лице.

— Надеюсь, что да. Я оскорбил его достоинство. Продолжай.

На мгновение ей стало стыдно. Плохо, что Джеффри — самый добродушный, самым неиспорченный из них всех — незаслуженно пострадал за ее грех.

— Amaremur, amaremini, amarentar.

— Tur. Amarentur.

— То есть, ты намекнул Джеффри, что видел мой botellus, да? — Она прикусила улыбку. — По сути, ты почти не соврал. Ты не только видел его, но и подержал в руках.

Он вспыхнул до корней волос.

— Ну извини. Ничего другого на ум не пришло.

Усмехнувшись, она развела ладони на добрый фут.

— Но ты хотя бы сказал, что он вот такой длиннющий?

Он хохотнул вслед за нею.

— С такими маленькими ступнями, как у тебя? Рассчитывай на гороховый стручок, не больше. — И он ничуть не рассердился, когда она накинулась на него и повалила на тронутую первыми заморозками мостовую.

Пусть на мгновение, но она снова стала одной из них.

Утром, несколько дней спустя Джейн заглянула в пивную, чтобы договориться о поставке продуктов на неделю.

Сперва она не обратила внимания на незнакомца, вошедшего вместе с нею, хотя за прошедшие три месяца местные жители успели ей примелькаться. По одежде и поведению она научилась отличать магистра от бакалавра, лекаря от лавочника, трактирщика от аптекаря.

Этот человек, высокий и лопоухий, был пришлый.

Она с ужасом узнала в нем одного из слуг, работавших на ее семью.

Отвернув лицо, Джейн отошла в глубь помещения. Неужели брат Гэвис все-таки выдал ее? Неужели они знают, что она в Кембридже?

— Что желаете? — спросила хозяйка.

— Я разыскиваю одну беглянку.

Сердце чуть не выскочило у Джейн из груди. Она втянула голову в плечи, разрываясь между страхом разоблачения и желанием выудить новости.

— Незнакомые девицы сюда не заходили, — ответила хозяйка. — Что она натворила? Стащила что-нибудь?

— О, ничего подобного. Она убежала из дома, и ее семья отправила меня на ее поиски. — Он снял накидку и сел. — Налей-ка мне выпить. В дороге я изрядно продрог.

Пока хозяйка, нацеживая в кружку эль, сетовала на разбитые ноябрьские дороги, Джейн отважилась подойти поближе. Что, если он тоже узнает ее? Она очень хотела услышать новости из дома, но получится ли повести разговор так, чтобы себя не выдать?

— Как выглядит твоя беглянка? — спросила она максимально низким голосом и прикрыла рот ладонью, чтобы со стороны казалось, будто она в раздумьях потирает щеки.

— Как обычная семнадцатилетняя девица. Волосы светлые, глаза голубые, не худая, не толстая, — ухмыльнулся он, не оборачиваясь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Плечи ее напряглись от обиды.

— А почему она сбежала? — Любопытно, что он ответит. Какую версию ему рассказали?

— Черт ее знает, почему. Она каталась как сыр в масле. Родные ее любили, и жених должен был вот-вот приехать.

Ком встал у нее в горле. Жизнь, которую она воспринимала как тюрьму, для него была раем.

— Она сбежала из хорошей семьи? — недоверчиво переспросила хозяйка. — Никогда не слыхала о таких дурочках.

— Семья у нее хорошая, не то слово. — Он поманил хозяйку к себе и, когда та подставила ухо, громким шепотом сообщил: — Ее мать — Элис де Вестон.

— Значит, ее отец — сам король! — ахнула та.

— Точно так, — закивал он. — В ее венах течет королевская кровь.

Джейн невольно приосанилась, как бывало всегда при упоминании об ее отце.

— Печальная история, — сказала хозяйка, качая головой. — Если женщина одна-одинешенька да вдобавок юна и наивна, ничего хорошего ее не ждет. Можете мне поверить.

Уж я хлебнула по молодости горя. Наверняка на дороге ей повстречались грабители да мигом отправили ее на тот свет.

Так оно и случилось бы, если бы ее не подобрал Дункан.

— Я сказал им то же самое. — Он пожал плечами. — Меня посылали и в Лондон, и в Оксфорд, и в каждый городок на пути между ними. Зряшная трата времени, но я человек подневольный. Делаю, что сказано. Теперь они думают, что она здесь.

Причитая над его тяжелой долей, хозяйка поставила перед гонцом кружку. Он сделал изрядный глоток и, утершись рукавом, испустил блаженный вздох.

— А знаете, что еще? По словам ее родичей, она может быть одета в мужское платье.

Джейн съезжилась. Внезапно ей показалось, что перевязь слишком явно выделяется под туникой, и она обхватила себя за плечи.

Не дожидаясь ответа, гонец продолжал, довольный тем, что нашел слушателей:

— Но лично мне в это не верится. Дома она, бывало, похаживала в штанах, но чтобы отправиться в таком непотребном виде в дорогу... Ни одна женщина не осмелится на такое.

Этот болван, как и все мужское племя, не заглядывал дальше своего носа. Поуспокоившись, Джейн выпрямилась.

— Почему они думают, что она в Кембридже?

— Здесь ее видели в последний раз. Один паренек доставил от нее письмо.

— Кажется, я тоже видел ее, — сказала Джейн. Сердце стучало в груди гулко, как колокол. — Как ее зовут?

Он мельком оглянулся и отхлебнул эля.

— Джейн. Джейн де Вестон.

Имя прозвучало будто чужое.

— Говоришь, у нее светлые волосы?

Он кивнул.

— Была бы хорошенькая, если б следила за своей внешностью, но она росла сущим сорванцом. В жизни ни палец о палец ни ударила, вот и стала испорченная как гнилое яблоко. Будь у меня такая дочь, я бы радовался, что она удрала.

Ее щеки вспыхнули. Она с усилием проглотила ком в горле. Неужели в глазах слуг она выглядела настолько избалованной?

— Я видел похожую девушку на дороге. Она была одета в мужское платье.

— О чем и речь. — Гонец поднял кверху указательный палец. — Ты сразу ее раскусил, верно? Жалко ее, бедолагу. Девица она, конечно, непутевая, но такой доли не заслужила. Наверное, ее давно уже нет в живых.

— О, я так не думаю, — поспешно сказала Джейн. Она хотела успокоить своих близких, а не напугать. — Она шла с паломниками. Они не дали бы ее в обиду.

— Тот парнишка сказал то же самое. Вот только осенью в паломничество не ходят.

— Может, она шла поклониться святыне по неотложной надобности, из-за болезни или ради покаяния, например. — Ох, чего ей точно не помешало бы, так это покаяться.

Он вздохнул.

— Когда я передам это ее семье, меня опять отправят гоняться за призраками. Что еще тебе известно, парень? Ты знаешь, куда они направлялись?

— К усыпальнице Годрика Финхальского. — Финхайл был расположен много севернее Кембриджа. Ложный след отвлечет их надолго.

— Уже кое-что. Вот спасибо так спасибо. Будет чем порадовать ее родню. — Он

встал. — Что ж, мне пора.

Джейн уцепилась за край стола. Надо задержать его. Она еще не успела спросить о Солей.

— Та девушка упоминала о сестре, которая носила ребенка, — сказала она, повысив голос, и он остановился на полпути.

— Вот как? Значит, это и впрямь была наша беглянка.

— А что в итоге случилось с ее сестрой?

— О, леди Солей и малыш Уильям пережили нелегкие времена. — Он снова двинулся к выходу. — Но они уже оправились, причем настолько, что скоро вместе с лордом Джастином отправятся в путь.

Она хотела было остановить его, расспросить, куда они собрались и зачем, но одернула себя. У странноватого юнца, которым она была в его глазах, не было причин интересоваться его поисками.

— Я уверен, это была та самая девушка, которую ты ищешь! — крикнула она ему вслед. — Она очень переживала за свою сестру. Скажи им об этом!

Он, не оглядываясь, махнул рукой.

Скажи им об этом.

* * *

Наступил декабрь. Теперь по утрам, чтобы умыться, нужно было расколоть прозрачную корочку льда, которая за ночь образовывалась в бадье с водой.

Общежитие постепенно пустело. Перед весенним семестром шли каникулы длиною в месяц, но студенты начали разъезжаться задолго до святок. Одним не терпелось поскорее свидеться со своими близкими. Другим предстояло долгое путешествие домой по тяжелым зимним дорогам.

Генри и Джеффри уезжали последними.

— Точно не хочешь поехать с нами? — спросили они Дункана.

— Боюсь пропустить собрание совета. — Отговорка, но в целом правдивая, поскольку двадцатого января он должен быть в Вестминстере.

Он и раньше избегал поездок домой, а ехать теперь, чтобы со стыдом узреть опустевшее место отца за столом, было и вовсе невыносимо. Кроме того, он не допускал даже мысли о том, чтобы оставить Джейн одну.

— Мы постараемся разузнать что-нибудь про твоего отца, — пообещал Джеффри.

Дункан благодарно кивнул.

— И не ищи неприятностей на свою голову, покуда нас нет! — наказал Генри и пришпорил коня.

— Каким образом? — крикнул он им вслед. — Я все каникулы посижу при мальчишке нянькой.

У него не вышло выудить у Джейн новые подробности о ее семье. Закончить маскарад она тоже наотрез отказалась. Ну ничего, теперь, когда они остались в общежитии одни, у него наконец-то появится время спокойно все обдумать и решить, как быть дальше.

Эта перспектива, увы, возбуждала его много сильнее, чем хотелось бы.

Джейн дала себе зарок избегать его. После заката она поднялась в опустевшую спальню и положила поверх своего тощего матраса еще один. Потом легла, не чувствуя пальцев ног. Даже под тремя одеялами ее колотило от холода.

На лестнице раздались шаги. Она зарылась лицом в матрас и затаила дыхание. Если притвориться спящей, Дункан не станет ее тревожить. Однако, вопреки ее упованиям, он не ушел, а взял и сдернул с нее одеяло. Спасаясь от холода, она подтянула колени к груди и зажмурилась.

— Не притворяйся. Я знаю, что ты не спишь.

Она приоткрыла глаз. Дункан сидел возле нее на корточках.

— Я спала. Пока тебе не втемяшилось в голову заморозить меня до смерти.

— Вставай. Пойдешь ко мне в комнату.

Зубы ее выбивали дробь, и она стиснула их крепче.

— Мне и здесь хорошо, — отозвалась она, опасаясь, что иначе возникнет соблазн разделить с ним не только тепло его спальни, но и тепло постели.

— Здесь собачий холод, но топить ради тебя одной — расточительно. — Изогнув бровь, он бросил ей вызов: — Маленькому Джону я предложил бы то же самое, так что перестань спорить с логикой и вставай.

Он криво усмехнулся. Темнота скрывала выражение его глаз.

— Можешь не беспокоиться, я тебя и пальцем не трону.

Неприятно было признавать, но он попал в самую точку.

С недовольным ворчанием она поднялась и, волоча за собой одеяло, потопала вслед за ним вниз по лестнице. Едва она переступила порог его комнаты, как ее окутало блаженное, восхитительное тепло. Все мышцы ее окоченевшего тела мигом расслабились и разомлели.

Воистину невообразимая роскошь — спать в хорошо протопленных покоях. Дома она по наивности принимала это как должное. Его комната, в отличие от общих спален, была маленькая, и языки жаркого пламени, потрескивая на драгоценных поленьях, согревали все ее уголки.

— Ложись.

В свете очага она смогла, наконец, разглядеть его глаза — серые, словно летящие по небу тучи, они смотрели на нее с воинственной нежностью.

— Я не буду с тобой спать, — предупредила она.

— Ты будешь спать одна. Я лягу... — он кивнул на свободное пространство у очага, — где-нибудь на полу.

— Теперь ты ведешь себя со мной, как с женщиной.

— Ты и есть женщина. И мы оба об этом знаем.

Джейн хотела было указать на то, что переворачивая логику с ног на голову, он нарушает правила ведения дискуссии, но не успела она открыть рот, как он перебил ее:

— Не спорь и ложись, не то простудишься.

Искушение было слишком велико. Расправленное ложе так и манило к себе. Впервые за день она почувствовала, что согрелась, и потому, поглотив возражения, решила отложить спор до утра.

Дункан отошел к двери, и она, не раздеваясь, забралась в кровать, натянула одеяло на

плечи и отвернулась, ощущая спиной жар его взгляда. Он согревал ее сильнее настоящего пламени. Целый семестр она без опасения ночевала в одной комнате с юношами. Они не присматривались к Маленькому Джону.

Но Дункан знал, кем она была на самом деле.

— Добрых снов.

— Куда ты?

— Спи. Я вернусь, когда ты уснешь. — И она услышала, как за ним закрылась дверь.

Разморившись в тепле, Джейн не заметила, как задремала. Когда она проснулась посреди ночи, огонь уже догорел. По комнате пополз ночной холодок. Она была одна. И замерла в ожидании, лежа в его постели, которую он уступил ради того, чтобы ей было хорошо и уютно. Он окружил ее заботой, а она даже не поблагодарила его.

Сверху донеслись звуки гиттерн. Робкие, еле слышные.

Она перевернулась на спину и прислушалась.

Обычно он исполнял лихие студенческие гимны, под которые полагалось драть глотки и чокаться кружками, или, реже, меланхоличные баллады в минорном ключе — только наедине с собой, когда полагал, что его никто не слышит. То были печальные, рвущие сердце мотивы, исполненные горечью утраты, одиночеством и тоской по родному краю.

Но эта мелодия была совсем другая. Незнакомая, еще неоперившаяся. Он долго подбирал аккорды, раз за разом что-то меняя, и под его пальцами рождалась новая песня.

В ней тоже звучала тоска. И вместе с тем — проблеск надежды.

Вопрос.

И мольба.

К кому он взывал? К своим любимым холмам?

Или он обращался к ней?

Он, видимо, выждал некоторое время, чтобы она успела заснуть, и только потом взялся за инструмент. Эта музыка не предназначалась для чужих ушей, но переполнявшее ее чувство перекликалось с тем, что пробудило ото сна ее саму.

То было любовное томление.

Она встала и, не замечая холода, начала раздеваться. По очереди сняла шоссы, тунику и брэ, позволяя мелодии проникнуть в самые интимные уголки своего обнаженного тела. Музыка лилась все быстрее, все увереннее, она дразнила ее, ласкала словно касания пальцев. Его пальцев.

Свернув одежду, она сложила ее в аккуратную стопку. Осталось последнее. Длинная полоса ткани, которая держала в плену ее груди.

И, забравшись с ногами на кровать, она взялась за кончик перевязи и потянула.

* * *

Дункан медленно брел по лестнице, уповая на то, что пробыл наверху достаточно долго, чтобы она заснула. У него самого, как и раньше, сна не было ни в одном глазу. Он сбежал от нее, и все же не смог от нее скрыться. Она незримо присутствовала в каждом звуке, в каждой ноте, которые уносились из-под его пальцев в морозную ночную тишину.

На людях ему еще удавалось обуздывать свое влечение, но теперь, когда они остались одни, он из последних сил напоминал себе, что ему нельзя, невозможно обладать ею.

Он открыл дверь.

Джейн сидела посреди кровати, завернувшись в шерстяное покрывало. Как будто и не ложилась. Как будто ждала его. У потухшего очага мерцала зажженная без разрешения свеча.

Он стиснул зубы и прислонил гиттерн к стене.

— Что с тобой? Ты заболела?

Она молча выбралась из постели и распахнула покрывало. И предстала перед ним обнаженная, наконец-то гордая своим естеством — во всем великолепии своего юного, совершенного, неоспоримо женского тела.

Он утратил способность мыслить и рассуждать здраво. Вся энергия, сосредоточенная в его теле, устремилась вниз, к его чреслам, и восстала ей навстречу.

Она старалась удержать его взгляд, но он уже смотрел на ее груди, наконец-то свободные, маленькие и дерзкие, такие нежные, лунно-белые, соблазнительные — совсем как в его мечтах.

Кожа у нее была бледная, не тронутая ни ветрами, ни лучами солнца. Не иначе, Господь впервые даровал женщине столь белоснежную кожу. Неужели все то время, что он проводил с Маленьким Джоном, под его одеждой пряталась эта нежная, прекрасная плоть?

Он опустил глаза ниже, туда, где ее талия — теперь он увидел, какая она до невозможности тонкая — плавно переходила в бедра. Их контуры совершенно ничем не напоминали мальчишеские. Жадным взглядом он смаковал каждый изгиб ее тела, зная, что она наблюдает за ним. Терпеливо ждет, когда он изучит ее до конца.

А меж ее ног... Пресвятая богородица, он приказал себе не смотреть, но не смог удержаться. Меж ее ног за пушистыми светлыми завитками пряталось ее главное девичье сокровище.

Покрывало упало на пол, и она сделала шаг вперед.

Он силился преодолеть немоту. Что-то произнести, как-то остановить ее. Мысленно твердил себе, что разум мужчины сильнее женских чувств, что отпустить свою похоть на волю — чистое безрассудство. Пытался перебороть искушение. Если они разделят ложе, все необратимо изменится. Она больше никогда, никогда не сможет притворяться мальчиком. Возможно, она этого не понимала, но для него это было очевидно.

Джейн не стала дожидаться, пока его мысли воплотятся в слова. Убедившись, что он насмотрелся досыта, она взялась за края табарда, который он набросил от холода, и провела по его рукам вниз, раздевая его.

Но вместо того, чтобы уронить табард на пол или отбросить в угол, как поступил бы он сам, она бережно свернула его и, на миг прижав к лицу, с благоговением вдохнула его запах, а после положила поверх маленькой стопки своей одежды на сундуке, который стоял в ногах кровати.

Лишенный своего первого защитного барьера, Дункан, вопреки ожиданиям, не почувствовал холода. Наоборот, от ее прикосновений его бросило в жар.

За табардом пришел черед туники. Решительным жестом взявшись за подол, она потянула зеленое шерстяное одеяние вверх, затем, отводя глаза, вывернула его на лицевую сторону, встряхнула, свернула, и туника присоединилась к стопке одежды на сундуке.

Ловкие движения ее коротких пальцев завораживали. Невесомые, словно перышко, прикосновения возбуждали сильнее, чем если бы она прямо с порога потащила его в постель.

Ожидание, пока она доведет этот размеренный ритуал до конца, еще сильнее распалило его страсть.

Откуда у нее столько выдержки, в то время как он сам еле сдерживается, чтобы не схватить ее в охапку и не уложить на спину? Неужели она не испытывает того зудящего желания, которое разрывает его самого?

Она упорно отводила глаза, но вот ее губы разомкнулись, дрожа. Грудь начала бурно

вздвигаться. О, она тоже изнывала от желания, пусть и не спешила, постепенно, шаг за шагом продвигаясь навстречу неизбежному.

Он приказал себе стоять смирно. Если обуревавшая его страсть прорвется наружу, она увлечет за собой их обоих.

Этого нельзя допустить. Он не возьмет ее в спешке. Только не сегодня, не в ее первый раз.

Призвав на помощь все силы, он застыл без движения, дожидаясь, пока она снимет с него нижнюю сорочку. Она старалась не задевать его, и все же он ощутил легкое прикосновение к груди. Что это было — ее пальцы, ее дыхание или шепот ночного воздуха?

Между тем она опустилась на колени. Распустила завязки на его шоссах и брэ, одним движением стянула их вниз, и его член гордо выпрыгнул на свободу. Прикрыв веки, Дункан застонал.

А она рассмеялась. Он открыл глаза и увидел, что она лукаво улыбается, глядя на него снизу вверх.

— Ну что ж. — Она примерилась и развела ладони. — Можно сделать вывод, что ступни у тебя тоже большие.

Он тоже рассмеялся и заодно перевел дух.

— Милая, я стану еще больше, покуда смотрю на тебя.

Поднявшись с колен, она встала так близко, что их тела соприкоснулись, и он задрожал в предвкушении.

— Я хочу тебя, — сказала она, крепко взяв его за руки. Их глаза встретились, и он прочел нечто новое в глубине ее пронзительных голубых глаз.

Из его горла исторгся стон и сложился в ее имя:

— Джейн...

А потом для слов не осталось места.

Он приник к ее губам и вошел в ее рот языком, упиваясь ее прелестью, ее сладким миндальным вкусом. Она тесно прижалась к нему, и он прошелся ладонями по ее телу, сминая ее груди, бедра, путаясь пальцами в ее волосах, лаская ее всюду, куда только мог дотянуться. Дыхание его стало тяжелым, словно он долго бежал без остановки.

Медленно. Все должно быть медленно.

Он немного отодвинул ее от себя. Не из желания отдалиться, о нет, но чтобы еще раз поглотить взглядом свою милую Джейн, ту, которая уже поглотила его мысли, его дни и ночи.

Застенчиво улыбаясь, она стойко выдержала его взгляд.

— И как только я не догадался сразу, — пробормотал он.

— Я думаю, ты знал, — шепнула она. — Знал с самого начала.

Наверное, так оно и было. Она завоевала его с первой же встречи. Вот почему он так рвался помочь ей и сердился, когда она раз за разом отказывалась.

Она провела кончиками пальцев по его рукам, такая тонкая, белокожая по сравнению с ним.

— Видишь? Ты тоже знаешь вещи, о которых не написано в книгах.

Но тому, что он сейчас испытывал, еще не придумали названия. Он не знал, как назвать то чувство, которое вибрировало в его венах подобно ищущим гармонию струнам.

— Я знаю только одно. Сейчас мы займемся любовью. И я буду любить тебя до тех пор, пока ты не станешь моей целиком и полностью, без остатка.

— Мне кажется, — сказала она, не колеблясь, — я уже твоя.

И, поцеловав ее, он понял, что это правда.

Откинув с дороги покрывало, он подхватил ее на руки, отнес на кровать и лег рядом, ни на мгновение он не прекращая ласкать ее.

Она не лежала пассивно, с покорностью переживая его страсть, как делали некоторые женщины. Ее поцелуи были жадными, глубокими, руки касались его смело и без стеснения. Она обняла его за плечи, потом ее пальцы сместились ниже и зарылись в поросль волос на его груди.

— Ты... такой необычный, — прошептала она, обводя кончиком пальца его сосок, бледное подобие ее собственного.

Его дыхание опасно участилось. Он придержал ее руку, чтобы не забежать слишком далеко вперед.

— Это ты у меня необычная.

Обмирая от нежности, он поцеловал ее мягкую грудь, захватил губами сосок, столь восхитительно твердый под его языком. Она выгнула спину. Стон вырвался у нее изнутри. Ее пальцы скользнули вниз по его животу, сжались вокруг его члена, и он упруго дернулся, подрагивая в ее ладони.

— Ты такой твердый и мягкий одновременно, — в изумлении прошептала она. — Как я могла подумать, что сумею подделать такую чудесную штуку?

— И в самом-то деле, — хрипло выдохнул он.

Он пылко тронул ее между бедер, раздвигая мягкие, повлажневшие завитки. Она с готовностью открылась ему навстречу и дрожащими пальцами попыталась направить его внутрь, но он остановил ее и пробормотал, урезонивая их обоих — и в первую очередь себя самого:

— Ш-ш. Не будем спешить, любовь моя.

Ибо он впервые предавался любви с девственницей.

Все его прежние пассии — гулящие женщины, развратные вдовушки — знали, что к чему. Их не нужно было учить. В постели они вели себя однообразно. Одни, не издавая ни звука, лежали под ним без движения. Другие блеяли, будто овцы во время стрижки, имитируя страсть. Манера их поведения была определена десятками его предшественников.

Они не ждали от него подвигов. Он был мужчиной. Этого было достаточно.

Но у нее он будет первым. Воспоминание об их близости, о том, что он сделает с нею сегодня ночью, она пронесет через всю жизнь. Своими ласками он сотворит уникальную мелодию, и если после него у нее будут другие мужчины, она будет искать того, кто окажется способен повторить этот мотив.

Мотив, который заставит ее благодарить небеса за то, что она родилась женщиной.

И потому, стиснув зубы, он обуздал свое нетерпение и принялся вспоминать все, что знал о женском теле.

«Уж я в этом разбираюсь», — когда-то бахвалился он перед нею своей искусностью в любовных делах. Однако до сих пор его познания, как он внезапно понял, ограничивались только его собственным телом. Женские губы, груди, лоно — конечно, он знал, где они находятся, но как правильно обращаться с ними, чтобы она испытала наслаждение?

Он осторожно проник в нее пальцем. Потом вторым. Она закрыла глаза и запрокинула голову — уже, к его радости, скользкая, но такая тугая и тесная, что он испугался, как бы ненароком не разорвать ее.

Она сказала, что хочет его. Что ж, на исходе ночи она познает истинное значение этих слов. Он сделает все для того, чтобы она больше никогда не захотела притворяться мальчишкой.

И с этими мыслями он прижался губами к ее груди.

* * *

Везде, где он дотрагивался до нее, ее тело начинало гореть огнем. Ее губы, груди, шея, запястья, даже кончики волос, казалось, искрились от страсти. Все ее мысли померкли, осталось только одно устремление — слиться с ним воедино.

Их тела сплелись. Она уже не могла различить, кто кого ласкает. Они притрагивались друг к другу и одновременно издавали стон. Его член — горячая сталь в бархатных ножнах — пульсировал в ее ладони, и глубоко внутри она ощущала ответные спазмы, словно он уже вошел в нее.

Одежда более не разделяла их, но новым барьером стала сама кожа. Одурманенная страстью, Джейн жалела, что нельзя сбросить ее с себя, чтобы раствориться в нем без остатка.

Он немного отстранился.

— погоди. Ты еще не готова.

Неправда. Она была готова. Она всю жизнь ждала этого мужчину, единственного, кто оказался способен пробудить в ней желание быть женщиной.

Что говорили о физической любви все те глупые женщины, которых она презирала? Что еще ей предстоит узнать о мужском теле и о ее собственном?

Тронув Дункана за колючую щеку, она повернула его лицо к себе и, упиваясь им, заглянула в его глаза — бездонные, темно-серые, они говорили о том, что сейчас он принадлежит ей безраздельно.

— Войди в меня, — прошептала она. И развела колени.

Он дотронулся до нее внизу, и дрожь, которая сотрясала ее тело, стала сильнее и сосредоточилась в одной точке.

Смелая ласка раздражила ее. Завороженная волшебными ощущениями, которые пробудились в ее теле, она тоже потянулась вниз. Поначалу их пальцы, неловко сталкиваясь, двигались в разном ритме, а потом приноровились друг к другу и завибрировали в абсолютной гармонии, создавая мелодию, которую возможно было сотворить только вдвоем.

Все ее ощущения стремительным потоком хлынули вниз, к точке, где бились их пальцы. Ее плоть конвульсивно разомкнулась, требуя, чтобы он заполнил собою болезненную, ноющую пустоту, и он, почувствовав ее немой призыв, вошел в нее.

Они слились воедино. Все грани, все различия стерлись. Они стали, наконец, одним существом, более не разделенным на мужское и женское, единым духом, сотканным из двух душ, которые воспарив над их телами, образовали одно неразделимое целое.

Не в этом ли главный секрет бытия?

Но увы, он не сделал ее своей в полном смысле этого слова. В последнее мгновение он резко вышел и, содрогаясь, оросил семенем не ее лоно, а простыню под ее бедрами. И она, прижимаясь губами к его влажному виску, перебирая черные завитки волос на его макушке, не знала, благодарить его за предусмотрительность или ненавидеть за то, что он прервал

момент наивысшего единения, какое только возможно между мужчиной и женщиной.

Он задремал в ее объятьях. Свеча догорела, а вместе с нею угасло и дивное ощущение близости.

Она снова стала Джейн. Ее бывшие страхи вернулись в новом обличье, и она поняла, что отныне зависит от этого мужчины по-настоящему.

Потому что без него ее жизнь потеряет смысл.

Ее разбудил перезвон колоколов. Зимнее небо хмурилось, мешая понять, который сейчас час, сумерки на дворе или рассвет. Должно быть, они проспали утреннюю мессу. Впрочем, не страшно. Во время каникул, когда колледжи пустели, а студенты в большинстве своем разъезжались по домам, священники открывали двери церквей сами.

Еще в полусне она вспомнила, где она. И кто с нею рядом.

Всю ночь он не отпускал ее от себя, но не сковывая движения тесными объятьями, а бережно держа ее за руку. Несколько раз она просыпалась и замечала, что он не спит. Смотрит на нее.

Потом его тоже сморил сон.

Лежать рядом с ним было невероятно уютно. Их тела подходили друг к другу, словно новая, хорошо подогнанная одежда, которая идеально облегалась тело.

Она смотрела, как размеренно вздымается и опадает его грудь в такт ее дыханию. За окном, созывая покупателей, голосил торговец дровами. Его голос далеко разносился в звенящей тишине, шаги были приглушенными. Джейн прислушалась, и за шорохом шагов услышала легкое поскрипывание.

Соскочив с кровати, она подбежала к окну и распахнула ставни. На улице было белым-бело. Снежинки кружились в воздухе, укрывая землю мягким искристым покрывалом. Первый снег!

По полу потянуло сквозняком. Выудив свои вещи из стопки на сундуке, она оделась.

— Дункан, вставай скорее.

— Что такое? — Его выбросило из кровати. Пошатываясь спросонья, он оторопело зашарил по бедрам, словно пытаясь нащупать рукоять меча. — Кто-то идет?

Она улыбнулась. Подобие меча у него все же имелось и стояло торчком между ног.

— Нет. Но смотри! — Она указала за окно. — Там снег!

Протерев глаза, он выглянул наружу.

— Разве ж это снег. — Он закрыл ставни, чтобы в спальню не проникал холод, и снова завалился в постель. — Таким снегом даже ноги не намочишь. То ли дело у нас дома. Порой так наметет, что проваливаешься по колено.

— Тогда мне ужасно понравится у тебя дома! — прокричала Джейн через плечо, сбегая по лестнице вниз. Слова вырвались спонтанно, как будто она не сомневалась, что однажды наступит тот день, когда он отвезет ее к себе домой.

Распахнув двери, она замерла, оглядывая покрытые инеем деревья и вдыхая свежий, промытый снегопадом воздух. Мир словно родился заново. Прошлое исчезло под покровом белоснежного покрывала.

Она услышала позади неохотные шаги. А потом, совершенно неожиданно, Дункан подхватил ее за талию и вихрем закружил по двору. Все вокруг замельтешило, и она, вцепившись в его надежные плечи, завизжала точно малое дитя, обмирая от восторга и страха.

Он отпустил ее. Борясь с головокружением, они закачались, оставляя следы на свежеснежавшем снегу. Набрав полную пригоршню снега, она слепила снежок, кинула в него и попала прямо в грудь. И бросилась удирать, спасаясь от возмездия. Он догнал ее, и они упали, покатались по земле, снег набился всюду — в рот, в уши, был в волосах. Весом своего

тела Дункан придавил ее к земле, и Джейн рассмеялась, глядя ему в глаза.

И увидела в глубине его зрачков горячее желание.

Достаточно было одного взгляда, одного легкого прикосновения, чтобы из искры разгорелось пламя. Они могли бы заняться любовью прямо здесь, во дворе, и не заметить, что лежат на мерзлой, занесенной снегом земле.

Она заерзала, пытаясь сбросить его с себя.

— Не смотри на меня так.

— Как «так»?

— Будто кот на сметану. Это выдаст меня вернее, чем отсутствие пушка у меня на щеках.

Он скатился с нее.

— Покуда спереди у тебя торчат эти штуки, никто не обратит внимания на твои щеки, и уж тем более на то, как я смотрю на тебя. — Он тронул ее ребра, и она поняла, что не перевязала грудь.

— Не надо. — Она встала, задрожав под порывом ветра. Свела плечи, прикрывая ладонями упругие холмики, от которых уже успела отвыкнуть.

— То есть, все? Мне больше нельзя к тебе прикасаться?

Она кивнула на соседние дома. С улицы, из-за забора, их не было видно, но если кто-нибудь выглянет в окно...

Он сцепил руки на груди. Легкое утреннее настроение прошло.

— Женщиной ты умеешь быть еще меньше, чем мужчиной.

Так оно и было, хотя еще ночью она думала, что наконец обрела себя. Вслед за ним она вернулась под защиту стен общежития.

— Что я и пыталась тебе втолковать!

* * *

Пришли святки. Опустевшее общежитие было полностью в их распоряжении, на время превратившись в их личный дворец. Внешний мир будто исчез за пеленою снега.

Дункан не отходил от нее ни на шаг.

Она перестала носить перевязь, и ночной воздух отныне беспрепятственно ласкал ее маленькие, юные груди. Она и не подозревала, что так сильно соскучилась по ним — надолго забытым, истомившимся в тисках тугой перевязи. До чего же приятно было подарить им, наконец, свободу.

Дункану нравилось обнимать ее со спины, лоя ее груди в ладони, а после ловить ее сбившееся дыхание поцелуем.

Они не праздновали Рождество, ибо каждый день был для них чудесным даром. Днями напролет они не выбирались из постели, где лежали, сплетаясь ногами, ели из одной тарелки, пили из одной кружки, кормили друг друга, но чаще забывали о еде и вкушали наслаждение, которое дарили друг другу их тела.

И еще они пели.

С особенным удовольствием она пела непристойные куплеты, только теперь в полной мере понимая смысл содержащихся в них намеков на физическую любовь. Голос ее, наконец-то вырвавшись на волю, звучал как никогда звонко. И когда они пели вместе, их

голоса переплетались и дразнили друг друга словно прикосновения тел.

Однажды ночью, когда он, одной рукой обнимая ее, лениво перебирал струны, она очертила пальцами грань полированного корпуса гиттерн, гладкого и округлого, словно чрево беременной женщины.

— Замечательный инструмент.

Он гордо улыбнулся.

— Я сделал его сам, своими руками.

— Научишь меня играть?

Дункан без колебания вручил ей драгоценный инструмент, и она неловко установила его на коленях. Множество раз она видела, как он перебирает струны маленькой щепочкой, но смотреть — не значит делать. Он создавал мелодию легко и свободно, в то время как ее пальцы оказались способны породить только неуклюжее бречание.

Он обнял ее со спины, и задал ее пальцам правильное положение на грифе.

— Теперь проведи по струнам.

Научившись простенькому мотиву из трех аккордов, она с энтузиазмом исполнила его несколько раз, жалея о том, что петь у нее получается много проще.

— Это труднее, чем учить латынь, — сконфуженно призналась она, возвращая ему инструмент.

Он рассмеялся.

— Может быть, но у музыки у тебя больше способностей.

Она шутливо ущипнула его и вздохнула.

— Подумать только, как же мне не хватало пения.

— У тебя чудесный голос.

— Мама говорила, что голос — единственное, что есть во мне от женщины.

— Тут я бы с нею поспорил, — озорно ухмыльнулся он.

Она улыбнулась и подсунула ступни под его теплое бедро, упиваясь своим женским счастьем и слушая, как он подбирает мелодию.

— Расскажи мне о своей матушке, — вдруг попросил он.

Во рту у нее пересохло.

В эти благословенные дни она и думать забыла о своих секретах. Он узнал, что она женщина, но не узнал, из какой семьи. Что, если ее последняя тайна вызовет у него еще большее негодование? Проверять это предположение она была еще не готова.

— Что именно? — спросила она с деланным безразличием.

— Какой она была? Вы похожи?

«Была». Он все еще думает, что оба ее родителя умерли. Поправлять его она не стала.

— Она была сильной женщиной.

— Значит, похожи.

Джейн так не считала. В свое время ее мать была богата и владела землями столь обширными, что мужчине они могли бы гарантировать место в Палате лордов. Но со смертью ее царственного покровителя все ее могущество сошло на нет, а земли указом парламента отошли ее мужу, который промотал все до последнего гроша и умер.

Оставшись без мужской поддержки, мать растеряла всю свою силу. В этом смысле Джейн совсем не стремилась быть на нее похожей.

— Но за эту силу ее... скажем так, недолюбливали.

— Так уж заведено в мире, — произнес он, медленно водя рукою по струнам. Она,

наконец, вспомнила эту мелодию. Он играл ее в ночь, когда они впервые занимались любовью. — Сильных всегда не любят, и мужчин, и женщин. Она была такая же светловолосая, как ты?

Джейн покачала головой.

— Нет. У нее были темные волосы, и глаза тоже. — Солей унаследовала от матери цвет волос, а вот глаза ни у одной из дочерей не были карими.

— Значит, ты пошла в отца?

— Да. — Она улыбнулась, вспомнив пышную золотистую гриву покойного короля. Сходство с царственным отцом доставляло Джейн немалую гордость, когда она была маленькой. Она воображала себя принцем, который может получить все, что только пожелает — стоит лишь протянуть руку.

Впрочем, разговор об отце лучше отложить на потом.

— Что это за песня?

— Рано пока называть это песней.

Значит, он сложил ее сам.

— А слова уже есть?

— Так, несколько строк. — Он заиграл мелодию с начала и запел.

Смотреть на тебя приятно моим глазам, ласкать тебя приятно моим ладоням, целовать тебя приятно моим устам, любить тебя дорого моему сердцу.

Позволь возлечь с тобой рядом, позволь любить тебя вечно.

Он замолчал, а музыка лилась дальше.

— Конец я еще не придумал.

Она задержала дыхание.

Множество раз она всматривалась в его глаза, пытаясь прочесть его чувства, но только теперь поняла, где они скрывались все это время. Они струились сквозь его пальцы, складываясь в слова, превращаясь в музыку, обнажая перед ней его душу. Каждое слово и каждая нота наполняли ее сердце радостью, подобной той, что он уже подарил ее телу, и сердце ее забило в одном ритме с дрожанием струн.

Наконец, последняя нота уплыла в воздух и затихла. Что же дальше? Она замерла в ожидании. И встретила взглядом с его серыми, полными надежды глазами.

Он отложил инструмент в сторону, и они тесно обнялись. Он нежно гладил ее волосы, а она, закрыв глаза, уютно и расслабленно устроилась у его груди, слушая, как стучит его сердце.

— Да, — шепнула она, отвечая на вопросы, прозвучавшие в песне. — Навсегда — да.

Позднее, ночью, она задумалась, что означает это слово — навсегда.

Всю жизнь она наблюдала, как мужчины ставят себя выше женщин, и обещала себе сделать все, чтобы не попасть в зависимое от них положение.

Когда она жила в Виндзорском дворце, у нее, как у дочери короля, было все — еда, одежда, защита. Невидимые слуги, коих во дворце было несметное множество, разжигали камин, приносили одеяла, исполняли любые ее желания.

Потом они лишились всего. Дважды. Сначала по вине парламента, потом из-за мужа ее матери.

Десять лет, пока они жили в маленьком доме в деревне, каждое полено, каждый кусок хлеба был на счету. Потом Солей вышла замуж. У них снова появились еда, одежда и защита. Конечно, роскошествовать, как в былые времена, не приходилось, но все самое необходимое

было в достатке.

Тот факт, что миром правят мужчины, был для нее очевиден. Но она выросла в доме, где мужчин не было, и потому не имела точного представления, как они этого добиваются. В ее глазах они шагали по жизни и по праву рождения присваивали себе все, что полагали своим.

Только пожив среди них какое-то время, она поняла, что их доля не так проста, как кажется.

Еда и питье не появлялись из воздуха. Любые жизненные блага им приходилось зарабатывать тяжким трудом. Все, что мужчина мог назвать своим, добывалось потом и кровью, благодаря силе его рук, упорству его воли и остроте его разума.

Она серьезно заблуждалась на счет мужчин. Когда они приходили в возраст, их выставляли за дверь, и пробиваться в жизни они должны были сами — своим трудом и умом. Однако по поводу женщин она никогда не питала иллюзий. Если мужчин выставляли за дверь, то женщин запирали в четырех стенах.

Устройство жизни не изменилось с тех пор, как она сбежала из дома. Изменилось другое — она сама.

Раньше она и помыслить не могла, что ею завладеет любовное безумие. Она не думала, что может возжелать мужчину так, как она возжелала Дункана, что будет искать и находить радость в соитии, что будет наслаждаться тем, насколько разные их тела и тем, насколько идеально они подходят друг к другу. Она хотела, чтобы это волшебство задержалось с нею надолго.

Навсегда.

Но если Джон исчезнет, в жизни Джейн больше не будет латыни. Нельзя будет, нацепив шоссy, вольно бродить по улицам, получать знания, распевать в пивной песни вместе с друзьями-студентами. С мечтами увидеть Париж или Рим придется навсегда распрощаться.

А если с Дунканом, не приведи Господь, что-то случится, то она окажется совершенно беспомощной и беззащитной.

Она хотела быть с ним, но не такой ценой. Должен быть какой-то другой выход.

Если Дункан любит ее, он поймет.

— Расскажи о своей семье. — Они лежали в постели, обнявшись, обнаженные после любви. Прижимаясь к нему и слушая его расслабленное дыхание, Джейн подумала, что настал момент расспросить о его близких. Он почти не упоминал о них, больше задавал вопросы о ее семье. — Ты говорил, у тебя есть старший брат. Вас только двое?

Его рука слегка напряглась на ее плече.

— Теперь — да.

Всего два слова.

Она не видела выражения его глаз. Навивая на палец волосы, которые курчавились на его груди под ее щекой, ждала продолжения. Он молчал, и она мягко подтолкнула его:

— Теперь?

— У меня был младший брат.

Был.

— Как его звали?

— Питер.

Она поняла, что это грустная история. Дотянулась до его правой руки и сплела с ним пальцы.

— Он умер, когда ему было шесть.

— От болезни?

— Нет. Не от болезни.

Установилось тягостное молчание.

Опасности подстерегали детей повсюду. Его брат мог утонуть в озере. Нечаянно свалиться в очаг и обгореть. Попасть под колеса повозки. Мысленно она помолилась о здоровье младенца Уильяма.

Наконец, он заговорил:

— Нам было поручено привести стадо с выпаса в горах. Мы шли по краю обрыва. Тропинка была узкая. Я шел впереди, он следом. Потом раздался крик, и я понял, что он сорвался. — Заново переживая горе, он задышал тяжело и неровно. — На то, чтобы спуститься вниз и поднять его, ушло несколько часов. Всю дорогу до дома я нес его на руках. Его ноги, все его косточки... — Содрогание. — Все было переломано.

— Но он выжил?

— Прожил несколько дней.

— Мне очень жаль.

Она сочувственно сжала его пальцы, но он высвободился и сел, словно отгораживаясь от нее и от болезненных воспоминаний, вызванных ее вопросами.

— Оно и к лучшему, что он умер. В нашем мире калекам нет места.

Та безлюдная, суровая, продуваемая всеми ветрами земля, которая взрастила его, не знала жалости. Прекрасная, но жестокая, она не пощадила бы мальчика, лишённого возможности вырасти сильным и прокормить себя.

— Надо было привязать его к себе, — пробормотал он, обратив невидящий взгляд на огонь. Судя по всему, он упрекал себя далеко не впервые.

Она вдруг поняла, почему он воспитал в себе то неодолимое чувство долга, которое понуждало его брать на себя ответственность за всех и вся. Я должен был внимательнее

следить за братом. Я мог уберечь его от гибели. В ее сердце, соединяя их новыми узами, отозвалось похожее сожаление. Я должна была заботиться о своей сестре.

— Сколько лет тебе было?

— Десять.

— Так мало? — Она приподнялась на локте. — Да ты сам был ребенком! И вас не побоялись отпустить одних в горы?

Он выразительно взглянул на нее, всем своим видом говоря — южане.

— А с тобой с утра до ночи возилась нянька?

Она жарко покраснела. Да, у нее была няня. Даже две. В ее детстве всего было вдоволь — фруктов и сладостей, щенков и игрушек, любой еды и питья. Она засыпала под колыбельные, которые тихо наигрывали придворные музыканты, а когда просыпалась, слуги наряжали ее в одежды из лучшего полотна.

— Да, — ответила она, надеясь, что он никогда не узнает о том, что пока его шестилетнего брата заставляли пасти овец, ее саму носили на ручках по Виндзорскому дворцу.

Насупившись, он предупредил:

— Так вот, ничего такого не будет. Я имею в виду, если жить со мной.

— Я знаю. — Она заерзала, уютно устраиваясь у него под боком. — И ничего не жду. Оно мне и не нужно. — Но что же ей нужно? Да только одно. Чтобы он всегда был с нею рядом. — Огонь погас. Давай накроемся одеялом.

Больше они не говорили о будущем.

* * *

Однажды утром, спустя несколько дней после Двенадцатой ночи, Джейн лежала без сна рядом с Дунканом. Между ног приятно саднило после соития. На простынях еще не высохла влага пролитого им семени.

Ни единого раза — даже в ту первую, сумасшедшую ночь — он не забывал об осторожности. Она понимала, что он поступает разумно, но, вопреки здравому смыслу, мечтала принадлежать ему по-настоящему и не разлучаться до самого конца.

Он спал, обнимая ее за талию, а его голова уютно покоилась между ее грудей. Лежа на спине, она с грустью обвела взглядом их маленькое убежище, где на время они спрятались от всего мира.

На сундуке лежал открытым том «Науки любви» Овидия, который они принесли из библиотеки, чтобы читать в постели. Учить латынь таким способом оказалось куда приятнее обычного. Рядом с книгой была вперемешку сложена их одежда и стояли оставшиеся после ужина тарелки. Она напомнила себе не забыть вернуть их на кухню и вымыть до того, как вернуться студенты.

Выбравшись из его объятий, она свесила ноги на пол. Вот и все. Пора опять становиться Маленьким Джоном.

Почувствовав, что она встала, Дункан тоже проснулся и сел, потирая глаза кулаками. Она улыбнулась. Было в этом жесте что-то трогательно-детское, хотя она подозревала, что настоящего детства у него никогда не было.

Она потянулась за перевязью, и пока разворачивала выстиранную и высушенную

полоску ткани, готовясь снова заточить себя в плен, он обнял ее сзади. Прощаясь с ее грудями, он нежно, с благоговением обвел их кончиками пальцев. Тело ее миготом отозвалось на ласку, и она со стоном поцеловала его. И до следующего перезвона колоколов они не отрывались друг от друга.

— Ты сводишь меня с ума, — пробормотал он и прижался губами к ее плечу. — Никак не могу с собой совладать. Так и тянет к тебе прикоснуться.

Она молча высвободилась. Дни, когда можно было без опасения разговаривать, прикасаться и смотреть друг на друга, остались в прошлом. Как же у них получится вернуться к прежней жизни?

Он вздохнул. Под его взглядом она потуже затянула ненавистную перевязь и надела тунику.

— Надо чем-то испачкать твою мордашку. — Он нежно ущипнул ее за нос. — А то слишком заметно, что ты только что вылезла из постели любовника.

В ответ она улыбнулась и поцеловала его, потом, неохотно оторвавшись от его губ, принялась перебирать вещи, разыскивая свои шоссы.

— И как ты столько времени обманывала нас? Любому, у кого есть глаза, видно, что ты девица.

— Люди в большинстве своем слепы. — Поразительно, но это и впрямь было так. — Что поделать, если им хочется видеть перед собой несведущего в латыни мальчишку.

— Или неотесанного северянина, да? — усмехнулся он.

Она ласково провела костяшками пальцев по его ребрам.

— Нелегко нам теперь придется. — Один неосторожный взгляд или жест, и ее жизнь будет сломана. И его жизнь тоже, что пугало ее еще больше.

— Ненадолго.

— То есть?

Он встал и, как был нагишом, принялся мерить шагами комнату.

— Я сегодня же схожу к швее и закажу тебе платье. Потом придумаю, куда тебя пристроить. Может, сыщется хорошая семья, где нужна служанка, а если нет, отвезу тебя в монастырь. Остальным скажем, что тебя вызвали домой, и Джон благополучно исчезнет. Я буду по возможности навещать тебя. Конечно, не каждый день, но...

Жизнь, которую он расписывал, была еще хуже, чем та, от которой она сбежала. Джейн одернула его за руку, прерывая поток этой чепухи.

— Ни в какой монастырь я не пойду!

— Не собираешься же ты продолжать это непотребство!

— Еще как собираюсь. Как иначе я здесь останусь?

Он встряхнул ее за плечи.

— Ты забыла о том, что может случиться, если тебя разоблачат?

— Никто меня не разоблачит, — храбро заявила она.

— У Джеффри уже появились подозрения. Рано или поздно, догадается Генри, а за ним — кто-нибудь еще, менее щепетильный. И тогда то, что было с твоей Гэвис, покажется тебе невинной шуткой.

— Но я не хочу бросать занятия. — Она обняла его за талию. — И не хочу расставаться с тобой. Так, по крайней мере, мы будем рядом. Хотя бы по ночам. — Но при беспощадном свете дня она плохо представляла, как это устроить. После возвращения студентов об уединении можно будет забыть. — Хоть изредка.

— Изредка? По-твоему, этого будет достаточно? — безрадостно буркнул он.

Она закусила губу.

— Если ты отошлешь меня, у нас не будет и этого.

— Скоро мне придется уехать в Вестминстер. Одну я тебя здесь не оставлю.

— И не надо. — На праздниках она забыла обо всем на свете, даже о том, что скоро ему предстоит отправиться на собрание совета и в очередной раз умолять о помощи с выкупом за отца. — Возьми меня с собой. В Вестминстере меня никто не знает и не станет ко мне присматриваться.

Она подняла подбородок. Он должен понять, что она предлагает идеальное решение. Новая одежда, поиск нового убежища — все это требует времени.

Дункан колебался.

— Ты же понимаешь, там не будет ни времени, ни возможности побыть наедине.

— Неважно. Главное, что мы будем вместе.

Этой поездкой Джейн загорелась еще и по другой причине.

Она все еще ломала голову, пытаясь придумать, как им жить дальше, причем так, чтобы эта жизнь устраивала их обоих. Но если каким-то образом склонить короля приблизить ко двору юного амбициозного клерка и его старшего товарища, сведущего в медицине, тогда...

— И кроме того, — она блеснула улыбкой и постаралась как можно точнее воспроизвести его акцент, — тебе во всем Кембридже не сыскать такой достойной женщины в попутчицы.

Он тоже улыбнулся и ответил ей в тон:

— А куда подевалась та почтенная вдова, которой кое-кто помогал по хозяйству?

Джейн прыснула от смеха.

— Она уехала из города.

— Ладно уж, — уступил он со вздохом. — Я возьму тебя с собой. Но только потому, что до отъезда не успею пристроить в другое место. И еще я расскажу обо всем Джеффри и Генри.

— Зачем? Не вздумай! — Если они обо всем узнают, путь назад будет отрезан.

— Я не могу быть рядом ежеминутно. — Страх за нее сделал его непреклонным. — Нужно, чтобы тебя мог защитить кто-то еще помимо меня.

— Они могут нечаянно выдать нас.

— Даже не настаивай. Тебе не переубедить меня, как ни старайся.

— Тогда не говори им до нашего отъезда, — взмолилась она в попытке выторговать еще несколько дней свободы.

— Джейн, я расскажу им, как только они вернутся с каникул, и точка.

— Меня зовут Джон, — сказала она, глядя на него в упор. — Постарайся не забывать.

Его глаза потемнели.

— Тебя зовут Джейн. Постарайся не забывать.

Она проглотила возражения. Чем дольше они спорят, тем сильнее он упирается. Но он разумный человек и со временем сам придет к выводу, что единственное логичное решение — оставить все на своих местах.

Вернувшись в реальность, Дункан машинально занялся своими привычными обязанностями. Настроение было неважным. Джейн ушла в пекарню, куда он с неохотой отпустил ее одну, а сам Дункан тем временем встретился с поваром, чтобы узнать, все ли готово к началу семестра.

Почти месяц они ни на минуту не расставались. Он словно прирос к ней. Нежность, любовь, душевный покой — с нею он обрел все, к чему стремился.

Жизнь рядом с этой удивительной девушкой, в которой прямота и храбрость сочетались с поистине мужской силой духа, была напоена открытиями и бесконечной радостью.

Как можно было допустить даже мысль о том, чтобы отослать ее прочь?

Но теперь к влечению примешался страх.

Он смотрел на нее — и видел не Джона, а Джейн. Ее смех, ее улыбка, ее голубые глаза, которые становились почти синими, когда он к ней прикасался... Боже, да любой, кто увидит, как они друг на друга смотрят, немедленно обо всем догадается.

Хорошо, что после возвращения студентов в общежитии будет стоять такая суматоха, что на них никто не обратит внимания, а там придет срок уезжать в Вестминстер.

Плохо, что отъезд не решит проблему, а отложит ее на короткое время. Что будет потом? Ситуация казалась ему совершенно неразрешимой.

Ему нечего было ей предложить. Ни сейчас, ни через годы. Но ни одна женщина не согласится ждать так долго.

Он не был монахом, но о женитьбе никогда не задумывался. Возможно, когда он оставит университет и начнет зарабатывать на жизнь медициной... Но он был связан обетом преподавать, а значит задержится в Кембридже еще на два года. Плюс на то, чтобы стать полноценным медиком, уйдет не менее десяти лет, если брать в расчет обучение на континенте.

Вот еще аргумент против. Если они поженятся, придется знакомить ее с родителями и с его былым образом жизни — со всем, что он старался вычеркнуть из своей памяти.

Дункан знал о Джейн далеко не все, но достаточно для того, чтобы понимать, что она воспитывалась совершенно иначе, нежели он. Она привыкла к комфорту и сытой жизни, к тем вещам, за которыми он ушел из Иденской долины и которые до сих пор не нашел.

Допустить, чтобы она и дальше жила в общежитии под видом мальчишки, он не мог. А какие были еще варианты? Навязать ей жизнь на севере, от которой он в свое время удрал? Тоже невозможно.

В первую очередь он должен сосредоточиться на спасении отца. Все остальное подождет. Что делать с Джейн он придумает по возвращении из Вестминстера.

Искушение нашептывало оставить ее при себе. Но чем дольше они остаются вместе, тем выше вероятность, что в конце концов судьба обременит его не только женой, но и ребенком.

Он был сильным человеком, но даже сильный человек не может сопротивляться искушению вечно.

Он сам научил ее логике. Рано или поздно она согласится с тем, что дальше так продолжаться не может.

Накрошив луковицу на кусочки, Джейн бросила их в горшок с кипящей водой. На кухне стоял дым коромыслом, ибо общежитие снова заполнили студенты, и все они были голодны с дороги. Ее грудям было тесно под влажной от пота полоской ткани. За месяц на воле они будто бы подросли.

— Маленький Джон, Дункан, где вы? — послышался голос Генри.

Нацепив на лицо маску Маленького Джона, она выбежала наружу и обняла его, но из-за пугающего заявления Дункана радость от встречи несколько омрачилась.

— Смотрю, в отсутствие повара ты несколько не отощал, — сказал Генри.

Дальше своего носа он, как обычно, не видел и никакой перемены в ней не заметил.

Сверху спустился Дункан, и они с Генри, следуя приветственному ритуалу, обменялись шутливыми тычками, а потом крепко обнялись.

— Где Джеффри? — спросил он, избегая ее взгляда.

— Зашел в лавку за пергаментом. К ужину обещался вернуться. — Генри повернулся к ней: — До сих пор не понимаю, почему ты предпочел остаться с этим остолопом, вместо того чтобы провести каникулы у меня в гостях, как я предлагал.

В ответ на это оскорбление Дункан вполне естественно изобразил смех, а она сбивчиво оправдалась тем, что должна была готовиться к экзамену у магистра грамматики.

— Когда он вернется, нам надо будет поговорить, — сказал Дункан и косо взглянул на нее.

Джейн сделала умоляющие глаза, но его решимость не дрогнула.

* * *

На город опустились зимние сумерки. Джеффри не вернулся.

Студенты разместились за длинными столами и принялись за еду, но радостное оживление сошло на нет. Все прислушивались, не раздастся ли стук в дверь.

После ужина она увидела, как Дункан вышел на улицу и огляделся, словно ждал, что Джеффри откликнется на его взгляд. Затем он вернулся, чтобы накинуть плащ, и снова вышел наружу. Джейн тоже оделась и вместе с Генри последовала за ним.

Вечер выдался на редкость морозным. После шумных дневных братаний на улице казалось особенно тихо. Мимо Святой Троицы, оставляя за собой облачка дыхания, прошли двое педелей.

— Наверное, он засиделся где-нибудь и забыл о времени, — сказал Генри.

Однако никому из них в это не верилось. Джеффри не отличался забывчивостью. Он непременно вернулся бы к ужину, как обещал, но, очевидно, что-то или кто-то помешал ему это сделать. По спине Джейн пополз холодок дурного предчувствия.

Педели завернули за угол и скрылись на Бридж-стрит. Кивком головы Дункан поманил Генри за собой.

— Обожди здесь, — шепнул он ей, но Джейн не послушалась и увязалась за ними следом.

Они дошли до черного силуэта колокольни Святой Марии и повернули на Хай-стрит. Вечер стоял глухой, безлунный. В морозном воздухе ясно слышался каждый шорох. В полном молчании они дошли до лавки торговца пергаментом, попутно прислушиваясь к любым звукам, которые могли навести их на след пропавшего друга.

Где-то заплакал ребенок. Мать запела колыбельную. Из общежития Фисвика донесся взрыв хохота.

Лавка торговца пергаментом была закрыта, но сквозь щель в ставнях на верхнем этаже пробивался свет от свечи. Дункан несколько раз постучал. Ставни распахнулись, и из окна выглянул хозяин.

— Закрыто. Уходите.

— Мы разыскиваем одного студента. Высокий, плечи узкие, волосы тонкие — не заходил такой?

— Заходил, но давным-давно ушел. Верно, спит в своей постели, как и положено добрым людям. — Лавочник со стуком захлопнул ставни и опустил щеколду.

— Давайте поделимся, — шепотом предложила Джейн. Кембридж — большой город. Джеффри может быть где угодно.

Дункан покачал головой.

— По одиночке мы — легкая добыча.

Верно, так оно и случилось с их другом. Генри сжал кулаки, готовясь пустить их в ход.

Поиски продолжились. Сперва они обошли все прилегавшие к лавке улицы и переулки, потом принялись осматривать квартал, который лежал между колледжами и рекой.

Перед глазами Джейн промелькнули все четыре месяца ее жизни в Кембридже. Вот конюшни, где она ночевала. Вот закоулок, где она познакомилась с Гэвис. А вон церковь, на углу которой они с Дунканом расстались в самый первый день.

Раньше она боялась неизвестности. Теперь она точно знала, чего бояться.

В конце концов они дошли до реки. Джейн шагнула поближе к Дункану. Слева ее прикрывал Генри. В окрестностях реки и в дневное время было небезопасно. Стояла мертвая тишина, только храп лодочника, спящего в своей лодке, доносился откуда-то издали. Силуэт Тринити-холл, защищенного решетками и оградой, остался далеко позади.

Потом Джейн услышала стон.

Бросив взгляд на Генри, Дункан обнял ее за плечи и прижал к себе, а она, понадеявшись, что в темноте их товарищ ничего не заметит, спрятала лицо у него на груди. Ровное биение его сердца немного успокоило ее нервы.

Как же она жалела, что месяц уединения и покоя безвозвратно прошел.

Снова стон. Совсем слабый.

Она побежала на звук, продираясь сквозь мерзлые заросли на берегу.

— Джеффри?

— Стой! — крикнул Дункан и вместе с Генри бросился за нею следом.

Она добежала первая. Джеффри с закрытыми глазами лежал навзничь между корнями ивы. Его одежда была изорвана, а сам он был сильно избит. Все трое опустились на сырую, холодную землю и склонились над ним. Его тощая грудь неровно вздымалась. Видимо, он пролежал так не один час.

Она тревожно взглянула на Дункана.

— Надо отнести его домой, — сказал Генри.

— погоди. Сначала проверим, насколько сильно он пострадал.

Дункан потрогал его пульс, потом опытными движениями ощупал голову и конечности, проверяя, не сломаны ли кости.

Джеффри медленно пришел в себя и открыл глаза.

— Я вас уже заждался. — На его потрескавшихся губах дрогнула улыбка.

— Чем пропадать, мог бы просто спросить, не соскучились ли мы, — произнес Дункан с заметным облегчением в голосе. Значит, обошлось без серьезных травм.

— Только не сообщайте Мэри, — еле слышно прохрипел он.

— Уж будь покоен, я от нее ничего не скрою, — поддразнила она его в духе Маленького Джона. — Пусть приедет и задаст тебе настоящую трепку за то, что причинил нам столько хлопот.

Но, как женщина, она надеялась, что Мэри никогда не узнает о том, что едва не потеряла своего жениха.

— Кто это сделал? — Генри стиснул кулаки.

С помощью друзей Джеффри сел и поморщился от боли.

— Какие-то местные напились. — Речь давалась ему с трудом. — Стали буянить. Угадайте, кто попался им под горячую руку?

— Ты можешь идти? — спросил Дункан.

Тот, поморщившись, кивнул.

— Только дай опереться о твою руку.

Но этого оказалось мало. Дункану и Генри пришлось подхватить товарища с двух сторон и всю дорогу до общежития практически нести его на руках. Дома они рассказали тем, кто еще не спал, о том, что произошло, и, прежде чем Дункан успел вмешаться, двое старших студентов выбежали за дверь, горя желанием выместить на ком-нибудь свою злость.

— Положим его у меня в спальне, — сказал Дункан внизу лестницы.

Джейн убежала вперед, расправила кровать и разожгла в очаге огонь. Генри завели в комнату и уложили в кровать. Свежие простыни немедленно перепачкались грязью.

Сходив за водой и тряпками для перевязки, она вернулась. В лицо ударил теплый тошнотворный запах крови. Трясущимися руками она поставила горшок с водой на огонь и отошла к окну, стараясь не смотреть на кровать.

Из окна потянуло свежим воздухом. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох, отчаянно мечтая очутиться внизу, или на кухне, или в общей комнате. Она хотела быть где угодно, только не здесь...

Она оглянулась. Спины Дункана и Генри, склонившихся над кроватью, загоразивали обзор, и она увидела только огромный лиловый кровоподтек на плече Джеффри и его запрокинутую голову со слипшимися от крови волосами. Сделав последний глоток свежего воздуха, она принялась собирать с пола его изорванную одежду. Потом намочила чистую тряпицу и отжала.

— Дже... Джон! — окликнул ее Дункан.

Она бросила взгляд на Генри. Но тот что-то бормотал, склонившись над избитым другом, и ничего не заметил.

Подойдя к кровати, она легонько коснулась Дункана плечом.

Я здесь.

Он забрал влажную тряпицу, и хотя его внимание было целиком сосредоточено на избитом друге, успел одарить ее мимолетной улыбкой.

Она все еще дышала. И знала, что нужно делать.

Оставив Генри дежурить в спальне, они вышли и притворили дверь. За эти часы Джейн перетаскала столько воды, что у нее разболелась спина, но все было не напрасно — Джеффри наконец-то заснул. Он был серьезно избит, но, по счастью, отделался только синяками и ушибами.

Дункан выглядел изможденным. Ее пальцы проскользнули в его ладонь и пожали ее. До чего же грустно, что общежитие уже не принадлежит им одним.

— Он поправится. Ты сделал все, что мог.

Он невесело улыбнулся.

— Завтра покажу его врачу. Вдруг я что-нибудь упустил.

— Дункан! — окликнули его снизу. — Эндрю и Роберт подрались с парнями из «Сент-Бенета». Роберта забрали педели, а у Эндрю выбито плечо.

Он вздохнул.

— С плечом мне понадобится твоя помощь.

Она кивнула и сошла за ним вниз.

— Думаю, пока что Джеффри необязательно знать, что за ним ухаживала женщина, — шепнула она по пути, и Дункан кивнул.

Он и сам понимал — сейчас не время открывать кому-либо ее тайну.

Спустя несколько дней Дункан наблюдал за тем, как Джеффри, держась за Генри, ковыляет вниз по лестнице. Его подвели к скамье у очага и помогли сесть.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Уже нормально, — бодро ответил за друга Генри.

— Нормально до такой степени, что он выдернул меня из постели. — По счастью, Джеффри довольно быстро пошел на поправку, и можно было не опасаться, что он пропустит начало семестра.

Другим пострадавшим студентам повезло меньше. Эндрю предстояла встреча с хирургом, а Роберт целую ночь промучился в тюрьме, прежде чем Дункан смог его вызволить и обработать его раны старым вином. Сочувствие, впрочем, не помешало ему оштрафовать обоих драчунов, но, узнав от владельца «Сент-Бенета», что его подопечным досталось еще крепче, Дункан не сдержал улыбки.

Из кухни вышла Джейн, помахала им и направилась к выходу.

— Я сбегая в пекарню. Нужно запастись хлебом в дорогу.

— Без меня ты и шагу за порог не сделаешь.

Воспоминание о том, каким они нашли Джеффри, было слишком свежо. Надо найти для нее другое жилье, более подходящее для женщины, ибо риск того, что ее раскроют, с каждым днем увеличивался. Да, решение взять ее в Вестминстер не отличалось мудростью, но оставлять ее здесь одну было еще опаснее.

Она резко остановилась.

— С чего вдруг? Весь семестр я всюду ходил один. И в пивную, и в пекарню, и за пергаментом, и за дровами.

Генри ухмыльнулся.

— С логикой у парня порядок. Неплохое начало дискуссии.

К его щекам прилила кровь. Все верно. Он сам виноват, что среди молодых студентов повелось выходить в город в одиночку. Надо было давно пресечь эту дурную практику на корню.

— То было раньше.

— Раньше?

До того, как я узнал, что ты женщина.

— У меня на руках трое избитых студентов. Еще один такой мне не нужен.

— Да не собираюсь я затевать драку.

— Как бы ее не затеяли другие, вот чего я боюсь. Боец из тебя никудышный, Маленький Джон, — сказал он с нажимом на последнее слово.

Скрытое оскорбление заставило ее покраснеть.

— Тогда научи меня драться.

— Нет. — Он пытался отвести от нее взгляд и не мог.

— Парень дело говорит, — вмешался Генри. — Он должен уметь защищаться.

— Нам и без того хватает проблем. — Чтобы освободить Роберта из лап педелей, пришлось выплатить немаленький штраф. Если его подопечные будут и дальше ввязываться в неприятности, общежитию грозит испытательный срок, а то и закрытие.

— Ну, раз Дункан упрямится, поучишься у меня, — сказал Генри и поднялся на ноги.

— Нет! — Он удержал друга за руку. Мысль о том, что кто-то другой будет к ней прикасаться, была непереносима.

— Либо ты, либо Генри, — усмехнулась Джейн. — Выбирай. — И вся троица в ожидании уставилась на него.

Он отпустил Генри.

— Я. — Никому, кроме него, не дозволено к ней приближаться.

Ему претило заниматься этим при зрителях, но на улице было слишком холодно. Помещение тем временем уже заполнилось любопытными студентами. Они отодвинули столы, расчистив пространство для драки, и теперь галдели, наперебой давая советы.

Джейн приготовила кулаки. Ее глаза возбужденно сверкали.

— Я готов.

Когда ее изящные кулачки взметнулись вверх, Дункан пришел в отчаяние. Ее женственность была для него настолько очевидна, что он поразился, как остальные этого не замечают. Лишь бы студенты и дальше оставались такими же невнимательными.

— Начнем с правильной стойки. Выстави левую ногу вперед. Нет, еще дальше.

Она покачнулась, стоя на цыпочках. Бедра оттягивали ее назад.

— Так?

Ничего не поделаешь. Придется до нее дотронуться.

Он встал за ее спиной и носком башмака выдвинул ее ногу вперед, стараясь не смотреть на плавные линии ее бедер.

Но его лицо находилось слишком близко от ее волос. Ее женский запах моментально вскружил ему голову, унося в воспоминаниях на их узкое ложе. Еще немного — и он снова обнимет ее, а она прильнет к его груди...

Он кашлянул, надеясь, что его возбуждение не бросается в глаза.

— Разверни ступни вправо. — Он посмотрел вниз. — Обе. И привстань на носки.

Она потеряла равновесие, и ему пришлось придержать ее сзади.

— Дункан прав, — вскричал Генри. — Ты как девчонка!

— Уступи, — прошептал он. Волосы около ее ушка щекотали его губы. — Женщине не пристало драться.

— Нет, — шепнула она через плечо. — Не думаю, что это сложнее, чем *De modis significandi*.

Если бы...

— Подними руку, — сердито приказал он. — Сожми в кулак. — Показывая как надо, он сомкнул пальцы вокруг ее кулачка, стараясь не замечать бешеное биение пульса в ладони.

Роберт, под глазом которого цвел черный синяк, засвистел, подгоняя их, и студенты поддержали его грубыми выкриками. Всем не терпелось поскорее увидеть драку.

До него дошло, что он обнимает ее слишком долго. Он отошел и повернулся к ней лицом. Мужская одежда, мужская стойка... Она выглядела нелепо, даже абсурдно.словно овца, на которую потехи ради нацепили *sarra clausa*.

Она держала кулак чересчур свободно. Так недолго и пальцы сломать.

— Крепче. И не заправляй большой палец в кулак.

Она послушалась, но что толку от того, что она четко выполняет все его указания? Он оттачивал свое умение драться с самого детства. Женщине, которой ни разу не приходилось отстаивать свою честь кулаками, ни в жизнь этому не научиться.

— Опустиплечи. Прижми локти к бокам. — Он вскружил вокруг нее. Сосредоточенно

наморщив лоб, она копировала его движения. — Вот так, правильно. Нужно постоянно двигаться. Держись от противника накоротке, но если что, будь готов отскочить.

Он чувствовал себя кавалером, танцующим с леди, и никак не мог отделаться от этого ощущения.

— Если победит наставник Дункан, угощаю гасконским красным, — крикнул кто-то.

— А я ставлю на Маленького Джона. Он подвижнее.

Обернувшись, он увидел, как студенты выгребают из карманов монеты и делают ставки. Кому же из них повезет?

Он заставил себя продолжить урок. Джейн и впрямь двигалась легче, она держалась ровно напротив, но не слишком близко.

Теперь пусть попробует его ударить.

— Замахнись хорошенько и нанеси удар правой.

Центр тяжести в ее теле располагался ниже, чем у мужчины, и это помешало ей размахнуться как следует. Да и мышцы ее спины и плеч были недостаточно развиты. Когда ее кулачок мягко стукнулся о его грудь, он почти ничего не почувствовал. На лице ее размажут по земле с таким-то ударом.

Студенты тут же ее освистали.

— Заткнитесь, неучи. Дайте парню шанс. — Он стиснул зубы, испытывая большое желание утащить ее в свою комнату и посадить под замок.

Однако время, проведенное в общежитии, похоже, не прошло для нее даром. Судя по тому, как решительно она свела брови, насмешки не смутили ее, а раззадорили.

— Бей сильнее, — сказал он. — Не бойся.

И она ударила его со всей силы — да так, что он скривился от боли. Зрители одобрительно загудели. Дункан потерял плечо, подозревая, что завтра оно станет синим. Впрочем, в настоящем бою такой удар показался бы ему пустяковым.

— Расслабь немного локти.

— Дай я покажу, как надо! — К ним подскочил Генри. Не успел Дункан вмешаться, как он встал в опасной близости за спиной Джона, распрямил «его» плечи и взялся за «его» талию.

Она вздрогнула. Дункан посмотрел на нее выразительным взглядом. «Прекращай», — приказывали его глаза. — «Немедленно. Ты слишком рискуешь». Он знал: она сама понимает, что заигралась. Пора уступить ему и сдаться.

— Отпусти его, — сказал он Генри и развернулся к ней. — Давай еще разок.

Джейн пошла в наступление. Готовясь увернуться, Дункан внимательно следил за ее руками. Но удар настиг его не сверху, а снизу — внезапно изменив тактику, она врезала ему коленом прямоком в пах. Он покачнулся, давясь воплем от боли, и тогда она сделала то, чего он точно никак не ожидал — с разворота добила его ударом кулака в челюсть, и он, как подкошенный, рухнул на пол.

Комната взорвалась аплодисментами. Генри поднял ее руку вверх, провозглашая «Джона» победителем. Она ослепительно улыбнулась, ликуя, а в следующее мгновение уже озабоченно присела с ним рядом.

— Ты как? Очень больно?

подавив стон, он отмахнулся.

— Поздравляю. Ты победил. Можешь идти в пекарню. — И он закрыл глаза, гадая, кто же поставил на ее победу и сорвал куш.

Поцеловав жену и сына, который что-то попискивал на своем младенческом языке, Джастин усадил свою семью в повозку. Дорога в Вестминстер на этот раз отнимет больше времени. Солей еще не набралась сил, чтобы путешествовать верхом, а без нее он не хотел ехать.

Солей оправилась. Его сын был здоров. Воистину, он мог считать себя баловнем судьбы. Только одно омрачало их счастье.

— Мы будем искать ее, пока не найдем, — сказала Солей.

Джастин кивнул.

— Я поеду в Кембридж сразу же после заседания совета.

Но они оба помнили то, что передал им гонец. По словам какого-то кембриджского студента, несколько месяцев назад похожую девушку видели в компании пилигримов.

Если этой девушкой была Джейн, она давно ушла из Кембриджа.

Едва поспевая за Дунканом, Джейн шагала по широким коридорам Вестминстера.

Все ее существо трепетало. Наконец-то она здесь, в центре мира, в месте, где дышит величием и пропитано запахом власти. И почему Солей с Джестином предпочли удалиться от двора? Непонятно.

Резиденция правительства была огромной и многолюдной. У нее разбежались глаза. Людская толча, пышные одежды, несмолкающий гул разговоров — все было словно в тумане.

Она надела свое лучшее облачение, но здесь оно выглядело таким поношенным и жалким, что к ее досаде придворные то и дело на нее оборачивались. К счастью, они отводили взгляд, едва понимали, что перед ними — ничтожный школяр в компании кембриджского наставника. Проталкиваясь сквозь толпу, она с трудом подавляла в себе желание поставить их всех на место. Вы хоть знаете, перед кем задираете нос? Да будет вам известно, перед вами дочь короля!

Дункан, выражение лица которого было крайне мрачным, свое развевающееся университетское одеяние носил будто броню. С момента отъезда из Кембриджа между ними установились натянутые отношения. Ну почему ей было знать, что в той шуточной драке он рассчитывал на победу? Она-то думала, он порадуетя тому, как хорошо она умеет защищаться.

— Смотри. — Она потянула его за рукав. — Вон король.

Он проследовал за ее взглядом. Король Ричард стоял неподалеку в компании двоих придворных и с важным видом о чем-то с ними беседовал.

— Кто это с ним? Члены совета?

— Один. Тот, что слева. Это Моубрей, граф Ноттингемский.

Она с любопытством уставилась на графа. На вид он казался не старше Дункана. Надс же, так молод, а уже заседает в совете.

— А кто второй? — Человек по правую руку от короля держал свиток пергамента.

— Один из его клерков.

Судя по тому, что этому клерку доверили документы с подписью короля, он был достаточно важной персоной. Наверное, скоро его отправят с важной миссией во Францию или Богемию.

Она почувствовала укол зависти. Волнующее ощущение от пребывания при дворе было словно забытый сон. Здесь собирались важные люди, чтобы решать важные вопросы. Вблизи короля приобретало вес абсолютно все — даже она.

Как же она соскучилась по этой атмосфере, по чувству собственной важности. Если бы только они с Дунканом могли...

Король обернулся, будто почуввав спиной ее пристальный взгляд.

Джейн упала на колени. Король приблизился к ним, и она задержала дыхание.

— И вы здесь. Юный студент и его наставник.

— Ваше величество. — Дункан коротко поклонился. — Следуя вашей рекомендации, я прибыл, чтобы изложить свое дело перед советом.

Голубые глаза короля были пустыми.

— Об ускоренном вторжении в Шотландию и о моем отце.

— Ах, да. — Он отвернулся и обратился к Джейн: — Как поживает твоя латынь, юноша?

— Очень хорошо, ваше величество. Наставник Дункан — прекрасный учитель.

— Не сомневаюсь. — Король мельком взглянул на него. — Но в Кингс-холле наставники еще лучше. Хочешь там учиться?

Обучение в Кингс-холле автоматически гарантировало высокую позицию при дворе. Она почувствовала, что Дункан напрягся.

— Ваше величество, мальчик еще не вполне...

Король жестом приказал ему замолчать.

— Пусть мальчик ответит сам.

Она потеряла дар речи. Ей предлагали то, к чему стремилась с момента прибытия в Кембридж. От мечты отделяло всего одно слово — «да».

Но так ли уж ей нужен теперь этот колледж?

Она нерешительно взглянула на Дункана. Глаза его были непроницаемы, и она поняла, что право выбора он оставляет за ней.

Его черная мантия, нарочито правильная речь — все это было маской. Он тоже скрывал свое истинное лицо. Только она знала, каким на самом деле был ее северянин — смешливым, упрямым, чувствительным, тонко понимающим музыку.

И только он знал, какой на самом деле была она.

Он знал, что она любит Овидия и ненавидит спрягать глаголы, что может долго-долго — дольше него самого — тянуть последнюю ноту застольных песен, что она боится щекотки, если трогать чувствительное местечко на сгибе ее локтя, и еще тысячи самых разнообразных мелочей, благодаря которым рядом с ним она ощущала себя живой и бесконечно счастливой.

Но он не знал самого главного. Того, что король, выдавший жалованную грамоту Кингс-холлу, был ее отцом.

Принять предложение короля означало потерять Дункана. К такому выбору она была не готова.

— Вы очень великодушны, ваше величество, — осторожно начала Джейн. Отказать

королю нужно деликатно, чтобы он не прогневался. — Ваше предложение — великая честь для меня, но увы, на данный момент я его недостойн. Однако я буду безмерно счастлив им воспользоваться, как только наставник Дункан сочтет, что я достаточно подготовлен. — И она поклонилась так низко, что стукнулась лбом о колено.

И услышала, как Дункан с облегчением выдохнул.

Она подняла голову и взглянула на короля, пытаясь оценить его настроение, но тот уже отвернулся и переключил внимание на своих спутников.

— Разумеется. — Небрежным взмахом руки он дал понять, что аудиенция окончена, и удалился.

Не говоря ни слова, Дункан развернулся и пошел прочь.

* * *

Джейн догнала его у входа в парадный зал, где король по обыкновению принимал посетителей.

— На самом деле у меня нет никакого желания учиться в Кингс-холле, — яростным шепотом сообщила она и к своему удивлению поняла, что говорит правду. — Просто я не хотела злить его полным отказом.

— Делай, что хочешь. Мне без разницы. В компании лоботрясов из Эссекса, Бедфорда или откуда ты там пришла, тебе самое место.

Он отказывался даже смотреть в ее сторону, и Джейн чуть не застонала от досады. Таким она давно его не видела. Попытку решить вопрос дипломатично он почему-то воспринял как личное оскорбление.

До чего же жалко, что нет возможности остаться наедине. Когда они оказывались в постели, все споры, все разногласия меркли.

Прижавшись к его боку, она принялась разглядывать пеструю толпу придворных, облаченных в пурпурные, голубые и зеленые наряды. Строгая мантия Дункана среди всего этого разноцветья помечала его как ученого, достойного уважения человека.

Она безразлично скользила взглядом по лицам, как вдруг... увидела мужа сестры, стоявшего на некотором отдалении. Огромное помещение парадного зала внезапно стало тесным.

Она нырнула за спину Дункана. Водить за нос можно незнакомцев, но Джастин мигом ее узнает. Если же с ним приехала Солей... А она, если позволило здоровье, несомненно приехала. Эта парочка никогда не разлучалась. Они и вздохнуть не могли друг без друга.

Теперь-то она понимала, почему.

— Смотрите, вон леди Солей, — зашушукались за ее спиной какие-то дамы. — Как она расцвела после родов.

Она вытянула шею и разглядела Солей, которая сквозь толпу пробиралась к Джастину. Значит, и сестра, и племянник здоровы. Сплетницы оказались правы — Солей поистине лучилась счастьем. Но где же ее малыш? Интересно, какой он? Ведь минуло около пяти месяцев.

Сзади снова зашептались:

— Вот уж не ожидала увидеть их с мужем при дворе. Они здесь редкие гости.

Смешок.

— Немудрено, учитывая, кто ее мамаша.

Джейн закусила губу. Ну вот, опять. Похоже старые сплетни будут преследовать их вечно.

Солей тем временем заняла свое место около Джастина. Если она обернется, если перехватит ее взгляд или заметит в толпе ее светлые волосы... Нет, только не сегодня. Только не сейчас, когда ее будущее настолько не определено.

Она тронула Дункана за рукав.

— Мне надо выйти.

Он всмотрелся в ее лицо, уже не сердито, но обеспокоенно.

— Тебе плохо?

— Нет... просто немного скрутило живот. — Изображать тошноту не пришлось, ее голос и без того звучал еле слышно. — Подыщу свежим воздухом.

Пока он не забросал ее новыми вопросами, она поспешила к выходу, но на пороге на свою беду обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на сестру, и неожиданно встретила с нею взглядом. Глаза Солей распахнулись. Она узнала ее!

Растолкав локтями толпу, Джейн выбежала из парадного зала и, не разбирая пути, понеслась прочь, то взбираясь по лестницам, то спускаясь вниз, то сворачивая в первые попавшиеся коридоры. Она бежала, куда хватало дыхания, и наконец, совершенно выбившись из сил, присела у высокого стрельчатого окна. Внизу неторопливо несла свои воды холодная Темза.

Глаза обожгло слезами, и к горлу подступили рыдания.

Она снова сбежала, и ее снова настигла ее женская суть. Ни один мальчишка не стал бы вот так трусливо давать стрекача, а после, забившись в угол, размазывать по щекам слезы. Каким же наивным был ее план до конца жизни притворяться мужчиной. Ее груди вырастут. А вот борода — никогда.

Тяжесть камнем сдавила грудь, перекрывая дыхание, как бывало всегда, когда она задумывалась о возвращении к прежней жизни. Если поступить в Кингс-холл, если стать клерком при короле, если никто не разоблачит ее...

— Джейн?

Она обернулась и увидела Солей.

Спустя мгновение они уже обнимались, и плакали, и бормотали сквозь слезы, как они счастливы видеть друг друга в добром здравии.

— Мы боялись, что потеряли тебя навсегда. — Наплакавшись, Солей промокнула глаза платком и передала его Джейн. — Как же я рада, что ты жива и здорова.

— А я рада, что ты!

Они счастливо рассмеялись.

— Ты поправилась? И малыш тоже здоров?

Последние слезы сестры растворились в улыбке.

— Младенец Уильям растет исключительно крепким, горластым и вечно голодным молодым человеком, а Джастин превратился в нежного и заботливого отца.

— Я думала, мама будет настаивать, чтобы его назвали Эдуардом. — В честь короля.

Лицо Солей приобрело странное выражение. Она пожала плечами.

— Может быть, нашего следующего.

— И где же сейчас малыш Уильям?

— С няней. Ты непременно должна с ним познакомиться.

Джейн кивнула и высморкалась.

Солей окинула внимательным взглядом ее шоссы и коротко остриженные волосы.

— Мы с мамой всегда подозревали, что ты несчастлива, но надеялись, что все изменится, когда ты подрастешь.

Джейн понурилась. Она изменилась, вот только покоя в душе это не прибавило. Как подобрать слова, чтобы объяснить это, когда боязно даже взглянуть сестре в глаза?

— Я жила в Кембридже, — сказала она, уводя разговор от болезненной темы.

— Так близко! Мы как раз собирались заехать туда после собрания совета и поискать тебя.

— Я долго не решалась отправить вам весточку, потому что боялась, что вы догадаетесь, где меня искать. — Она запнулась. — Но я вовсе не хотела, чтобы вы волновались.

— Иди сюда. — Солей усадила ее рядом с собой на верхнюю ступеньку лестницы, подальше от оконного сквозняка. — Расскажи мне все. Как ты попала в Кембридж, чем занималась, как оказалась здесь — все-все-все, с самого начала.

С самого начала. То есть, с того момента, как она бросила сестру в душных родильных покоех.

— Знаю, я должна была остаться и помогать тебе, но я так испугалась. — Во рту снова возник горький привкус страха, что она не справится, что проявит себя не лучшим образом. — И поэтому сбежала. Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?

Со вздохом сестра пригладила ее непокорные кудри.

— Я знаю, женские обязанности всегда тебя тяготили.

Ее затопило облегчение. Дункан тоже знал и понимал ее, но постичь ее чувства до конца могла только другая женщина.

— Я отправилась прямиком в Кембридж, — начала она свой рассказ, решив пока не упоминать о Дункане. — Занималась латынью. Через месяц я буду держать экзамен перед магистром грамматики, и если выдержу его, то меня примут в колледж.

Она не стала хвастать, что этим колледжем может стать опекаемый королем Кингс-

холл. Незачем вываливать на сестру всю информацию сразу.

— Где ты жила?

— В общежитии. Чтобы оплачивать пропитание и кров, я помогала на кухне. — Она объяснила, на какие ухищрения ей пришлось пойти, чтобы жить незамеченной среди мужчин.

— И ты осталась невредима? — Сестра сжала ее ладони, и между ее бровей залегла тревожная морщинка. Она представляла, насколько рискованной была эта авантюра.

— Да, — твердо ответила Джейн, ибо она хотела утешить сестру, а не испугать.

— Неужто никто не знает, что ты женщина? — недоверчиво спросила Солей.

Джейн улыбнулась. Испытывать желание быть кем-то иным, кроме женщины? Это было за пределами понимания ее прекрасной сестры.

— Знают только двое. Одна — моя подруга. — Странное слово. И особенно странно думать о Гэвис в этом смысле, когда рядом Солей. Они были такими разными. Если бы судьба свела их вместе, у них едва ли нашлись бы общие темы для разговора. — Кстати, это ее брат приезжал к вам.

— Ну, а кто же второй? — подсказала сестра, когда она замялась.

Солей смотрела так пристально, словно уже обо всем догадалась и теперь ждала, когда Джейн подтвердит ее подозрения вслух.

— Человек, с которым я сюда приехала.

Сестра задумалась, будто перебирала в памяти лица, увиденные в толпе.

— Твой наставник.

Она кивнула.

— И ты счастлива. — Это был не вопрос.

— Ох, Солей, — сдавленно всхлипнула она. — Боюсь, мною завладело то самое безумие, о котором ты предупреждала.

— То есть, как ни пыталась ты убежать от своей природы, в конце концов она все же настигла тебя.

Она кивнула, глотая слезы.

— И ты отдалась ему. — И опять сестра не спрашивала, а утверждала.

Неужели это настолько бросается в глаза? Или все дело в том, что сестра слишком хорошо ее знает?

— Я хочу остаться с ним навсегда. На всю жизнь.

Солей строго посмотрела на нее.

— А он?

— Поначалу он считал меня мальчиком. Мы с ним подружились. Были как братья. — Щекам стало горячо от воспоминаний. — Но теперь он знает, что я девушка, и настаивает, чтобы я стала как все, чтобы я бросила занятия, носила юбки и жила в монастыре, покуда он не закончит свое обучение. Но я не могу! — Восклицание эхом разнеслось по лестничному пролету. Она понизила голос. — Не могу и все. Рано или поздно, он поймет, почему мне так важно жить под видом мальчика.

Солей испустила глубокий вздох.

— А сама-то ты понимаешь?

Если, если, если... Десятки «если» крутились в голове Джейн, когда она искала оправдание своему поступку. Но никакими «если» ее судьбу не перекрыть. По воле небес она рождена женщиной, и все ее попытки слепить из себя мужчину в конечном счете

обернутся ничем.

Однако сознаться в этом значило потерять все.

— Так я, по крайней мере, могу быть с ним рядом.

— А что, жениться на тебе он не хочет? — Сестра даже привстала, будто приготовившись с кулаками броситься на ее защиту.

— Разумеется, хочет! — Но нет, она не помнила, чтобы Дункан заговаривал с нею о свадьбе. В ее нутро просочился страх. «Держи свои чувства в узде». Нет, он просто не может обойтись с нею, как со своими предыдущими женщинами!

Или может?

— Расскажи о нем поподробнее, — попросила Солей. — Прежде всего, когда у него день рождения?

Она ответила, и сестра заулыбалась.

— О. Рожден под знаком Льва. Не король, но мнит себя таковым.

— Ты его вовсе не знаешь!

— Так расскажи мне о нем. И я узнаю.

И Джейн вздохнула принялась рассказывать: с гордостью сообщила о том, что он основал общежитие, похвасталась его увлечением медициной и знакомством с королем, и даже призналась, что родом он из одичалых приграничных земель. К ее облегчению, Солей не стала заострять на этом внимание.

— А сюда мы приехали, чтобы просить совет о помощи с выкупом за его отца, — сказала она в завершение. — Они должны нам помочь, иначе и быть не может!

Мы. Нам. Все ее мечты, все несмелые надежды нашли отражение в этих словах.

Уже стемнело, и она не могла прочесть по глазам сестры, о чем та думает. В конце концов Солей проговорила:

— Все очень непредсказуемо, когда зависишь от милости короля.

Но разве не король предложил исполнить ее самое заветное желание? Нечего даже сомневаться, по отношению к Дункану он поступит не менее великодушно.

— В некотором роде я завидую тебе, — продолжала сестра. — Тебе не нужно переживать за семью. Ты вольна бежать за своей любовью, искать свой путь в жизни. У меня, увы, такой возможности не было.

— Это все благодаря тебе. — Задним числом она осознала, что мать и сестра всю жизнь ее оберегали. Теперь она отвечала за себя сама. И сама принимала трудные решения.

Впрочем, сейчас ей не хотелось об этом думать.

— Что привело вас в Вестминстер? Вы же отошли от двора.

Солей наморщила нос.

— Мама оказалась права. Спрятаться от короля невозможно. — Лицо ее приняло несколько встревоженное выражение. — Джастин покинул двор, потому что был недоволен политикой совета. Очевидно, теперь его недовольство разделяет король. Думаю, Ричард велел ему приехать, чтобы в его окружении появился хоть один человек, способный говорить его величеству правду.

Она встала и потянула Джейн за собой.

— Идем. Иначе его величество будет расстроен моим долгим отсутствием. Давай разыщем Джастина и порадуем его новостью о том, что ты нашлась.

— Нет! — Вся радость от встречи вмиг улетучилась. — Не надо. — Безнадежная просьба. У ее сестры нет и не было секретов от мужа. — Мне нужно время, чтобы кое о чем

рассказать Дункану.

— О чем же?

— Он знает, что я девушка. Но не знает... — Она замялась, не зная, как лучше выразиться. — Не знает, кто я.

— Как ты додумалась умолчать об этом?

— Он считает, что я сирота.

Солей закатила глаза.

— Джейн, как же он будет доверять тебе, если ты лжешь ему о самом важном?

— Ты не понимаешь! — с жаром заговорила она. — Я же с юга. Раньше он думал, будто я смотрю на него свысока, да так оно, по сути, и было. Представь, что он скажет, когда узнает, что во мне течет королевская кровь. Ты же на себе это испытала. Вспомни, что говорили люди о тебе и о нашей матери.

Солей выпрямилась. Дочь блудницы — вот как ее называли.

— Неважно. Он заслуживает того, чтобы знать правду.

— Только после собрания совета, чтобы он успел уведомить Пикеринга...

Мягкое, сочувственное выражение разом сошло с лица сестры.

— Ты имеешь в виду сэра Джеймса Пикеринга?

— Да. — По ее спине пополз холодок. — Из Вестморленда. Он спикер в Палате общин.

— Они дружат?

Она вспомнила, сколь тесно они общались, пока готовились к заседанию парламента. У мужчин это называлось дружбой.

— Да. А что?

— Пикеринг был душеприказчиком де Вестона. Это он разорил нас.

Ошеломленная, Джейн опустила на ступеньку.

— То есть, даже если Дункан примет мою семью, то мама...

— Мама его не примет.

Она уткнулась локтями в колени, сцепила пальцы и затихла, невидящим взглядом глядя перед собой. До сих пор она тщательно избегала мыслей о том, что однажды ей придется предстать перед матерью. Элис де Вестон не отличалась снисходительностью. Будет непросто вымолить у нее прощение за побег, а уж добиться разрешения выйти замуж за товарища ее заклятого врага представлялось и вовсе безнадежным делом.

Он ведь хочет на ней жениться. Разве не так?

Она попыталась припомнить его точные слова. «Позволь любить тебя», говорилось в песне, а не «позволь стать твоим мужем». Неважно. В том, что он так или иначе хочет разделить с нею жизнь, она была совершенно уверена.

Она подняла глаза.

— Мне нужно время. Пожалуйста, не говори пока ничего ни Джастину, ни маме.

— Ты сама обо всем им расскажешь. Сегодня же. И вернешься с нами домой.

— Нет! Совет собирается уже завтра. Дай мне хотя бы один день. Ну пожалуйста.

Солей нахмурилась.

— Хорошо. Один день. Но не больше.

Стоя у окна и наблюдая, как по небу медленно катится солнечный диск, Джейн ждала, когда Дункан вернется с собрания совета.

Он ушел еще на рассвете, оставив ее досыпать в комнатухе на постоялом дворе, которую они делили с двумя рыцарями и их оруженосцами. По счастью, соседи вскоре разошлись по своим делам, и Джейн осталась одна. Выходить наружу она не решалась из опасения нечаянно встретиться с Джестином.

Она не сомневалась в благополучном исходе собрания. Дункан был красноречивым оратором, к тому же король намекнул, что готов ему посодействовать.

Насколько она могла судить, он до сих пор на нее сердился. К сожалению, вчера не вышло улучшить момент, чтобы развеять его обиду и рассказать томивший ее секрет, и теперь, оставшись в тишине и одиночестве, она принялась репетировать свою будущую речь.

Дункан, я говорила, что у меня нет семьи, но это неправда. На самом деле я дочь покойного короля Эдуарда.

Не лучше ли дождаться момента, когда они разделят постель, а после будут лежать, обессиленные и умиротворенные, прижавшись друг к дружке?

Дункан, я говорила, что моя мать — сильная женщина. Это правда, как и тот факт, что многие ее ненавидят. Потому что моя мать — Элис де Вестон. А твой друг Пикеринг отнял наш дом.

Нет, на такое прямолинейное высказывание ей не хватит смелости.

Снаружи послышались шаги. Дункан. Она подошла к двери, чтобы встретить его. Колокола недавно отзвонили полдень. Значит, совет заседал недолго.

Он вошел и с порога приказал ей собираться. Потом рванул ворот своего парадного облачения, словно оно душило его. Джейн помогла ему снять мантию.

— Король согласился отправить войско?

— О, да. — Он принялся расхаживать по комнате, собирая вещи. В каждом его движении сквозила ярость. — Уж он приструнит диких горцев. Научит их уважать англичан. И так далее. Весь этот вздор производит хоть какое-то впечатление только будучи переложен на латынь для протокола.

Она со страхом наблюдала за ним, понимая, что это только начало.

— Когда они выступят?

— Весной. Или летом. — Чеканя слова, он швырял вещь за вещь в дорожную сумку, будто отбиваясь от невидимого противника. — Или после второго пришествия. Когда им заблагорассудится. — Он остановился и взглянул на нее. Злость, боль, разочарование слились в его взгляде. — Знаешь, что самое интересное?

Она покачала головой, хотя вопрос был риторическим.

— Они в очередной раз назначили новых смотрителей, — с сарказмом сообщил он. — И на западную марку, и на восточную.

Джейн попыталась припомнить все, что знала о приграничных областях. Война и мир ее мало заботили. Пусть восточная марка кишит шотландцами, лишь бы на западе, где жили родные Дункана, все было спокойно.

— Кого назначили на западную?

— О, запад слишком важен, чтобы посадить туда кого-то одного. Нас осчастливили аж троими! — Он отрывисто перечислил имена — для ее слуха все незнакомые, ибо в политике она совершенно не разбиралась.

— И чем это плохо?

— Тем, что большую часть времени они будут собачиться друг с другом, а не воевать с шотландцами! А Моубрею, ты только вообрази, отдали восток, хотя у него даже нет земель в Нортумберленде!

Моубрей. Тот самый напыщенный член совета, который о чем-то перешептывался с королем.

— Я ничего не понимаю. — Разве мужчины могут поступать неразумно, коль скоро ими правят не чувства, а разум? Все эти интриги шли вразрез с ее представлениями о мудром правлении короля.

Он безрадостно взглянул на нее.

— Так позволь, я тебе объясню. Ричард свел воедино троих заклятых врагов. Он разместил их на границе, как фигуры на шахматной доске, а нас бросил им на растерзание. На благополучие запада ему плевать, он преследует свои собственные цели.

Джейн была потрясена. До сих пор она наивно полагала, что король волен поступать по собственному разумению и ничто не мешает ему править справедливо и мудро. Он не в первый раз разочаровал Дункана, но раньше она оправдывала короля, считая, что на то были веские причины. Теперь она поняла, что заблуждалась. Король не был волен в своих поступках. Его окружала могущественная знать, которую приходилось умасливать высокими должностями.

Пусть даже в ущерб простым людям, жившим на севере.

— Это значит, — продолжал он, — что север вконец обнищает, границы будет некому охранять, а король между тем — хоть и обещал отомстить за нас — будет просиживать штаны во дворце и дожидаться, когда установится ясная погода да подует приятный ветерок. Только тогда и не раньше он, может быть, пошевелит пальцем и направит нам помощь.

— А что с выкупом за твоего отца? У них нашлись деньги?

— Да. — В его ответе не было ни капли радости.

Достав небольшой мешочек, он подцепил его за шнурок одним пальцем и встряхнул. Внутри звякнуло несколько монет.

— Этого не хватит, да? — спросила она.

Он опустил голову.

— Здесь и половины не наберется. Но деревенскому дураку из Клифф-Тауэр не пристало жаловаться. Он должен радоваться любой малости, которую соизволит пожаловать его величество король.

— Все очень непредсказуемо, когда зависишь от милости короля, — произнесла она и с удивлением поняла, что дословно повторила фразу сестры.

Как же она заблуждалась, думая, что мужчине добиться цели несравненно проще, чем женщине. Что она без особых усилий получит место при дворе короля. Но если даже у Дункана — с его-то знаниями и ученой степенью — было столь мало влияния, то на что рассчитывать ничтожному клерку по имени Джон?

И ее мечты о том, как легко и смело она зашагает по миру мужчин, дали крен, ибо она поняла — им ничего не достается задаром. Напротив, добиться цели можно только путем упорного труда, продвигаясь маленькими шажками, которые порой невозможно объяснить никому. Даже женщине, которая делит с тобой постель.

Порываясь хоть как-то успокоить его, она обняла его за талию.

— Ты сделал все, что мог.

— Видать, не все, коли ничего не вышло.

Она откинулась назад и отвела прядь волос с его лба.

— Нет. Ты сделал все, что было в твоих силах, — сказала она твердо. — Это Господь может передвигать горы, поворачивать реки вспять и влиять на помыслы королей. Но ты просто человек. И ты не безупречен, знаешь ли.

Он насупился и попытался высвободиться, но она не отпустила его.

— Ну, спасибо за напоминание. А то я вообразил, что одержал великую победу.

— Думаешь, если стараться быть во всем безупречным, это вернет тебе Питера?

Удар меча не поразил бы его сильнее. Он раскрыл рот. Взгляд его сделался отрешенным, словно он увидел перед собой искалеченное тело брата и заново пережил момент его гибели. Больше жизни он хотел повернуть время вспять и спасти его.

Она дотронулась до его щеки, и его взгляд постепенно прояснился.

— Тебе не обязательно быть безупречным. Ты жуткий упрямец, но я люблю тебя таким, какой ты есть.

Вместо ответа он взял ее лицо в ладони, и его родные, горячие губы накрыли ее рот. Целуя его, она уловила в его настроении нечто незнакомое. Какое-то странное отчаяние, привкус печали сродни той, что звучала в балладах о его родине.

Когда он, наконец, оторвался от нее, она посмотрела ему в глаза и не нашла в них ответов на вопросы, которые рвали ей сердце.

Я заступила слишком далеко? Ты хочешь, чтобы мы были вместе? Хочешь, чтобы мы поженились?

А если узнаешь обо мне правду?

Но тот, кому никогда не приходилось лезть за словом в карман, молчал.

В коридоре послышались чьи-то шаги, и они отошли друг от друга. Он взъерошил ее волосы — совсем как в былые времена, когда она была Маленьким Джоном.

— Пусть его величество тысячу лет после смерти гниет в чистилище. Может, тогда он поймет, каково приходится нам, простым смертным.

И как теперь сознаться в том, что они с Ричардом — кровные родственники?

— Собирайся. Нам пора. — Настроение его снова переменилось. — Чем раньше мы выедем, тем скорее вернемся в Кембридж. И тем быстрее я разберусь с делами до своего отъезда.

Ее пробрала неприятная дрожь.

— До отъезда куда?

— На север. Я должен сам отвезти выкуп.

— Но почему именно ты? — Все ее страхи выплеснулись наружу в этом раздраженном восклицании. Она еще не успела повидать маленького племянника, не сообразила, что сказать матери, не придумала, как им с Дунканом быть дальше. Ехать в забытую богом северную глухомань, да еще зимой... — Ректор не разрешит тебе так долго отсутствовать. А мне назначен экзамен у магистра грамматики.

Он как-то странно взглянул на нее, и она похолодела. Что это, что такое появилось в его глазах? Сожаление? Жалость? Печаль? Предчувствие чего-то страшного и необратимого обрушилось на нее словно удар, от которого нельзя было увернуться.

— Дело такое, милая. Я уезжаю один. И я не вернусь.

Она замерла, словно оглушенная, и Дункан мысленно проклял себя. Нужно было как-то подготовить ее, смягчить удар. Начать издали, как при разговоре с ребенком. Но Джейн приучила его говорить с собой откровенно, и переучиваться было поздно.

— Почему? — пролепетала она. Растерянность в ее взгляде боролась со страхом.

Казалось бы, простой вопрос, но не так-то просто на него ответить.

— Я отвезу все, что удалось собрать, и буду молиться, чтобы тюремщики отца удовлетворились этой суммой. А если ничего не выйдет, попробую обменять его на себя самого.

Растерянность исчезла из ее глаз. Остался один только ужас, словно она была маленькой девочкой, а он бросал ее одну в темноте. Или то был не ужас, а гнев?

Она вцепилась в его руку.

— Дурень ты несчастный, а вдруг они посадят под замок вас обоих?

— Тогда, полагаю, мы сгинем в плену вместе, — мрачно хмыкнул он. Самый что ни на есть подходящий финал и для него, и для старого ублюдка. Возможно, единственный, который положит конец вражде между ними.

— А если его все-таки отпустят, то кто соберет выкуп за тебя?

Его молчание было красноречивее любых слов.

— У тебя есть брат. Почему он ничего не делает?

— Долг моего брата — заботиться о жене с ребенком, о земле и о доме. — Его, в отличие от самого Дункана, полностью устраивало отведенное ему место в жизни. — А мой долг — освободить нашего отца.

Она воззрилась на него, будто он был каким-то героем, но он знал, что таким образом она всего лишь маскирует свой страх.

— И ты его освободишь. Золота короля хватит, и вы оба вернетесь домой. А потом ты вернешься сюда. В Кембридж. Согласно своему обету.

За нарушение которого ему предстояло выплатить штраф.

— Нет. Я останусь и буду защищать свой дом. Странно требовать от короля то, чего я не делаю сам, не правда ли? — В день, когда они познакомились, она сама недоумевала, почему он сбежал вместо того, чтобы драться.

Он сделал это не потому, что струсил. По крайней мере, этот страх был не физического свойства.

Сбежав, он оставил позади бесплодную, но прекрасную землю. Как он ни пытался вырвать память о ней из сердца, все было напрасно. В Кембридже он начал жизнь с чистого листа, но тоска по дому жила внутри, разламывая душу надвое, и между этими половинками не было мира, только временное перемирие.

«Теперь мне нигде нет места», — однажды сказал он Джейн. Единственное место, где ему было хорошо — с нею рядом. Но он не мог позволить себе остаться.

Она заплакала. Если у него и были сомнения в женской природе ее сердца, то теперь они развеялись окончательно.

— Но ты же ученый, а не рыцарь...

Очередное свидетельство того, как мало она его знает. У них не было времени познать друг друга до конца, и увы, никогда не будет.

— Думаешь, можно вырасти на границе и не научиться драться? Я умею управляться и с мечом, и с луком. А если вдруг останусь без оружия, — он потряс перед ее лицом кулаками, — у меня всегда остается вот это.

— Вспомни, сколько воинов было казнено при Оттерберне. Тех, за которых некому было заплатить выкуп. Сотни! Ты сам говорил. Их перебили и бросили умирать.

Дункан был готов кусать себе локти. Сколько лишнего он наболтал в ее бытность мальчишкой!

Чтобы ненароком до нее не дотронуться, он сплел на груди руки, ибо когда их тела соприкасались, то все мысли о долге и чести затмевало одно-единственное желание: обнять ее и никогда больше не отпускать.

— У меня нет выбора. Если король не хочет защищать мою родину, это сделаю я.

— Но почему именно ты? Почему ты всегда крайний? Почему ты один несешь на себе этот груз?

— Ничегошеньки ты не поняла за все это время. — Какая же она все-таки... женщина. Это просто выше ее понимания. «Думаешь, это вернет Питера?» Ничто его не вернет. Не если он будет бездействовать, то на совесть новым грехом ляжет вина за гибель отца.

— Но ведь ты все еще дышишь, а значит не все потеряно. Должен быть какой-нибудь выход, разве не так?

Ее слова потрясли его. В них не было сарказма, как можно было бы ожидать, только глубокое понимание того, почему он покорился судьбе и зову долга.

Все-таки она кое-чему научилась, пока жила среди них.

— Так.

— Я поеду с тобой.

Его заново скрутил страх. Но не перед смертью или войной. Он боялся того, что она там увидит.

— Женщине там не место. — Там нет ничего. Только нищета, поправить которую можно лишь тем, что получится урвать у земли или отнять у врага. У него нет ни гроша за душой.

— А я не буду женщиной. Я буду Джоном, твоим оруженосцем. Мы останемся у шотландцев или у тебя дома, будем обмениваться грубыми шуточками на латыни, чтобы никто нас не понимал.

Упрямая дурочка. Не понимает, в какую опасность может завести ее эта глупая мальчишеская бравада. С каждым днем она все меньше походила на мальчика.

— Милая моя, ничего не получится. Время работает против тебя. Голос у тебя слишком тонкий, бедра слишком широкие, а лицо... — Он откашлялся, глотая ком в горле, и попытался вымучить хоть сколько-нибудь логичный аргумент: — Например, как ты надеешься скрыть свои... ну, свои ежемесячные недомогания?

— Никто не подберется ко мне настолько близко, чтобы это заметить, — яростно ответила она.

Да — пока он с нею рядом.

Дункан смягчил голос.

— Это слишком опасно. Я не пушу тебя.

— Но я умею драться! — Ее голубые глаза сверкнули. Она выставила кулаки. — Ты сам меня научил.

И опять его благие намерения обернулись против него. Нужно было отослать ее в тот же

день, когда он разглядел в Маленьком Джоне девушку. Но он дал слабину. Разрешил ей остаться в надежде на какое-то подобие совместного существования, и из-за этого теперь разрывался между двумя жизненными путями, совместить которые было невозможно.

Совсем как она.

— Джейн, нет. — Чем больше она распалась, тем крепче становилась его решимость. — Я уезжаю один. — У нее даже нет лошади. Уже поэтому нечего и думать о том, чтобы ехать вместе.

— Я все равно пойду за тобой. Я найду тебя. Через день, через неделю, через год, неважно. Я найду тебя или умру.

Дункан похолодел. Ему противостоял уже не Маленький Джон, который одним солнечным августовским утром убежал из дома. Дело было даже не в том, что за эти месяцы она повзрослела душой и телом. Женская страстность смешалась в ней с мужским чувством ответственности и решительностью. Ей уже нельзя было диктовать свою волю, и он понял, что никогда не любил ее сильнее, чем сейчас.

Она улыбнулась, полагая, что он повержен.

— От меня не так-то просто избавиться. Я бегаю быстрее тебя.

— Нет. — Он взглянул на нее снизу вверх, и в сердце восстали их общие шаткие мечты и надежды. Как ни жаль, но он не мог позволить себе разделить ее слепую веру в то, что у них есть будущее. — Повторяю в последний раз. Я еду на войну. Женщине там не место.

— Но я не буду женщиной!

— Тебе нужен я или тот мужской образ жизни, который, по твоему мнению, я могу тебе обеспечить?

Она вздрогнула как от пощечины.

— Ты что, не можешь отличить, когда с тобой говорит Джон, а когда Джейн?

— Нет никакого Джона. Есть только Джейн. Господи, да взгляни на себя! Ты женщина.

Острая боль, терзавшая его душу, как в зеркале отразилась на ее лице.

— Но...

Жестом он остановил ее.

— Маскарад окончен. Можешь остаться у сестры или в монастыре, но со мной ты не поедешь.

Он не повезет ее туда, где на нее обрушится то, что он надеялся позабыть.

— Я убегу! — Нижняя губа ее выпятилась и предательски задрожала.

Его горло сдавили слезы.

— Маленькая моя, у тебя не получится бегать всю жизнь.

Заставив себя отвернуться, он принялся, не глядя, бросать оставшиеся вещи в сумку. Позади было тихо. А потом она неслышно приблизилась, обняла его за талию и крепко прижалась к его спине. И спросила устало, признавая свое поражение:

— Мы еще увидимся?

Он не смог пересилить себя и ответить «нет». Не смог одним махом уничтожить ее — и свои — надежды.

— Не знаю. Может, когда-нибудь... — Однако они оба знали: если он уедет один, это «когда-нибудь» никогда не наступит.

Она мелко вздрагивала за его спиной, и ему хотелось вместе с нею оплакать их расставание. Но он боялся, что если обернется и обнимет ее, то не найдет в себе сил отпустить.

— Когда ты уезжаешь?

— Через несколько дней. Как только разделаюсь с делами в Кембридже, сразу двинусь на север.

Один.

Навстречу поднимется башня, стоящая на зеленом холме на страже речной переправы. Если он выживет, то когда придет лето, снова отправится бродить по горам, а зимними вечерами будет в одиночестве петь у огня. Но без этой странной девушки, которая видела его душу насквозь, в его сердце навечно останется брешь, которую ничто не сможет заполнить.

* * *

Сидя в седле позади него и прижимаясь лбом к его широкой спине, она оплакивала свои разбитые надежды.

Он не оборачивался и потому не видел ее слез.

У тебя не получится бегать всю жизнь.

Неудивительно, что он не хочет ее брать. Она хуже ребенка. Обуза, никчемное бремя. Беспомощная и нерешительная.

Пообещала сестре разобраться со своей ложью, но так ничего и не сделала.

За все это время она уяснила два правила. Во-первых, строить жизнь — тяжело. Во-вторых, нужно нести ответственность за себя и свои поступки.

Пришло время применить это правило к себе. Иначе она будет недостойна называться дочерью короля. Мать нашла в себе силы быть стойкой и бороться за своих дочерей. Сестра в свое время тоже исполнила долг.

А чем могла похвастаться Джейн? Тем, что носила шоссy и полагала, что мир обязан распахнуть перед нею свои объятия? Тем, что, когда этого не случилось, стала ждать, что ее судьбу устроят Дункан или король?

Сегодня сестра будет искать ее, но не найдет. Узнав об ее исчезновении, они приедут в Кембридж как только Джастин закончит с делами в Вестминстере. Потом ее заберут домой и переоденут в юбки, а Дункан поскачет на север. Один.

И почти наверняка встретит там свою смерть.

Прежде чем они найдут ее, она должна доказать Дункану, что они созданы быть вместе. Неважно, в Кембридже или в Клифф-Тауэр. Неизвестно, какой будет их жизнь, но Джейн была уверена — тем редкостным чувством, которое их связало, нельзя бросаться. Она женщина. Пусть не такая, как все остальные, но она смирилась со своей природой и научилась ей радоваться.

Но даже если он уступит и согласится взять ее с собой, между ними по-прежнему будет лежать ее ложь. Она была готова пойти за ним хоть на край света, но что будет, если Дункан, узнав правду, откажется от нее?

Впрочем, довольно мучить себя вопросами, на которые не существует логичных ответов. В конце концов, она женщина. У нее есть оружие, которое поможет привязать его к себе навсегда.

И если понадобится, она пустит его в ход — безо всякого стыда и раскаяния.

Ветер осушил ее слезы.

Она не отпустит его одного.

Прошло несколько дней. Однажды ночью, уловив момент, она пробралась в его спальню. Раскинувшись на спине, он спал напряженным сном, словно был готов проснуться в любую минуту. Присев на краешек кровати, она залюбовалась его темными, почти черными в холодном свете луны, волосами, тенью ресниц на его лице.

Они редко виделись с тех пор, как вернулись в Кембридж. Он был слишком занят перед отъездом — договаривался с ректором о выплате штрафа, учил Генри, как вести дела в общезжитии, покуда не выберут нового управляющего. Еще он нанес визит в монастырь Святой Радегунды и переговорил на ее счет с настоятельницей. Но когда он пытался объяснить ей, где она будет жить, когда он уедет, Джейн наотрез отказывалась слушать.

Видит ли он ее во сне? Не жалеет ли о том, что между ними было?

Она быстро разделась и, размотав перевязь, вздохнула полной грудью.

Пришло время доказать ему — и себе, — чего она стоит.

Хотя ночь выдалась морозная, он спал без одеяла. Она коснулась его обнаженной груди, и кончики ее пальцев опалил жар.

Он поймал ее за руку и открыл глаза. И попался в ловушку ее глаз.

Она легла на него сверху, впитывая его тепло, и поспешила заглушить слова протеста поцелуями. До чего непривычно чувствовать, как ночная прохлада холодит спину. Раньше, когда они занимались любовью, она всегда была снизу, защищенная от холода его горячим телом.

Он обнял ее. Его язык глубоко вошел в ее рот. Ниже пояса он уже стоял торчком и нетерпеливо подрагивал. В который раз ее поразила эта исключительно мужская способность в любую минуту быть готовым к любви. Она знала, спросонья его разум проиграет желаниям тела, и он не успеет ее прогнать.

Он попытался подмять ее под себя, но она, изо всех сил упершись коленями в матрас, одержала верх в этом безмолвном противостоянии. Потом наклонилась и положила ладони ему на грудь.

— Не сегодня, — прошептала она. — Сегодня ночью ты будешь мой. — Она приподнялась, балансируя над его телом. — До конца. — И медленно опустилась, принимая его в себя. Не в силах сопротивляться, он застонал. Когда он вошел в нее полностью — глубже, чем в те моменты, когда она была снизу, — глаза ее распахнулись. Сегодня его семя обязательно проникнет в ее лоно.

Она впервые обрела полную свободу действий. Самостоятельно задавая ритм, она открывала его потаенные чувствительные места и бесстыдно упивалась своим могуществом. Бедра, пальцы, губы внезапно заговорили на неизведанном ранее языке. Это был не просто язык любви. Это был язык любовников, язык соращения — язык, с помощью которого она низложила его и подчинила своей воле. Им могли владеть только женщины, за внешней слабостью которых скрывалась великая сила.

Сегодня ночью они станут одним целым в полном смысле этого слова. Сегодня она выпустит на свободу ту мистическую силу, которая ужасала его — ради того, чтобы сотворить то единственное, на что были неспособны мужчины.

Обычно он, оберегая ее, тщательно следил за тем, чтобы не пролить в нее семя. Но сегодня они поменяются ролями. Она станет его наставником и освободит стихию природы,

которая одновременно разделяла и связывала мужчин и женщин.

Она раскачивалась на нем, наслаждаясь выражением экстаза на его лице. Но она не учла одного. Покуда он был снизу, его руки оставались свободны. Он взял ее лицо в ладони и крепко поцеловал, потом его пальцы нашли ее груди, такие чувствительные после долгого воздержания. Он нежно ласкал их снизу до кончиков, вызывая сладкие спазмы там, где он двигался внутри нее мощными, быстрыми толчками.

Он перехватил инициативу. Раздразнив узелки ее сосков, его неутомимые пальцы занялись тугим узелком меж ее ног. А потом уже не бережно, почти грубо он схватил ее в объятия и прижал к себе, словно собирался продержаться так всю ночь. Дольше, чем ночь.

В каком-то беспмятстве она содрогалась, извивалась на нем, будто пытаюсь поглотить собой. Тщательно продуманный план соращения был напрочь забыт. Голос разума исчез, все исчезло, осталось только ее тело, восхитительно живое, поющее его телу оду без слов.

Кожа более не была барьером. Она стала проводником, с помощью которого они обменивались ощущениями, которые волнами прокатывались от одного к другому и обратно. Они образовали единое, безупречное целое, и это слияние было призвано подарить миру нечто совершенно новое.

Новую жизнь.

В ее горле зародился животный стон. Она стиснула зубы, пытаюсь сдержаться, покуда он не перерос в крик радости, чистого удовольствия, бесконечного наслаждения жизнью.

Его руки легли на ее бедра. Она уже не разбирала, кто из них понуждает другого двигаться сильнее и резче, и, наконец, зарылась лицом в его плечо, впилаь в его плоть зубами, чтобы подавить крик, который рвался изнутри с такой силой, что она поняла: его семя примется в ее чреве.

Все еще содрогаясь, она обмякла на его груди. Он накрыл ее одеялом, и она умиротворенно вздохнула, готовая предаваться любви всю ночь напролет. Правду он узнает утром. Когда наступит новый день.

* * *

Под утро Дункан проснулся и понял, что ему снился дом. Монахи, заточенные в кельях сложенного из желтого камня аббатства. Босоногие крестьяне, копающие торф. Во сне он вернулся к ним. Под ногами снова была твердая, каменистая почва, в спину бил ветер, а вокруг стеной высились горы.

Уезжая из этого дикого края, он поклялся никогда не возвращаться.

Его родители — оба тяжелые, скупые на ласку люди — не испытывали привязанности ни друг к другу, ни к собственным сыновьям. Они дрейфовали по жизни подобно льдинам, которые плывут по реке, то и дело сталкиваясь, но не примерзая друг к другу. Отчаявшись дожидаться от них хотя бы кивка в знак одобрения, он старался бывать дома как можно реже. Уходил со стадом овец в горы, помогал крестьянам на пашне. Овцы, понятное дело, говорить не умели. Молчали и сервы, испуганные и сконфуженные его присутствием, очевидно, считая хозяйского сынка слабоумным за то, что он разыгрывал из себя крестьянина.

Но он занимался физическим трудом не из прихоти. Ему было приятно делать что-то руками, ощущать движение мышц. Нравилось проводить время в поле, среди холмов, на озерах, чувствовать ступнями влажную после дождя землю.

Только в эти моменты на него снисходил покой, которого так не хватало дома.

Он уехал навсегда и не хотел возвращаться, но долг призвал его обратно — в тот самый момент, когда он обрел свою женщину, ту единственную, которая понимала его и хотела соединить с ним жизнь.

Он знал, что она сегодня сделала. И зачем.

Неважно. Все равно это ничего не изменит.

Он попытался представить, как знакомит ее со своими родителями. «Это моя жена». Отец окинет ее взглядом, насупится и не постесняется оскорбить прямо в лицо. «Кого ты привел, сын? Ты что, спьяну ее обрюхатил? Так это еще не повод жениться». А мать будет стоять, опустив глаза в землю, и молчать. И тогда он вспомнит, что отвратило его от дома и заставило искать счастья в других краях.

Он нашел свое счастье, но увы, слишком поздно.

Нет, он не мог взять с собой. Возможно, со временем она разделила бы его любовь к этому дикому краю, но этого будет недостаточно. Познакомившись с его семьей, она возненавидит его, и он не сможет перевести ее через пропасть, которая образуется между ними. Она будет слишком широка, как бы сильно они ни любили друг друга.

А если родится ребенок, ему придется провести детство в аду...

Нет. Это совершенно недопустимо. Если родится ребенок, они поженятся. Каким-нибудь образом он раздобудет денег, чтобы его сын рос в другом, лучшем месте.

Быть может, если он переживет встречу с шотландцами, то когда-нибудь они встретятся снова. Но он запретил себе лелеять пустые мечты. Запретил даже думать о том, чтобы попросить ее ждать, покуда он не выполнит долг.

До самого рассвета он обнимал ее, онемевший, разбитый, опустошенный. Сердце рвалось к ней, и оно же ставило на этом желании крест.

Он любил ее. Но знал: как только она проснется, он скажет, что должен ее оставить.

* * *

Сквозь сон он ощутил прикосновение губ, потом услышал нежное воркование.

— Я соберусь мигом. Правда, будет удобнее поехать в чистой одежде. Если устроить стирку прямо с утра, к завтрашнему дню все высохнет. Не страшно, если мы задержимся на один день?

Мягкие губы потерлись о его нос. Матрас прогнулся, когда она, не дожидаясь ответа, поднялась с постели. Она была совершенно уверена, что точно знает, каким будет его ответ.

Дункан наблюдал, как она возится у очага, разжигая огонь. Ее лицо озаряла счастливая, донельзя довольная улыбка. Женщина. Его женщина. Она приняла в себя его семя. Возможно, зачала от него дитя.

Она вела себя так, как будто прошлая ночь все изменила.

Но она заблуждалась, и ее заблуждение нужно развеять. Немедленно. Прямо сейчас.

— Джейн, иди сюда. Нам надо поговорить.

Огонь, наконец, занялся. Но вместо того, чтобы вернуться в постель, она закуталась в покрывало, подошла к окну и распахнула скрипучие ставни.

— Снега нет. Погода ясная, в самый раз для путешествия.

Из окна потянуло холодом.

— Вот об этом я и хочу поговорить. Закрой чертовы ставни и подойди сюда. — Он пожалел о своем резком тоне. Впрочем, удивительно, что он вообще может говорить.

Она закрыла ставни на щеколду, преградив путь и ветру, и лучам тусклого солнца.

— Подожди. Сперва ты должен узнать одну вещь.

Холодок пополз по его спине. Не от сквозняка, а от того, что с ее лица сошло счастливое выражение.

— Какую вещь? — спросил он, нутром чуя недоброе. — Говори, только быстрее.

Глядя в его серые, словно близкая буря, глаза, Джейн гадала, о чем же ему так не терпится поговорить. Она напонила себе не дотрагиваться до него. Иначе морок страсти овладеет ею, и она вновь не отважится рассказать правду из опасения все испортить.

Она покрепче запахнула края покрывала. Довольно тянуть. Пришло время исправить ошибки. Если им суждено быть вместе, между ними не должно быть никаких недомолвок.

— Ты не все знаешь о моей семье, — начала она дрожащим голосом.

— Я не знал, что ты женщина. Согласись, после этого сложно чем-то шокировать.

Его бесцеремонность несколько умерила ее смелость.

— Если я скажу тебе правду, ты не будешь сердиться?

Ты не разлюбишь меня? Но ведь он так и не признался, что любит ее.

— Не буду. Говори.

Она ждала от него слов любви, а он подгонял ее, бездумно и нетерпеливо.

— Обещаешь?

— Ну что за пристрастие к обещаниям, Маленькая Джейн? — Его нетерпение сменилось какой-то другой эмоцией. — Легкие обещания легко нарушаются.

«Обещай», — взмолилась она мысленно. Но он никогда ничего ей не обещал.

Нужно начать издалека. Подвести его к правде постепенно.

— Я говорила тебе, что осиротела.

— На самом деле это не так?

Она покачала головой.

— Я так и предполагал. Кто твои родители?

— Мой отец умер.

Он переменялся в лице.

— Милая, мне очень жаль. — Он, переживший смерть брата, мог посочувствовать ей как никто другой.

Однако суть ее признания заключалась в другом, и она поспешила добавить:

— Он был королем.

Дункан издал резкий смешок.

— Сейчас не лучшее время для шуток. Ты не принцесса.

— Нет. Не принцесса. — Она сделала глубокий вдох. — Я дочь покойного короля Эдуарда и Элис де Вестон.

Смех застрял у него в горле. Лицо исказилось болью и замешательством. А затем пришла ярость.

— Значит, все? Ты со мной наигралась? На это ты намекаешь?

Кровь сошла с ее лица.

— Вовсе нет...

— Милая, можешь не беспокоиться. Я не собираюсь заставлять тебя жить «долго и счастливо» на проклятом богом севере.

Она ожидала чего угодно — вспышки гнева, обиды... Чего угодно, только не этого.

— О чем ты?

— Наше общество тебе приелось? Понимаю. Вовремя король пообещал устроить тебя в Кингс-холл. Из общежития с дикими северянами да в королевский колледж. Большой

скачок!

— Я же говорила тебе. Я не отказала ему, потому что боялась прогневать.

Но он не слышал ее.

— А в Вестминстере, пока я стоял на коленях перед советом, выпрашивая хотя бы фартинг, ты, наверное, занималась тем, что присматривала себе среди придворных нового любовника?

— Неправда. Ты же знаешь, это неправда!

— Для начинающего школяра я еще годился, но после того, как ты с блеском сдала экзамены на спине, пришла пора перебраться в постель рангом повыше, так?

— Замолчи! Замолчи!

— О, я польщен, что был — если был — у тебя первым. Что, стало любопытно отведать члена северного дикаря? У меня, конечно, не королевский *botellus*, но ты, вроде, не возражала иметь его у себя между ног.

Ее ладонь взвилась вверх, и она вlepила ему пощечину, вложив в удар, как он и учил, все свои силы.

— Я не заслужила этого. И ты тоже.

Он хотел было возразить, но так и остался стоять с раскрытым ртом. Лицо его стало пустым, безжизненным.

Джейн смотрела на него и не узнавала. Перед нею стоял чужой человек. Она думала, что познала его — его тело, душу и разум, — но так ли оно было на самом деле? Судя по тому, с какой готовностью он бросился осыпать ее оскорблениями, она тоже стала для него чужой.

Все, что он знал о ней, было погребено под тяжелым пластом предубеждений.

«Ты наслышан о нас, парень», — сказал он в их первую встречу. Что ж, наверняка о ее матери он был наслышан не меньше.

— Боже, да ты стыдишься меня. Поэтому ты отказываешься брать меня с собой, да? — Она нервически засмеялась. — Ну конечно. Ведь я жила в одном доме с распутными школярами... Такую девицу не покажешь родителям, верно?

Выражение его глаз изменилось, и на миг она узрела прежнего Дункана.

— Не в этом дело, — заговорил он. — Ты не знаешь, какие они... Каково это... жить с ними. — Он, который своим красноречием мог переполошить парламент, оказался не в состоянии подобрать слова, чтобы оправдаться. — Я не могу взять тебя с собой, но не потому, что ты себе надумала. Я как раз собирался назвать причину. Мои отец и мать...

Его жалкое бормотание едва доходило до ее сознания.

— Я не желаю слышать ни слова ни о твоих родителях, ни о твоих братьях, ни о твоих проклятых горах и озерах. — Она принялась торопливо натягивать на себя одежду. — Язык у тебя подвешен что надо, наставник Дункан, спору нет, но ты подлый обманщик. — Его акцент стал на вкус как слезы. — Чем врать, сказал бы прямо, что стыдишься меня. Я бы поняла тебя, милый.

Клеймо дочери шлюхи будет стоять на ней вечно, куда бы она ни сбежала, какую бы личину ни нацепила на себя. Теперь она понимала это.

— Все не так. И никогда так не было. — Он смотрел на нее с каким-то странным выражением во взгляде, но слишком поздно было задумываться над тем, что оно значит. — Но тебе нельзя со мной. Перед отъездом я отвезу тебя к сестре.

— Нет. Мне ничего от тебя не нужно.

— Тогда я скажу, чтобы тебя отвезли Джеффри и Генри. На дорогах опасно...

— Ты ничего никому не скажешь. Ни о Джейн, ни о ее семье. — Отныне она самостоятельно несет ответственность за себя и за ужасные последствия своих поступков. Все сложилось так, как она мечтала. Но отчего так бесприютно и одиноко? — Я не приму никакой помощи ни от тебя, ни от кого бы то ни было из вас.

— Но я должен быть уверен, что о тебе есть кому позаботиться. Если будет ребенок...

Они оба застыли, сраженные этим словом как молнией.

Что делать, если жестокий Господь услышал ее молитвы?

— Если у тебя будет ребенок, пришли весточку, — произнес он шепотом. — Мы поженимся по доверенности, я отдам тебе все, что имею.

Все, кроме себя самого.

Она не выдержала и бросила на него взгляд — в последний раз.

— Ты не услышишь от меня ни единого слова. Мы больше никогда не увидимся. Все. Отныне я тебе не обуза.

С горьким комом в горле она замерла на пороге.

— Прощай. — И ушла.

Не веря в то, что произошло, Дункан смотрел в закрытую дверь.

Мальчик. Девушка. Дитя короля. Дочь шлюхи. Он рвался оградить ее от нищеты, которая ждала его дома. Она же сразила его своим признанием наповал.

Сперва он решил, что она шутит. В то время, как ему было не до шуток. Потом — что она отвергает его. Если жизнь в холодной каменной башне с земляным полом была недостойна сироты, то дочери короля — и подавно. Можно не дожидаться, пока она познакомится с его родителями и, увидев, насколько скверно они живут, начнет презирать его. Она уже питала к нему презрение. Как он и ожидал.

Потом к этим дурным мыслям примешался страх, что все — ее невинность, ее любовь — было притворством. Что она забавлялась с ним перед тем, как променять на какого-нибудь знатного щеголя из свиты короля.

Он на равных дискутировал с лучшими учеными мужами. Но когда дело дошло до того, чтобы донести свои чувства до этой женщины, он понес полную околесицу, а к тому времени, как раскаялся в том, что наговорил сгоряча, было уже поздно. Она ушла.

Впрочем, к чему сожаления? Теперь она точно с ним не поедет. Он добился своей цели.

Но какой ценой?

«Ты стыдишься меня», — стоял в ушах ее нелепый упрек. Неправда. Он не видел ничего постыдного в том, чтобы она была внебрачной дочерью короля. Какая разница, кем были ее родители — пусть хоть последним батраком и поденщицей, он и тогда любил бы ее не меньше.

Но каковы шансы, что она испытывала к нему такие же чувства? Смогла бы ее любовь пережить знакомство с его семьей и его миром?

В дверь громко постучали.

— Кто у тебя был? — с порога спросил Генри. — Маленький Джон? Что-то он очень смахивал на девчонку.

— Он и есть девчонка! — перебил его Джеффри. — Ты обманывал меня, Дункан. Все это время ты знал!

— И крутил с нею шашни у меня под носом? — изумился Генри. — Ну и как она, хороша?

— Заткнитесь и закройте дверь. — Он почувствовал себя беззащитным, словно его публично раздели догола, и сжал кулаки, готовый защищать ее честь. — И не смейте говорить о ней в таком тоне.

Генри примирительно выставил руки, а Джеффри, напротив, никак не мог успокоиться.

— Я задал тебе прямой вопрос, помнишь? А ты, глядя мне в глаза, нагородил гору вранья высотой с колокольню. Как ее зовут? Кто она?

Девушка, которую я люблю и которую только что потерял.

— Ее зовут Джейн. — Он осел на кровать и закрыл лицо руками. — Она дочь короля Эдуарда и Элис де Вестон.

— Ха-ха. Очень смешно, — закатил глаза Генри. — А теперь скажи правду.

— Это и есть правда.

Друзья переглянулись и уселись по бокам от него.

— Полагаю, — произнес Джеффри, — эту историю лучше рассказать с самого начала.

Чуть не сбив Джеффри и Генри с ног, она забежала в общую спальню. По счастью, там никого не было, и она торопливо сбросила тунику. Потом нырнула под покрывало и, хватая ртом воздух, туго перевязала грудь.

Он отверг ее. Она-то думала, что знает о нем все, но в итоге осталась в дураках. Какая банальная история. Наивная молодая девица перепутала любовь с похотью и подарила свою невинность первому же мужчине, который вскружил ей голову.

У тебя не получится бегать всю жизнь.

И правда. Пришло время вернуться домой и помириться с семьей. И с самой собой.

Без сомнения, Джеффри и Генри уже знают правду. Только бы они не разнесли эту новость по общежитию до ее ухода.

Быстро сложив вещи, она посмотрелась в зеркальце, один из подарков короля ее матери. Только сейчас, став женщиной в полном смысле этого слова, Джейн осознала, насколько интимным был жест рыцаря в сценке на обороте.

Теперь-то она понимала — даже слишком хорошо — о каком безумии толковала сестра. С нею случилось то, чего она всю жизнь боялась.

Узелок с пожитками был таким же легким, как во время первого побега. Но вот на сердце стало несоизмеримо тяжелее.

Она решила сперва зайти на рынок и купить продуктов в дорогу, а потом заглянуть в пивную, чтобы попрощаться с Гэвис и поблагодарить ее за дружбу. Как странно. Она пришла в Кембридж, чтобы жить среди мужчин, а в итоге нашла друга среди женщин.

Спустившись по лестнице, она прошмыгнула мимо закрытой двери в комнату Дункана и вышла из общежития.

Ничего. Как-нибудь она придумает, как отстроить свою жизнь заново. Может, стать похожей на настоящую женщину сразу и не получится, но она постарается. От этой мысли она невольно начала покачивать бедрами. Заметив под навесом овощной лавки Гэвис, она помахала рукой, отчаянно желая поделиться с подругой своими горестями.

— Вон она! Держи ее!

Чьи-то руки бесцеремонно схватили ее за шиворот и потащили в закоулок между домами. Ее спина оказалась притиснута к деревянной стене. В нос ударил запах кож и нечистот. Она заморгала, пытаясь сообразить, что происходит.

Ее окружили четверо оборванцев. Она вспомнила, что пару раз сталкивалась с ними на улице и даже по глупости поправляла их речь, но тогда ей нечего было опасаться. С нею были Дункан и его товарищи.

Самый крупный из нападавших с вожделием оглядел ее. Она попыталась было принять боевую стойку, но ее снова крепко прижали к стене.

— Вот это номер! — Главарь, от которого разило луком и элем, приблизился к ней вплотную. — Ну и прохиндеи же, эти студенты. Нарядили тебя мальчишкой, чтобы ты могла обслуживать их прямо в общежитии. Мы тоже не прочь сыграть в эту игру, раз подвернулась такая оказия.

Спокойно. Придется еще немного побыть Маленьким Джоном.

Собрав в кулак всю свою храбрость, она выпятила грудь и вздернула подбородок.

— Ты что, слепой и не можешь отличить парня от девушки? А может, ты из тех, кто

предпочитает мальчиков?

Один из оборванцев повелся на ее слова и отдернул руки, словно обжегшись.

— Не дайте ей одурачить себя, — сказал главарь. — Она не парень.

— Я парень. — Она постаралась вложить в голос побольше мужской интонации. — Так что убери руки, если, конечно, не хочешь прослыть содомитом.

Все уставились на главаря. В его глазах на миг промелькнуло сомнение.

— Если ты парень — докажи, — в конце концов потребовал он. — Покажи свой член.

Пот потек ей за воротник.

Не отводя глаз, она слегка выпятила бедра вперед, притворяясь, будто полотняный валик в штанах был предметом ее гордости.

— Готов спорить, он будет побольше твоего, но мне нет нужды трясти им на улице. Может, ты просто хочешь показать мне свой.

— Сперва ты. — Он полез было к ней, но она увернулась и пнула его в пах.

Он взвыл от боли, а потом все четверо разом навалились на нее, опрокинули на спину и прижали ее руки и ноги к земле. Главарь уселся поверх ее бедер.

— Сейчас я покажу тебе свой, — беззубо ухмыльнулся он. — А потом засуну его тебе между ног.

По ее венам заструился страх. Никогда раньше — пока за спиной были мужчины — угроза насилия не казалась ей реальной.

Главарь придавил ее своим весом к земле.

— Поглядим, что ты за парень. — И с этими словами он сдернул с нее шоссы.

Жалкий комок материи вывалился на землю. Вот и конец. Она разоблачена. Оставалось только зажмуриться и молиться о том, чтобы Господь простил свое непутевое создание и проявил к ней милосердие.

Когда она открыла глаза, то увидела, что ее молитва услышана.

Сзади появился Дункан. Он стащил насильника с ее распростертого тела и ударил в живот. Остальные вскочили на ноги, взяли его в кольцо, и завязалась драка. Дункан мельком взглянул на нее, и в его глазах она увидела безграничную любовь.

— Джейн, беги!

Но вместо этого она натянула штаны, завязала пояс и тоже вступила в драку, чтобы хотя бы немного уравнять силы. Стараясь не слишком приближаться, чтобы ее опять не поймали, она наносила удары по головам, по рукам, по спинам — всюду, куда могла дотянуться.

Краем глаза она заметила Гэвис и понадеялась, что та сообразит привести помощь.

Дункан говорил, что умеет драться и, как выяснилось, не соврал. Он орудовал кулаками как одержимый, круша противников с такой яростью, что даже шотландцы, наверное, не выдержали бы его напора и отступили. Но их было двое против четверых, а когда ей заломили руки за спину, Дункан остался один. Его сбили с ног. Главарь, у которого был подбит глаз и рассечена губа, шатаясь, держался за живот.

— Гляди-ка, какой задиристый книжник, — проворчал он и пнул Дункана под ребра.

Джейн окинула улицу лихорадочным взглядом. Где же Генри и Джеффри, где остальные? Неужели все студенты ушли на лекции? Сейчас она была бы рада даже педелям.

— Придержите его руку, — приказал главарь. — Надо проучить его, чтобы впредь не лез драться.

Один из его подельников вытянул руку Дункана и сел на нее. Дункан попытался высвободиться, но его оглушили ударом по голове. Предчувствуя, что сейчас произойдет что-

то страшное, Джейн принялась кричать, брыкаться, даже попала в кого-то башмаком. Ее больно ударили по лицу. Мир поплыл у нее перед глазами, и она обмякла.

Главарь повернулся к Дункану. Потом примерился, занес сапог и обрушил весь вес своего тела на кисть его правой руки. Раздался ужасный хруст ломающихся костей.

— Нет! — услышала Джейн собственный вопль.

Дункана отпустили. Его окровавленная, раздробленная рука была втоптана в грязь.

— Хочешь взять ее, так бери. Мы не жадные, поделимся.

Превозмогая боль, Дункан поднял голову. Глаза его полыхали яростью. Он собрался с силами и выплюнул одно-единственное слово:

— Никогда.

Вся четверка невольно отступила, словно он восстал из мертвых. Почувствовав, что ее больше не держат, Джейн развернулась и врезала одному из оборванцев в челюсть, а потом в живот. Тот упал на колени.

Ненависть затмила и страх, и голос здравого смысла. Они причинили Дункану боль. Она заставит их заплатить за это. Пусть даже ценой собственной жизни.

Целясь в пах, она пнула главаря ногой, промахнулась, но удар был таким сильным, что он пошатнулся. Пока они не опомнились, она била без разбора локтями, кулаками, коленями, а потом все четверо двинулись на нее.

— Джейн! Остановись! — Голос Джеффри.

Завидев студентов, оборванцы немедленно бросились бежать. Генри и еще несколько человек погнались за ними.

Красная пелена ненависти померкла. Обессиленная, опустошенная, она прислонилась к Джеффри и только теперь осознала, что он назвал ее настоящим именем.

Ее мужское достоинство валялось скомканным на земле, но скорбеть по этому поводу не было времени, как и переживать о том, что над ее телом едва не надругались. Все это отныне не имело никакого значения. Все ее мысли были только о Дункане.

Упав на колени, она прижалась щекой к его залитому потом лицу.

— А ты молодчина, хорошо билась, — морщась от боли, вымолвил он сквозь стиснутые зубы. — В следующий раз целясь в глаза.

— А ты, Дункан из Клифф-Тауэр, упрямый дурак, — прошептала она в ответ, пытаясь не удариться в слезы. Если он способен превозмогать боль и скрывать страх, то и она тоже.

Она подняла голову и увидела рядом Гэвис, которая, очевидно, и привела подмогу. Джеффри, Генри и остальные студенты окружили их с Дунканом плотной стеной.

К ней, наконец, вернулось самообладание. С ужасающей ясностью она поняла, что должна сделать, и очень осторожно ощупала его с головы до ног, пытаясь определить, насколько сильно он пострадал.

— Скорее всего, потребуется перевязать ребра, — не открывая глаз, произнес он с ироничной улыбкой. — И руку.

— Надо отнести его домой. — Мысленно она взмолилась о том, чтобы его травмы были излечимы, и, переведя взгляд на его избитое лицо, тоже выдавила улыбку. — Умеешь же ты влезать в неприятности, наставник Дункан. Хорошо, что твои друзья подросли на помощь.

Но он, потеряв от боли сознание, уже не слышал ее.

Джеффри подхватил его подмышками. Генри взялся за ноги. Правая рука Дункана безжизненно повисла, и Джейн бережно положила искалеченную кисть ему на грудь.

По дороге в общежитие Гэвис шла с нею рядом.

— Я собиралась вернуться домой, — прошептала Джейн. Их ссора, казалось, случилась давным-давно. — Я не нужна ему. Дункан меня стыдится... — Ее голос мучительно дрогнул. — Стыдится? — возмущенно повторила Гэвис. — Такой редкостной женщины, как ты? Она покачала головой. Гэвис незачем знать, что вся ее уникальность — в капле королевской крови.

У двери общежития подруги расстались.

— Я буду молиться за тебя, — прошептала Гэвис.

Она с грустью посмотрела ей вслед и поплотнее завернулась в промокшую накидку.

— Теперь обо мне знают все? — спросила она у Джеффри, прежде чем переступить порог. Неважно, считают ее женщиной или нет, сейчас никто не выгонит ее из общежития.

— Несколько человек. Они будут молчать.

— Посмотрим.

Они занесли Дункана внутрь и под взглядами студентов начали поднимать его вверх по лестнице. Стояла непривычная тишина. Никто не сыпал остротами, не обменивался тычками и шутивными оскорблениями.

Наконец они добрались до его спальни, и Джейн закрыла перед студентами дверь. Сейчас ей было не до объяснений.

Джеффри и Генри положили Дункана на кровать и с вопросительным видом уставились на нее, словно оставляя за ней право решать, что делать дальше. Словно она знала, как лечить и ухаживать за больными.

— Генри, разожги огонь и принеси воды и каких-нибудь тряпок. Джеффри, а ты приведи хирурга.

Тот неуверенно замялся.

— Может, лучше позвать Мэтью Грегори? Он хороший лекарь.

Она покачала головой и даже позволила себе издать короткий смешок. Дункан учил ее, что предубеждение против хирургов — нелепое заблуждение.

— Разве похоже, что у него дисбаланс жизненных соков? Нам нужен тот, кто разбирается в костях. — О том, что вылечить его перелом может оказаться не по силам даже самому опытному хирургу, она боялась даже думать.

Дрова в очаге разгорелись. Генри встал.

— А после того, как приведете хирурга, принесите самого крепкого вина, какое только сможете раздобыть. Для него, — пояснила она, завидев шок на их лицах. — И еще одно.

Они остановились.

— Зайдите в церковь и поставьте свечу.

На прощание Джеффри обнял ее, уже не как Джона, но как женщину, которую необходимо утешить, а Генри, вытерев ладонь о рубаху, пожал ей руку.

Джейн проводила их до порога, но к студентам, толпившимся в коридоре, не вышла. Пусть объяснениями займется Джеффри. Закрыв дверь, она прижалась лбом к деревянной поверхности. Все ее существо сковал страх. Что, если из-за нее он останется калекой?

Она на цыпочках подошла к кровати и заставила себя посмотреть на его правую руку.

Кисть, безвольно лежавшая на его груди, была истерзана до неузнаваемости. Она легонько дотронулась до нее, жалея, что лаской невозможно успокоить боль. Вся его одежда и простыни были залиты кровью. Она огляделась в поисках куска материи, чтобы попробовать остановить кровотечение, но ничего не нашла. Потом вспомнила о полоске ткани на своих грудях и поняла, что нужно сделать.

Вытянув руки из рукавов, Джейн сняла перевязь, скомкала ее и снова оделась. Потом присела на краешек постели и приложила ткань к ране. Белое полотно моментально пропиталось кровью. Она задержала дыхание, стараясь действовать осторожно. Пальцы ее тряслись. Нечаянно задев его сильнее, чем нужно, она почувствовала, как сдвинулись кости.

Ее заполонило знакомое чувство бессилия. Соскочив с кровати, она отпрянула назад и вжалась спиной в стену.

Дункан лежал перед ней, беспомощный и неподвижный.

Из неплотно закрытого окна потянуло сквозняком. Она жадно глотнула воздуха, и тошнота прошла.

То, от чего она убежала, настигло ее снова. Ответственность за близкого человека в момент, когда на кону стоит его жизнь.

Я не могу.

Пусть она ничего не умеет. Но неужели она будет стоять столбом и бездействовать, когда Дункан в любую минуту может умереть у нее на глазах? Что ей делать? С чего начать? Что, если неуклюжие попытки облегчить его страдания только навредят ему?

Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как она послала за хирургом.

Она было одна. Некому было о ней позаботиться. Не было ни единого шанса уклониться от долга. И если она сделает что-нибудь не так, обратиться за помощью тоже будет не к кому.

Она могла рассчитывать только на себя.

Но она все еще дышала. И он тоже.

Присев на кровать, она согрела в ладонях его здоровую руку, словно эта ласка могла спасти больную. Слава богу, Дункан все еще был без сознания. Его лицо и руки были сплошь покрыты синяками и ссадинами. Побитый жизнью, но не поверженный. Таким же он предстал перед нею в день, когда они познакомились.

И Джейн поклялась себе сделать все, что в ее силах, чтобы помочь ему выкарабкаться.

Да, быть может, она не идеальна. Быть может, она справится не лучшим образом. Но она любит его и на этот раз не сбежит.

И, готовая к приходу хирурга, она решительно засучила рукава.

Вино прибыло раньше врача. Джеффри вручил ей целый кувшин. Прежде чем отставить его в сторону, она сделала большой глоток для храбрости, уповая на то, что вино окажется достаточно крепким для того, чтобы заглушить боль, когда Дункан очнется. Она пожалела, что не прислушивалась, когда мать объясняла Солей как изготавливать из белладонны напиток для облегчения боли.

Вскоре подоспел и Генри. Забрав у него воду и тряпки, она осторожно смыла с Дункана грязь и подсохшую кровь, стараясь не задевать больную руку.

В дверь коротко постучали. В комнату, не дожидаясь разрешения, вошел хирург — маленький человечек с большим крючковатым носом на бесстрастном лице. Джеффри и Генри, переглянувшись, оставили ее с ним наедине.

Спотыкаясь от облегчения, она подошла вслед за хирургом к кровати и заплетающимся языком рассказала о том, что произошло.

— Ты загораживаешь мне свет, — не поднимая глаз, сказал он. — Отойди пока. Я позову, когда ты понадобишься.

Когда ты понадобишься.

Джейн шагнула в сторону. Сердце гулко колотилось в груди.

— Я в этом почти не разбираюсь, — пискнула она. — Я не знаю, что надо делать... — Ее руки, словно птичьи крылья, беспомощно взметнулись вверх. Она завела их за спину. По крайней мере, они обе целы.

— Я скажу тебе, что делать. — Он оглядел комнату и, заметив у стены гиттерн, сказал: — Пока поиграй немного. Быть может, музыка благотворно на него повлияет.

При взгляде на инструмент ее затопило чувство вины.

— Я знаю всего несколько аккордов.

— Критиковать он не будет, поверь.

Она не была в этом уверена. Если музыка обладает целительной силой, то ее попытки играть скорее усилят, а не облегчат его мучения. Тем не менее, она покорно взяла инструмент и, настроившись, запела ту самую непристойную песенку, которой когда-то научил ее Дункан. Хирург, обернувшись, приподнял брови.

— Других песен я не знаю, — сказала она.

Неизвестно, стало ли Дункану легче, но ее сама музыка отвлекла. Вынужденная следить за пальцами, она не видела, что хирург делал с Дунканом.

— Ты его жена? — в конце концов прервал он ее.

Джейн моргнула. Выходит, хирург догадался, кто она. Она покачала головой, надеясь, что он не донесет, что в общежитии была женщина.

— Значит, родственница? Он без сознания. Кто-то должен принимать за него решения.

Она подумала о его далеких родичах. О Джефффри и Генри, которые ждали внизу. Ни у кого из них не было на это больше прав, чем у нее. Никто из них не любил его так же сильно.

— Это буду я.

— Перелом крайне сложный. Я могу оставить руку, как есть, и тогда он больше никак не сможет ею управляться. Или могу попробовать подвигать кости и вправить на место. Я ничего не обещаю, но в этом случае появится шанс, что он сможет выполнять рукой хоть какие-то действия. — В его глазах появилось сострадание, и уже мягче он прибавил: — Но учти, шанс совсем небольшой, а боль будет невыносимая.

Она знала, какой выбор сделал бы Дункан, будь он в сознании.

В нашем мире калекам нет места.

Она коснулась губами его влажного лба, потом посмотрела хирургу в глаза.

— Делайте что угодно, лишь бы его вылечить. — И когда Дункан закричал, она запела. Но уже другую песню.

Смотреть на тебя приятно моим глазам, ласкать тебя приятно моим ладоням, целовать тебя приятно моим устам, любить тебя дорого моему сердцу.

Позволь возлечь с тобой рядом, позволь любить тебя вечно. Всю жизнь, пока я дышу.

Когда хирург ушел, она, следуя его наставлениям, день и ночь напролет меняла окровавленные повязки и, чтобы сбить жар, прикладывала ко лбу Дункана тряпицу, смоченную холодной водой. И еще она вызвала Мэтью Грегори, дабы знать наверняка, что сделала все от нее зависящее.

Наконец он забылся сном. Больше ничего нельзя было сделать. В безмолвии комнаты пульсировала боль.

Распахнув ставни, Джейн сощурилась, когда в глаза ударил яркий солнечный свет. За пределами комнаты жизнь шла своим чередом. Внизу трапезничали студенты, сокрушаясь о том, что случилось с Дунканом. Скоро они разойдутся кто куда — на уроки, в церковь, в пивные. Будут жить своей жизнью.

Но жизнь Дункана никогда не станет прежней.

Он больше не сможет держать меч или исправлять ошибки в студенческих сочинениях. Не сможет взять гиттерн и сотворить мелодию.

Повернувшись к внешнему миру спиной, она наблюдала за ним и молилась о том, чтобы он пробыл в блаженном забытии как можно дольше.

Он проснулся только на следующее утро. Она не пропустила этот момент, ибо всю ночь не сводила с него глаз.

Еще не осознавая, что с ним произошло, он улыбнулся и знакомым жестом попытался протереть глаза. Она не успела остановить его. Подняв руки, он долгое мгновение непонимающе смотрел на бесформенную из-за слоев бинтов кисть. Потом по его лицу она поняла, что к нему вернулась память.

Надеясь отвлечь его, Джейн накрыла его руки ладонями.

— Ты жив, — горячо зашептала она. — Я с тобой. Все будет хорошо.

Он высвободился и отодвинулся, потом попробовал сжать правую руку в кулак, словно хотел разочарованно стукнуть ею по ладони.

Она придержала его руки.

— Лежи смирно. Иначе кости могут сместиться и срастись неправильно.

Он взглянул на нее, безрадостно и сурово.

— Они срастутся неправильно в любом случае.

— Это еще неизвестно. Главное, их не тревожить, а там посмотрим. — Она обещала себе больше никогда не замалчивать правду, но именно этим она сейчас и занималась.

— Не нужно кормить меня сказками. Я не ребенок. — Он приподнял искалеченную руку здоровой. — Я же не совсем профан в медицине. Даже если кости срастутся, эта рука больше ни на что не годна.

— Неправда...

Он резко сел и, словно палицей, потряс перед ее лицом обмотанной окровавленными бинтами кистью.

— Я смогу ею писать? Отвечай.

Сжав губы, она покачала головой.

— А держать меч?

— Не знаю. — Нужно остановить поток этих ужасных вопросов. — Прошло слишком мало времени...

Но он, развенчивая ее ложь, не давал ей пощады.

— Эти никчемные пальцы смогут ласкать тебя так, как тебе нравится? Они смогут заставить тебя кричать от наслаждения?

— Это неважно. Мы что-нибудь придумаем...

Здоровой рукой он неуклюже ухватился за ее плечо.

— Не лги мне, женщина. — Не голос, а рык, полный гнева и боли. Он взглянул на гиттерн, стоящую возле кровати. — Я смогу снова играть?

Она перевела взгляд на инструмент, потом снова посмотрела ему в глаза.

— Когда-нибудь.

Он отпустил ее, почти оттолкнул.

— Ты хотела сказать, никогда.

Оно и к лучшему, что он умер. Так он говорил о своем брате.

— Я буду с тобой рядом. Мы вместе преодолеем все трудности. В конце концов, ты

можешь преподавать.

Его глаза стали пустыми. Он смотрел на нее, но не видел.

— Мне и раньше-то было почти нечего предложить тебе, а теперь и вовсе. Ни тебе, ни кому-либо еще. — Он лег и повернулся к ней спиной. — Уходи. Я не хочу тебя видеть.

Закаленная долгими часами, проведенными у его постели, она встала.

Он привык помогать людям, но совсем не умел принимать помощь. Пока он приспособится, пройдет немало времени. Ничего. Она подождет.

— Я уйду, но только затем, чтобы принести воду и свежие повязки.

Но когда она вернулась, дверь оказалась заперта изнутри.

Эта таверна была уже пятой по счету, и в каждой Джастин заказывал обязательную кружку эля.

Он медленно потягивал напиток, все еще пребывая в дурном настроении из-за размолвки с женой. Они ведь с самого начала условились всегда говорить друг другу правду. И тем не менее Солей скрыла от него тот факт, что в Вестминстере виделась с Джейн, а когда, наконец, рассказала, было уже поздно. Девушка снова бесследно исчезла.

Маленькая дурочка сделала именно то, чего они так боялись: сбежала, переодевшись в мужское платье, и вдобавок ко всему влюбилась без памяти.

Симпатии его жены, излишне мягкосердечной, были целиком и полностью на стороне сестры. Сам он на ее месте без лишних разговоров увез бы ее домой, вместо того чтобы отпустить к человеку, который вне всякого сомнения воспользовался наивностью этой бедняжки.

Она живет в общежитии — вот и все сведения, которыми снабдила его жена. Но в Кембридже их было десятки, и потому, чтобы напасть на след, ему пришлось обивать пороги питейных заведений. Разумеется, школярам было запрещено посещать таверны, но к счастью на это правило они обращали не больше внимания, чем в его бытность студентом.

Отвыкший от терпкого вкуса студенческого эля, он отставил кружку и в пятый раз изложил историю о юном студенте и его наставнике-северянине. На этот раз ему улыбнулась удача.

— Похоже, вы имеете в виду Дункана и Маленького Джона. — Лицо хозяйки прояснилось. — До той кошмарной драки они частенько сюда заходили. Прошло уже дней десять, не меньше, как их не видеть.

— Где они живут?

— В общежитии «Солар». Напротив Святой Троицы.

Он хотел было вернуться в гостиницу и сообщить радостные вести жене, но решил не искушать судьбу и не терять времени.

На сей раз Джейн не ускользнет от него.

* * *

Джеффри потряс ее за плечо, и она проснулась.

— Там внизу какой-то человек, — сообщил он, озабоченно хмурясь. — Он спрашивает Джона.

Она села и, прогоняя остатки сна, тряхнула головой.

— Как Дункан? — Когда он от нее закрылся, она снабдила Джеффри и Генри подробными инструкциями, как за ним ухаживать, а они уступили ей свою комнату, где впервые за несколько дней у нее получилось выспаться. — Он впустил тебя?

— Да, и хирурга тоже.

Она свесила ноги на пол.

— Он поел?

— Немного.

Что ж, по крайней мере, этот упрямец не собирается морить себя голодом.

— Который сейчас час? — Она спала так крепко, что не слышала звона колоколов.

— Девять утра.

Джейн пригладила ладонями волосы. Она не меняла одежду больше недели. Можно только гадать, когда теперь у нее получится вымыться.

— Джеффри, — начала она, — ты, наверное, хочешь спросить...

— Мы все знаем. Он рассказал нам перед самой дракой.

— Вам? — Она осеклась. — Тебе, Генри и кому еще?

— Только нам. Случайно узнали еще несколько человек, которые в тот день были с нами, но я позаботился о том, чтобы они держали язык за зубами.

Милый, добрый Джеффри.

— Мэри очень повезло с тобой.

— Так ты спустишься вниз? — напомнил он.

Она и забыла, что ее ждет посетитель. Наверное, какой-нибудь не в меру усердный педель пришел, чтобы взыскать штраф за драку.

— Можешь сказать ему, что не смог до меня добудиться?

— Он представился мужем твоей сестры.

— Джастин? Он здесь? — Впрочем, чему удивляться. — Скажи ему, что я скоро приду.

Она ополоснула лицо холодной водой, причесала пальцами волосы и, одевшись, попыталась привести мятую тунику в пристойный вид. Перевязь она давно не носила и потому набросила сверху табард, уповая на то, что под ним холмики ее груди будут не заметны.

Джастин ждал ее внизу. Он не расхаживал из угла в угол, не постукивал пальцами по столу, как делал бы на его месте Дункан. Он просто сидел, не двигаясь, за столом и ждал. Было тихо, хотя обычно воздух в общей комнате гудел от разговоров. Студенты, уткнувшись в книжки, усиленно делали вид, что читают.

Едва увидев ее на лестнице, он встал. В его взгляде появилось облегчение.

— Маленький Джон, не так ли? — с долей сарказма спросил он.

— Да, так меня называют.

— Где мы можем поговорить?

Кивком она позвала его за собой, и они поднялись в комнату, откуда она только что вышла. Плотно притворив дверь, Джастин присел рядом с нею на тонкий соломенный матрас.

Если перед сестрой у нее получилось оправдаться, то с зятем все будет сложнее. От него снисхождения можно не ждать.

— Я все тебе объясню, — начала она.

— Уж будь добра.

Слова не шли у нее с языка, ибо она привыкла говорить с представителями его пола на равных. Впрочем, не растеряла же она до конца свое *virile animo*.

Она посмотрела ему в лицо.

— Солей, наверное, обо всем тебе рассказала. — Это был не вопрос. — Так что, добавить мне, по сути, особенно нечего.

— Я бы никогда не выдал тебя замуж насильно. — Глаза его вспыхнули сожалением. — Никогда.

Она восприняла это как извинение — совершенно, по ее мнению, лишнее.

— Я знаю, из-за того, что я натворила, теперь никто не возьмет меня в жены. Я не думала об этом, когда убегала.

Я не думала вообще ни о чем.

Какой же глупой и эгоистичной была та девчонка, которая стояла на дороге, расчесывая укус, и совершенно не задумывалась о том, что, когда ее приключения закончатся, она останется никому не нужна, а Джастину до конца жизни придется ее содержать.

— Извини меня.

— Ты, часом, не... — Он смешался, как обычно бывало с мужчинами, когда речь заходила о детях.

— Нет. — В один из этих суматошных дней ей пришлось иметь дело не только с кровью Дункана, но и со своей.

— Какие отношения связывают тебя с этим человеком?

Должно быть, он видел Дункана на заседании совета. Интересно, каким он ему показался?

— Сложно сказать. Много изменилось, — ответила она уклончиво. Какими словами объяснить то, в чем она сама не уверена?

Глаза Джастина цинично блеснули.

— Неважно. Возвращайся домой, и все.

Дом. Само слово искушало ее вернуться к былой, не обремененной заботами жизни и снова стать той беспечной девчонкой, которая разыгрывала из себя мальчика. Разве у нее есть другой выбор? Здесь точно нельзя оставаться, ведь Дункан от нее отказался.

Джастин заметил, что она колеблется.

— Собирай вещи. Я отвезу тебя домой. Будешь жить, как тебе нравится.

Дома было уютно и безопасно. Но какое это имеет значение, если дома придется жить в тени чужого счастья, а сама она будет несчастлива?

Нет. Джейн точно знала, чего она хочет. Каким-то образом это знание давно и прочно засело у нее внутри и со временем только окрепло. Отныне ее судьба неразделимо связана с Дунканом, и неважно, насколько трудным окажется этот путь.

— Я хочу уехать с ним. Мое место отныне — с ним рядом. — Она замолчала, не зная, что сказать дальше.

— Это он тебя попросил?

Она отвернулась, высматривая за окном проблеск дневного света.

— Он отверг меня.

Джастин встал.

— Раз уж он пришелся тебе по сердцу, я поговорю с ним. В конце концов, он должен взять на себя ответственность за то, что...

Опять мужчина порывается решать за нее. Но эту битву она должна довести до конца сама, без посторонней помощи. Грустно усмехнувшись, Джейн тронула его за рукав.

— Все не так-то просто. Он больше не может владеть правой рукой.

На лице Джастина проступило понимание.

— Если он не в состоянии тебя содержать, ты не обязана...

— Для меня это не имеет значения. Я все равно хочу быть с ним.

— Дитя мое, мужчину нельзя заставлять жениться, какими бы глупыми не казались причины, по которым он тебя отвергает. Я знаю это как никто другой.

— Я уже не ребенок, Джастин. И любовь моя вовсе не детская. — Она улыбнулась.

Никакие трудности и препятствия больше не пугали ее.

— Но не могу же я позволить тебе гоняться за человеком, которому ты не нужна, тем более если он не может обеспечить тебе достойную жизнь.

— Не тебе это решать, Джастин, — ответила она. — Королевская кровь, знаешь ли, очень упряма.

Он нахмурился, открыл было рот и после недолгого молчания произнес:

— По крайней мере, приходи повидать маленького Уильяма.

— Он тоже здесь?

— В гостинице «Белая лошадь» вместе с Солей и вашей матерью.

Она вспомнила, что обещала сестре навестить мать. Эта встреча подвергнет ее решимость серьезному испытанию...

— Ты никого не предашь, если придешь повидаться с ними, — успокоил ее Джастин.

Она оглядела свое несвежее платье.

— В таком виде? — Внезапно ей захотелось доказать им, что ее побег не был ошибкой, сделать так, чтобы они прониклись за нее гордостью.

Он рассмеялся.

— Ерунда, они и не заметят. Идем. — Он довел ее до двери и остановился. — Этот человек...

— Дункан.

— Я должен поговорить с ним.

— Не сейчас. Он еще не готов. Ему нужно время.

Ей тоже было необходимо время — на то, чтобы убедить его снова впустить ее в свою жизнь. Каким образом это сделать, она пока что не знала, но иначе было нельзя.

Потому что Джастин был прав: она не могла остаться с Дунканом против его воли.

* * *

— Оставьте нас. — Элис де Вестон, сидя на простом деревянном стуле, выпрямила спину, и атмосфера в тесном помещении гостиничной комнаты сделалась формальной как в парадном зале Вестминстерского дворца.

Разговоры и смех затихли. Закончив пересчитывать крошечные пальчики на ручках и ножках племянника, Джейн передала младенца Солей, и сестра, бросив на нее полный сочувствия взгляд, вместе с мужем вышла из комнаты.

Сцепив руки за спиной и расправив плечи, она вновь посетовала, что не нашла возможности вымыться и переодеться. Хотя, возможно, так даже лучше. Так сразу видно, что за последние пять месяцев она сильно изменилась.

В очаге тихо трещали поленья. Сквозь приоткрытые ставни доносились голоса студентов, которые о чем-то дискутировали, проходя по улице. Вкрапления латинских фраз смешивались с пронзительным гогогом гусей и вонью лошадиного навоза.

— Ты, наверное, ждешь объяснений.

Едва заметный кивок.

Джейн попыталась привести мысли в порядок, дабы не удариться в эмоциональную женскую болтовню, но и не свести разговор к сухому мужскому изложению фактов.

— Однажды меня спросили, какой женщиной была моя мать, — начала она. — Я

сказала, что ты была сильной. И мне ответили, что в этом я на тебя похожа.

Мать слегка улыбнулась.

— Если я и была сильной, то по необходимости. Не скажу, что мне это нравилось. Или что это было легко.

Теперь самое сложное.

— Я убежала, потому что испугалась. Испугалась того, что не справлюсь, что вместо помощи причиню Солей вред. Но за время, проведенное среди мужчин, я кое-чему научилась. Теперь я умею действовать невзирая на страх.

— Расскажи, чему еще ты научилась. — Интонация была теплее, чем она ожидала.

— Я хотела научиться защищать свое. Чтобы никто, ни при каких обстоятельствах не мог у меня этого отнять — ни чужие люди, ни муж, ни... — Она запнулась, не зная, как назвать короля. — Я думала, что этого можно добиться, если жить в обличье мужчины.

— Теперь ты так не думаешь?

— Теперь я знаю: то, что нельзя отнять, находится внутри меня.

— Солей сказала, в твоей жизни появился мужчина.

Опустившись на пол у ног матери, она рассказала о Дункане все — от момента их встречи на дороге и до вчерашнего дня, когда он от нее отгородился запертой дверью. Когда она закончила, в комнате воцарилась тишина. После долгого молчания мать проговорила:

— И ради него ты готова на все. Даже на то, о чем раньше не могла и помыслить.

— Да! — Мать поняла ее. Джейн затопило невероятное облегчение — будто река вырвалась из оков зимнего льда. Неужели мать тоже когда-то любила?

— Ты думала, я не дам вам своего благословения?

— А ты дашь его?

— Если вы будете достаточно убедительны.

Ни «да», ни «нет».

— Кто еще должен дать согласие?

— Король. Впрочем, он едва ли станет возражать. С тех пор, как Солей вышла замуж, многое изменилось.

— Значит, из-за моего происхождения королю будет не все равно?

Мать кивнула.

— А что твое происхождение значит для тебя?

Из-за Дункана оно стало досадной помехой. Но матери лучше об этом не говорить.

— Раньше мне казалось, что, будь я мужчиной, то королевская кровь распахнет передо мной все двери. Но, познакомившись с королем, я поняла, что он обычный человек. Причем далеко не такой смелый и благородный, как тот, кого я люблю.

— Джейн, пора тебе узнать одну вещь.

Она озадаченно склонила голову набок. Глаза матери прятались в темноте.

— Какую?

Мать взяла ее за плечи.

— Королевской крови в тебе не больше, чем во мне.

— Но как... — И что важнее всего: — Но кто тогда...

— Твоим настоящим отцом был мой муж.

Уильям де Вестон. Не человек, а тень, смутное воспоминание, в отличие от яркого образа короля, этого постаревшего льва, который часами держал ее на коленях.

— А Солей...

— То же.

— Но почему... — Ее мысли смешались. До смерти короля она и в глаза не видела этого так называемого отца.

— По тем же самым причинам, которые понуждают тебя отдать свою жизнь человеку, от которого другие отказались бы. Потому что я любила его и хотела подарить ему чувство, в котором он очень нуждался. Уверенность в том, что он по-прежнему мужчина.

Стареющий король понимал, что его величие неумолимо клонится к закату, но дети, живое доказательство его мужественности, поддерживали в нем жизнь.

Вот и Дункан перестал считать себя полноценным мужчиной и боялся унижить себя, опершись на ее женское плечо.

— Я должна вселить эту уверенность в Дункана. Но как?

— Ответ на этот вопрос ты должна отыскать сама.

И как можно скорее.

— Почему ты не открыла правду сразу после смерти короля?

— Я не хотела лишать вас возможности гордиться своим происхождением.

И она им гордилась до тех пор, пока не обрела силу в себе.

— Но Солей ты все-таки рассказала.

— Она узнала случайно во время судебного разбирательства.

Пикеринг. Она задрожала как перед бурей.

— Мама, ты должна знать еще одну вещь. Дункан дружит с сэром Джеймсом Пикерингом. — Мать молчала, и Джейн прибавила: — Солей боится, что ты не разрешишь мне выйти за друга своего врага.

— Вот, значит, как? — Мать усмехнулась. — За что же мне обижаться на хорошего законника, который всего лишь добросовестно выполнял свою работу? Не Пикеринга и не Джастина нужно винить за то, что мы потеряли дом. Я одна виновата в этом и больше никто.

— Ты?

— Если бы я не отказалась признать вас дочерьми Уильяма, то дом, вне всякого сомнения, оставили бы за вами.

Значит, не мужчина виновен в том, что они все потеряли, но женщина.

— Наверное, зря я скрывала от вас правду, — горько проговорила мать. — Но кроме гордости за отца мне нечего было вам дать.

— Думаю, сейчас все это не важно. — Все, кроме Дункана.

— Что значит — не важно? — резко, с обидой спросила мать.

— Прости. Я не то хотела сказать...

Мать только махнула рукой и со вздохом прикрыла глаза.

— Как странно... Всю жизнь терзаться из-за вещей, которые казались необычайно важными, и в конце концов понять, что смысла в них ни на грош.

Для всех, кроме матери и покойного короля.

Огонь в очаге погас. Сквозь щели в ставнях темнело зимнее небо, разрезанное серебряным серпом месяца.

— Эдуард был бы счастлив назвать тебя своей дочерью.

Мать крепко сжала ее плечо, и Джейн улыбнулась.

— Приведи его ко мне. Если он окажется стоящим человеком, я не стану чинить вам препятствий. Взаимная любовь это слишком ценный дар, чтобы ею разбрасываться. Что толку о того, что когда-то давно я была богата. Счастье соединить возлюбленного и мужа в

одном человеке не купишь ни за какие деньги.

Джейн обняла ее, бормоча слова благодарности.

Но ей предстояло преодолеть самое серьезное препятствие.

Упрямство Дункана.

Возвращаться в общежитие было поздно, и она осталась на ночь в гостинице, где наконец-то вымылась и сменила одежду. Тунику и шоссы она отдавать не хотела, памятуя о том, что они понадобятся для возвращения в общежитие, но Солей умела быть настойчивой.

— Просто примерь. — И она вручила Джейн одно из своих платьев. А потом, спрятав потрепанное мальчишеское одеяние, распутала гребнем ее светлые кудри, пощипала щеки и надушила розовой водой. — Смотри, какая ты прелесть.

Она и впрямь преобразилась точно по волшебству, и все-таки не могла отделаться от ощущения, что это очередной маскарад. Красивое платье, тонкий аромат розы — все было чужое. И не женщина, и не мужчина, она чувствовала себя каким-то гротескным гибридным существом, похожим на тех, что часто рисовали по полях Псалтыри. Наполовину люди, наполовину животные, они были изгнаны из мира людей и обречены жить на далеких пустынных землях.

И все же у нее щемило сердце, когда она брала на руки малыша или подмечала, с какой любовью Джастин улыбается жене, когда думает, что никто не видит. Как нежно он обнимает ее за плечи, а та отвечает на ласку, прижимаясь к его ладони щекой.

Смогут ли и они с Дунканом когда-нибудь обрести такой же покой? Если он уступит ее уговорам, какая жизнь ждет их впереди? В то ужасное утро, узнав о ее королевском происхождении, он пытался что-то втолковать ей о своей семье. Она впервые задумалась над тем, как они ее примут и примут ли вообще. Что они подумают о ней, когда увидят?

Ведь кроме них двоих в мире есть и другие люди.

Как им построить жизнь вместе?

После завтрака она решительно объявила, что уходит к Дункану.

Джастин уступил, предварительно посоветовавшись с Солей, и настоял на том, чтобы сперва он один, без нее, зашел в общежитие, а после нанес визит ректору. Ее мужское одеяние сестра отдала отказалась, отговорившись тем, что оно еще не вернулось из стирки.

Благодаря связям Джастина при дворе она получила специальное разрешение на посещение общежития. Когда она появилась на пороге, одетая в непривычное синее платье, студенты дружно уставились на нее, не узнавая.

Джейн и сама себя не узнавала.

Уединившись с Генри и Джеффри, она забросала их вопросами.

— Вы меняли ему повязки? Проследили за тем, чтобы он поел?

— Мы сделали все, о чем ты наказывала, — мягко ответил Джеффри. — Не ты одна умеешь о нем заботиться.

Она устыдилась того, что невольно обидела их. Во всем виновато женское платье. Это оно понуждало ее цепляться за исконно женские обязанности и не уступать их мужчинам из страха остаться не у дел.

— Он спрашивал обо мне?

Джеффри молча покачал головой.

Так она и думала.

— Я должна с ним увидеться.

— Он не хочет тебя видеть. — Генри, как обычно, был прямолинеен.

— Дай ему время.

— У него было достаточно времени. — Они полагали, что поступают в ее интересах. У них были самые благие намерения. Однако эти самые благие намерения грозили разрушить ее будущее. — Но у меня этого времени нет! Я знаю, что Джастин сегодня был здесь. Что он вам сказал?

Они переглянулись. Так и есть. Ради ее мнимого блага мужчины сговорились против нее.

Что ж, раз они молчат, она ответит на этот вопрос сама.

— Вы должны заболтать меня, покуда он меня не заберет, так? — Смущение на их лицах доказало, что она права. — Как вы не понимаете, он увезет меня, и я больше не смогу вернуться обратно.

Мать обещала не чинить им препятствия, но за нее это сделают остальные. Отныне, когда всем известно, что она женщина, доступ в общежитие для нее закрыт. Ее увезут домой, утешив заверениями, что Дункану ничто не мешает навестить ее, когда — и если — у него появится такое желание.

Но в глазах Дункана ее исчезновение будет означать отказ соединить свою жизнь с калеккой. Выяснить, куда ее увезли, будет ниже его достоинства.

Он никогда, никогда за ней не приедет.

— Дверь все еще заперта?

— Нет. Он разрешает нам заходить, когда нужно.

— Тогда отойдите в сторону и дайте пройти.

Она сошла вниз по лестнице, с непривычки путаясь в подоле длинного платья, и, оказавшись у двери в его комнату, услышала тихое звучание гиттерн. И зажмурилась, сдерживая слезы.

Он не сдался. По крайней мере, пытается не сдаваться.

Она с усилием проглотила ком в горле. Лишь бы не расплакаться перед ним.

Доносившиеся из-за двери ноты, полные боли и разочарования, спотыкались, словно он отчаялся сотворить мелодию и теперь бесцельно терзал инструмент.

Вздернув подбородок, она коротко, по-мужски постучала и открыла дверь.

Дункан полулежал в кровати, откинувшись на спинку и закрыв глаза. На коленях мертвым грузом лежала гиттерн. Кисть его правой руки, похожая на большой полотняный шар, была замотана до самых кончиков пальцев.

Почуввав незнакомый аромат розовой воды, он поморщился и открыл глаза. На его лице отобразилось удивление.

— Уходи, — сказал он без злости, устало.

— Нет, — ответила она непререкаемым тоном. Ее сердце сжалось. Неужели все-таки он сдался? Уж лучше пусть бы он кричал на нее, пылал ненавистью, делал что угодно, только не выражал всем своим обликом полное безразличие. Она подошла к очагу и осторожно, чтобы не испачкать платье Солей пеплом, разворошила дрова.

Наверное, сейчас не время рассказывать о ее настоящем отце. Да и вряд ли он ей поверит. Пусть он услышит правду от ее матери. Но сперва надо уговорить его встретиться с нею.

— Ты изменилась, — произнес он в конце концов.

— И ощущаю себя чертовски странно. — Она поежилась.

— Нас ждет серьезный нагоняй за то, что ты явилась сюда, разодетая в женское платье.

— Будет тебе считать меня бестолочью, — сказала она, и его просторечный акцент на языке был знаком и приятен на вкус. — Я взяла разрешение на день.

— Что ж... — Голос его звучал мягче, чем когда-либо на ее памяти. — Тогда рад тебя видеть.

Она осторожно присела на краешек кровати и потянулась, чтобы убрать прядь волос с его лба, но он, дернув головой, увернулся.

— Насколько я понимаю, ты решила вернуться домой.

— Кто наплел тебе эту чепуху?

— Да по всему видно. Джеффри сказал, ты ушла из общежития.

— Потому что ты от меня закрылся. — Сколько всего предстоит объяснить... — Дункан, когда мы были в Вестминстере, я встретила свою сестру...

— И не рассказала мне? — Знакомая вспышка гнева.

— Я собиралась, но потом... — Потом ее мир перевернулся. — Они с мужем приехали сюда, чтобы забрать меня.

— Оно и к лучшему. — Его гнев быстро иссяк. Осталась одна усталость. — Раз твою семью принимают при дворе, то мне нечего тебе дать.

— Почему ты так думаешь?

— Я уже пытался донести это до тебя. — Он выпрямился и заговорил, отчетливо выговаривая слова: — Мой отец неграмотный и грубый старик. Мать вечно молчит. Брат всего и умеет, что махать мечом да ходить за овцами. Я не знаю, как они тебя примут.

Невзирая на страх — действуй.

— Так зачем гадать? Давай узнаем. Своей матери я уже о нас рассказала, и она хочет с тобой познакомиться.

Он не слышал ее.

— А если я решу остаться на севере навсегда?

Она с трудом сглотнула.

— Тогда я останусь с тобой.

— Не спешила бы ты принимать решение, покуда не увидишь мою родину своими глазами. Я не кривил душой, когда говорил, что она прекрасна. Но там не будет ни книг, ни музыки, кроме той, что играю я. Это не жизнь, а выживание, вечная борьба с землей или с врагом. Там холодно и безотраднo. — Он неловко дотронулся левой рукой до ее лица. — Там не будет ничего для такой красавицы, как ты. Ничего.

— Там будешь ты. Мужчина, которого я люблю. — Ей потребуется собрать в кулак все свое мужество, чтобы принять такой образ жизни. Там не будет ни реверансов, ни уроков латыни. Придется начать жизнь с чистого листа. — Это самое главное.

Безграничная печаль тронула черты его лица. Он помахал перед нею своей искалеченной, перебинтованной кистью.

— Без руки мне нечего тебе предложить!

— Думаешь, я люблю в тебе только твои руки? — Джейн закусила губу. Как же она любила его руки. И те ощущения, которые они дарили, когда ласкали ее, сминали ее волосы, касались ее губ, дразнили местечко между ее ног. Она любила его пальцы. Ей нравилось смотреть, как они держат книгу, или барабанят по краю стола, или перебирают струны гиттерн...

Взгляд ее затуманился, и она сжала губы, чтобы не разрыдаться.

— Человек, которого ты любишь, умер. Его больше нет. А теперь уходи. Езжай домой и

найди себе здорового мужчину. Я не допущу, чтобы ты угробила свою жизнь на калеку.

— Что значит — ты не допустишь? Какой же ты самонадеянный болван, Дункан из Клифф-Тауэр! Моя жизнь принадлежит мне одной, и не тебе ею распоряжаться. Думаешь, если я женщина, то можно решать за меня?

— Что поделатъ, если твои решения не отличаются мудростью.

— Неправда. И вообще, ты ведешь себя так, словно ты единственный человек на свете, который может прожить жизнь, ни к кому не обращаясь за помощью!

Дункан боролся с собой. Она читала эту борьбу на его лице. Он привык сам оказывать помощь другим и, лишившись этой возможности, очевидно, начал считать себя неполноценным мужчиной. Но ведь и ее нельзя было назвать полноценной женщиной, по крайней мере, при взгляде со стороны.

— Я хотел заботиться о тебе, — сказал он. — А без руки я не смогу тебя содержать. Без нее невозможно работать.

— Но ведь ты все еще дышишь?

Дыхание его оборвалось, словно ее вопрос выкачал из комнаты воздух.

— Дышу. — Он отвернулся. — И до конца своих дней буду дышать воздухом, который не заслужил. Это не жизнь, а бессмысленное существование.

— Всегда есть какой-нибудь выход, — сказала она со всей твердостью, на которую только была способна.

— Да, но не с одной же рукой! — взорвался он и швырнул гиттерн в стену. Струны полопались с фальшивым, как его ярость, звоном, и инструмент, расколовшись надвое, с грохотом упал на пол.

— У меня есть две руки, — проговорила она и заключила его истерзанную кисть в ладони. — И одна из них может стать твоей.

Лицо его исказилось. Он накрыл ее руки здоровой рукой и низко склонил голову, а она прижалась к его макушке губами. И ощутила, как в ее ладонь проскользнула слеза.

— Какая же ты упрямец, Маленькая Джейн. И я люблю тебя всем своим сердцем, — произнес он, покрывая поцелуями костяшки ее пальцев, и слова вышли смазанными.

А потом, не стесняясь слез, поднял голову.

— Ну что? — От волнения акцент в его голосе зазвенел сильнее обычного. — Сколько твоих родичей вперед короля надобно обойти, прежде чем мне разрешат взять тебя в жены?

Принятое решение придало Дункану сил.

Джейн пыталась уговорить его не спешить, но он, настояв на своем, выбрался из кровати, вымылся, оделся и к полудню уже был в гостинице, чтобы познакомиться с ее семьей.

Всю дорогу она держала его за руку, не зная, кого таким образом пытается поддержать — себя или его, а другой рукой неуклюже приподнимала подол, стараясь не подметать им улицу и недоумевая про себя, как женщины могут носить столь непрактичную одежду. И все же шелест юбок мало-помалу начинал ей нравиться.

В холле гостиницы не было никого, кроме ее родных, собравшихся у очага.

Когда они вошли, Джастин встал и, узнав в Дункане человека, которого он видел при дворе в Вестминстере, не смог сдержать удивленного возгласа.

Мужчины обменялись оценивающими взглядами. Джейн и Солей тоже переглянулись, и каждая из сестер подумала о том, какие они разные, их мужчины. Джастин был выше, одевался просто, однако изысканно. Выражение его лица всегда оставалось строгим и менялось только в моменты, когда он смотрел на Солей.

Дункан, натура которого балансировала между возвышенным и земным, и вполнину не был таким сдержанным. Он любил смеяться, любил плотские наслаждения и обладал острым умом, который, впрочем, редко успевал обуздать его вспыльчивость.

И она любила его до безумия.

Без лишних церемоний он опустился перед ее матерью на одно колено, впервые на ее памяти — за вычетом того дня, когда он просил за отца перед королем, — склонившись перед кем-то столь низко. Он справился сам, и это вышло у него проще, чем она ожидала, хотя для того, чтобы восстановить равновесие, ему пришлось опереться о пол левой рукой.

— Леди Элис. — Он поднял голову. — Лорд Джастин. Леди Солей. Я хочу жениться на Джейн и прошу вашего разрешения.

Джейн затаила дыхание. Все, включая Джастина, притихли, ожидая, что же ответит Элис. Долго-долго ее мать молча смотрела Дункану в глаза, а потом окинула его внимательным взглядом с головы до пят.

— Насколько я понимаю, человек вы упрямый, наставник Дункан.

— Можно сказать, что и так, миледи. — Он обратил быстрый взгляд на Джейн, и та прикусила улыбку.

— Чтобы приручить мою младшую дочь, потребуется немалое упрямство.

Он широко улыбнулся:

— Тогда мы с нею поладим.

Джейн так и подпрыгнула от радости, а Элис тем временем продолжала:

— Она сказала, что любит вас.

— Мне она сказала о том же. — Его взгляд смягчился. Опершись локтем правой руки о колено, левой он взял ее за руку. — Хотя боюсь, я ее не заслужил.

— Сомневаюсь.

Завидев кривую усмешку матери, Джейн насупилась.

— Но я надеюсь, — произнес он, переводя на нее взгляд, — она знает о том, что я буду любить ее до последнего вдоха. — И от этих слов у нее перехватило дыхание.

— Что и говорить, союз ваш будет не совсем обычным, — сказала ее мать. — Но я благословляю его. Можете встать.

Джастин протянул ему руку, и Дункан, приняв его помощь, поднялся на ноги.

— Мы поженимся в течение недели, а затем уедем на север.

— Но, дорогая моя! — всплеснула руками Солей, обращаясь к Джейн. — Мы же только что обрели тебя. К тому же, нужно дождаться, пока король даст разрешение на этот брак. Возможно, он даже изъявит желание присутствовать на свадьбе. На все приготовления потребуется время.

— У нас нет этого времени, — проговорил Дункан.

— Но к чему такая спешка? — Джастин нахмурился, а Солей обратила пристальный взор на ее живот.

Отвечая на ее немой вопрос, Джейн отрицательно покачала головой.

— Моего отца много месяцев держат в плену шотландцы. Совет пожертвовал некоторую сумму на выкуп за его освобождение. — Он расправил плечи. — Если этих денег окажется недостаточно, я обменяю отца на себя самого.

У нее отлегло от сердца, когда она услышала былые гордые нотки в его голосе. Пусть многое отныне стало для него недоступно, но он все еще мог пожертвовать собой ради отца.

— Но куда денется Джейн?

— Если придется, я останусь вместе с ним, — храбро ответила она, глядя на мать.

Та хранила молчание.

— А как же ваши родители? — не успокаивалась Солей. — Нельзя же вот так запросто привезти домой жену, с которой они незнакомы.

Вдруг они отвергнут ее? — слышалось в ее вопросе.

— Другой жены у меня нет и не будет. Для меня не имеет значения, что они скажут.

— Но, возможно, это имеет значение для Джейн, — резко произнесла ее мать.

Джейн взяла его за руку. Не каждая семья примет такую, как она. И дело даже не в том, что ее мать — Элис де Вестон.

— Если Дункан пожелает сперва получить родительское благословение, я все равно поеду с ним, пусть как невеста, а не жена.

— Это совершенно невозможно! — взорвался Джастин.

— Потому что это меня скомпрометирует? — не сдержала смешка Джейн. — После шести месяцев, проведенных в мужском общежитии — едва ли.

— Я не хочу ждать, — ответил Дункан. — Сложно предугадать, что ждет нас впереди, но от себя могу дать слово, что всю жизнь, всеми силами буду оберегать ее и заботиться о ней.

— Я клянусь в том же, — сказала она.

— И я сдержу слово вне зависимости от того, что скажут мои родители о ее прошлом. — Он улыбнулся. — Или насчет того, что она носит шоссы.

Она улыбнулась ему в ответ, хотя в последнее время начала задумываться о том, что по большому счету не прочь переодеться в юбки.

— Но что будет потом? Прежде всего, где вы будете жить? — спросила Солей. — И когда мы увидим Джейн снова?

— Пока что у меня нет ответов на эти вопросы, — произнес Дункан. — Я знаю только одно: мы с Джейн отыщем их вместе.

— Ну что ж, — молвила Элис. — Вижу, вам обоим и в самом деле не занимать

упрямства. Полагаю, стоит сказать спасибо за то, что вы вообще поставили нас в известность о своих планах. Джастин, спроси хозяина, не припрятано ли у него хорошего гасконского вина. Лучше не затягивать с приготовлениями, а заодно поскорее получить разрешение у его величества, раз уж этой парочке настолько не терпится обвенчаться!

С лица Джейн не сходила улыбка. Впереди ее ждало путешествие на далекий, неприветливый север, и жизнь с человеком, который мог остаться калекой до конца своих дней.

Она была счастлива как никогда.

* * *

В конце концов она уговорила Дункана отложить поездку на несколько дней. Они перебрались в гостиницу, а Джастин отбыл ко двору, чтобы поговорить о них с королем.

Пока Джейн увлеченно осваивала новую для себя роль тетушки, Элис с неохотой, но все же рассказала Дункану правду о ее настоящем отце.

— Выходит, милая, — произнес он после, качая головой, — ты не принцесса.

— Для тебя это важно? — Джейн пытливо всмотрелась в его лицо.

Он обнял ее.

— Если тебе все равно, то мне — тем более.

Ей было абсолютно все равно.

Вернувшись от короля, Джастин привез новость о том, что шотландцы не стали дожидаться лета и вновь перешли границу. Не представляя, какая судьба в свете этих обстоятельств ожидает его отца, Дункан вновь заторопился на север.

— Насколько я понял, ваша история немало позабавила Ричарда, — сообщил Джастин. — Он дал разрешение на брак и прибавил, что теперь понимает, почему предложение учиться в Кингс-холле пришлось юному Джону не по душе.

— Слава богу! — с облегчением воскликнула Джейн. — Я так боялась, он прогневается на нас за обман.

Их вещи, лошадь — все давно было подготовлено к путешествию.

— Тогда мы завтра же обвенчаемся и немедленно отправимся в путь.

— Король просил передать вам не только свои наилучшие пожелания. — Джастин достал мешочек, в котором позвякивали монеты, и вручил его Дункану.

Тот взвесил мешочек на ладони, высыпал деньги на стол и от души расхохотался.

— Что там? — спросила Джейн, заглядывая ему через плечо, и Дункан со смехом ответил:

— Если бы я знал, маленькая моя, что женитьба на тебе сподвигнет короля раскошелиться, то сделал бы предложение давным-давно.

* * *

Сидя впереди Дункана на крепком вороном коне, Джейн куталась в плащ под напором гулявшего по долине мартовского ветра.

— Почти приехали. — Его теплое дыхание овеяло ее ухо. — Гляди. Вон наша башня.

Она увидела приземистую, квадратную в основании башню, совсем такую, как он описывал. Рядом стояла церковь из желтого камня.

— А вон и горы. — Он отпустил ее талию и привольно развел руки в стороны.

Она перевела взгляд на заснеженные вершины, которые заманчиво высились вдалеке.

— Чтобы на них забраться, мне понадобятся башмаки покрепче, — ответила она, и он снова стиснул ее в объятьях.

Обаяние этого дикого края, такого непохожего на все, что она видела до сих пор, постепенно завладело ею. По мере того, как они приближались к башне, росло и ее волнение.

Как отнесутся к ней его близкие?

У неприступной, без единого оконца, башни лошадь остановилась, как будто поняла, что путешествие окончено. Несколько неловко, ибо ему приходилось управлять одной рукой, Дункан спешил, потом помог и ей спуститься на землю. На короткий миг прижавшись к нему, она ощутила силу и надежность его объятий.

Из башни вышли двое мужчин. Один лицом походил на Дункана, а второй, крепкий и седовласый... таким Дункан, наверное, станет через много лет.

Его отец.

Дункан споткнулся, и она взяла его под руку.

На пороге появились две женщины — очевидно, его мать и жена его брата — и замерли, словно не решаясь без разрешения выйти наружу. Неужели ее ждет в этом доме такая же доля?

— Отец? — Дункан не мог поверить своим глазам.

Они шагнули друг другу навстречу.

— Когда тебя отпустили? — Он не знал, плакать или смеяться.

— С месяц назад.

— Но как? Каким образом? — Золото в кармане словно обратилось в свинец.

— Я продал скот, — ответил брат. — Коров, овец... все до последнего ягненка.

Дункан обвел взглядом опустевший двор. Не было слышно привычного блеяния и мычания. Не пахло влажной, еще не остриженной шерстью. Они отдали все, что имели.

— Я приехал, чтобы спасти тебя.

— Но ты ведь теперь ученый человек. — Отец с озадаченным видом поскреб макушку. — У тебя важная работа.

— Не важнее семьи.

— Ты, что ли, хочешь остаться? — Ему показалось или в этом вопросе и впрямь промелькнула нотка надежды?

Он оглянулся на Джейн. Она смотрела вперед спокойно и храбро, но он побоялся давать однозначный ответ, не убедившись, что она — или он — здесь приживется.

— Да. До тех пор, пока не родится наш ребенок.

Отец и брат молча оглядели ее, только теперь догадавшись, что перед ними стоит девушка, а не юноша.

— Это моя жена. Ее зовут Джейн, — произнес Дункан и замер. Одно слово против нес — и он защитит ее честь, пусть даже одной рукой, а после уедет и никогда не вернется.

Джейн — высокая, стройная, светловолосая — пошла навстречу его отцу. Полы ее плаща развевались под резкими порывами ветра.

— Рада познакомиться с вами. — Она протянула руку.

Отец с интересом склонил голову набок.

— Никак не разберу, кого ты привез мне, сынок. Парня или девицу?

Дункан здоровой рукой обнял ее за плечи.

— Она женщина, отец. И женщина редкостная. Она не отказалась от меня, несмотря вот на это. — Красноречивым жестом он показал свою правую кисть. — Она не отказалась ехать со мной, зная, что, если придется, я обменяю себя на твою свободу. И я буду горд и счастлив прожить с нею всю жизнь.

Отец оглядел свои пустые, заскорузлые ладони.

— Нам особенно нечего вам предложить.

Это чувство стыда было Дункану хорошо знакомо.

— Зато у нас есть, что предложить вам. — Он достал мешочек с деньгами. — Мы привезли выкуп, но раз уж он не понадобится, на эти деньги можно купить овец и зерно. Все, что нужно.

Они с отцом встретились взглядом. Разговоры, объяснения — все это можно отложить на потом. Как и то, что позднее ему придется доказать самому себе, что, несмотря на увечье, он по-прежнему остался мужчиной. В глазах отца он разглядел уважение, и это сейчас было самым важным. Уважение, которого он ждал всю жизнь.

— Редкостная женщина, говоришь? — Отец пожал ее протянутую руку.

Во двор, наконец, выбежали женщины, за юбки которых держались дети, и заверещали вокруг него, а после заключили в свои объятия Джейн.

Отец распахнул руки.

— Тогда она будет тебе под стать, сынок. — Они обнялись, и то было новое начало.

Ноябрь 1389 года.

Услышав, как Джейн закричала, он побежал.

Бросив овец и пастуший посох, он бежал навстречу ее крикам через пастбище, потом по дороге к башне и вверх по лестнице. Крики наслаивались друг на друга, подгоняя его вперед с той же неумолимостью, с которой ребенок рвался наружу из чрева его жены.

Задышавшись, он остановился на пороге родильных покоев. Все необходимое — сумка с целебными травами, ножницами и нитью — было у него при себе.

Мать преградила ему дорогу.

— Роды — не мужское занятие.

Он нахмурился.

— Моя жена жила среди студентов и изучала латынь. А ее муж поможет своему первенцу появиться на свет.

Мать неодобрительно покачала головой, но все же отошла в сторону. Со временем они научились не спорить с Дунканом и его сорванцом-женой.

Завидев его, Джейн улыбнулась, и он, взяв ее маленькую ладонь, попытался сжать ее своими искалеченными, плохо гнущимися пальцами.

— Я здесь, моя милая.

Лицо ее было залито потом, спутанные волосы разметались по подушке. Получив передышку между схватками, она взглянула на него, тепло и спокойно.

— Роды, знаешь ли, не мужское занятие.

Он рассмеялся, на секунду забыв о страхе.

— Ребенка мы делали вдвоем, а мучиться родами ты хочешь одна? Нет уж.

Джейн пробыла в тягости всю весну и лето и к концу осени отяжелела настолько, что с трудом передвигалась. Повитуха божилась, что в жизни не видала такого большого живота.

Началась новая схватка.

Он долго сжимал ее руку, помогая тужиться, и наконец его сын выскользнул из ее чрева и оглушительно завопил, приветствуя своим криком мир.

А за ним на свет появилась его дочь.

* * *

На следующий день она полулежала в кровати и по очереди кормила младенцев, а он, присев рядом, играл на гиттерн, которую хотя и с трудом, но получилось выправить. Как и он сам, инструмент был искалечен, но все еще жив. Перебирать струны с прежней ловкостью он больше не мог, но ту песню, которую она знала и любила, сыграть все же сумел.

Позволь любить тебя вечно. Всю жизнь, пока я дышу.

— Мне пришел ответ, — проговорил он, когда наступила тишина. — Из того колледжа в Париже.

Она с надеждой взглянула на него, и ее глаза распахнулись. Парижский колледж Святого Космы, где учили медицине, нанимал на работу и женатых преподавателей тоже.

— И что они ответили?

Он улыбнулся, широко и счастливо.

— Они ответили «да».

Она потянулась к нему, и они обнялись, держа младенцев между собой, а затем принялись строить планы о том, как весной отправятся в Париж, как она будет помогать ему работать, как в свое время они вернутся и принесут знания на север, к которому она успела прикипеть всей душой.

Когда-нибудь они непременно вернутся. Но сперва повидают мир.

— Вот. Подержи ее. — Джейн протянула ему темноволосую девочку, чтобы приложить к груди ее брата. — Она поела.

Он бережно прижал крошечный сверток к груди.

— Я хочу назвать ее Элис, — задумчиво молвила Джейн. — Но какое имя нам выбрать для мальчика?

— У моего сына может быть только одно имя, — ответил Дункан, наслаждаясь свежестью утра, и весом дочери у себя на руках, и видом жены, которая отныне стала неразделима с ним, словно дыхание. — Мы назовем его Джон.

Больше книг на сайте - Knigolub.net